

Эпоха в застенке

Анатолий Можаровский

ЭПОХА В ЗАСТЕНКЕ

Київ
2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.
М75 Эпоха в застенке.— К.: ИПЦ «Киевский университет»,
2012. — 432 с.
ISBN 978-966-439-226-3

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

*Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК*

ISBN 978-966-439-226-3

© Можаровський А.І., 2012.
© Пашковський Є.В., передмова, 2012.
© Урбанська С.Г., художнє оформлення, 2012.
© Видавничо-поліграфічний центр «Кіївський
університет», 2012.

ПОЕТ-ПРОЗОРЛИВЕЦЬ ВРЯТУВАВ ЧЕСТЬ НАШОГО ЧАСУ

Толя Можаровський — поет. Приймайте! Бо я почав писати обґрунтування чого він поет, а вийшло ціле “что-делать?”; а робити ж нікому не хочеться; як і читати мої статті. За один рядок про орду “прийшла орда — забрала все”, його треба визнати прозорливцем сучасності, а не просто її поезописцем. А таких рядків-передбачень і обрамлень досвіду, таких емоцієформ у нього безліч; наприклад, по пам’яті, “ты сегодня, как поле хлеба”.

Сотні патріотичних бумагомарителів орду під носом не вгледіли, а Можаровський узрів і випередив свій час, подавши нам цілу галерею ординських звичаїв, ординських вихваток, ординських цінностей ординського злочася. Тим він великий національний поет, хоч, здебільшого і російськомовний; бо мислив про народ, уболівав про народ, рішуче глаголив про народ; коли патріоти його повснули і громовержці його повсцикались; одні культуракання і культурпісемні рефлексії тулили і тим прогавили чергову велику руїну; писали про себе, себе возславляли, свої почуттішки і любівішки, своє роздобріле *его* чесали, а призначення — зважувати добро і зло, і відділяти благе від скверного, уберігаючи його — забули; зло й не-приминуло прийти, розсістися і звісити ноги. Служіть мені.

Срам і докір українописцям, що вчасно не добачили того, що в наближенні бачив Можаровський. І казав про це дитинно-наївно, преболісно застрашеною мовою завраженої дітолюбові. Якщо поет не прозорливець, якщо не бачить серцем, не передчуває любов'ю — загрозою для усіх добрих —то яка з нього користь Богові і народові?

Я стверджую, що Можаровський, значною мірою оправдання багатьох, бо писав про зло як про зло; а не якісь історичні, віджилі фантазійки; писав про розгин і обезбоження, як про лепту суспільства, а не якісь малопосутні умовності; писав про знелюднення людини, як наближення дикого нелюдства, знекультурення й вигубу традиційної культури; навіть тієї, що ввесь цей час побивалась над глинянниками і попробивала собі ними голови — і непритомно пропала орду, просліпала щезнення читача, глядача, слухача чогось вищого від підзaborних воплів. Саме важливe в людині — її любові стан — прогляділи в захмелеві політикоманії, історіеманії, групових чвар і марниць; саме важливe недоберегли, зберігаючи кожне осібну свою непоступливість і помисливість. На щастя, позбавлений літжиття Anatolij Mожаровський виріс як поет без багатьох літературних умовностей; зовнішніх удавань правди; його правда — правда відземлення; правда відлюблення всього і так надмірного;

правда відходу — ради наближення до Боголюбові і її небесних радостей; не хлібом з глинянників, а хлібом Божественного Слова вчився він годувати дух; здоровіти, милосердніти — і прикладом у малому слові подавати приклад іншим. Не всім така їжа до смаку; може декому такий наїдок і прісний — але в ньому те служіння, те призначення, яке і закладав Бог у слові, — відділяти добро від зла, небесно-любов від земнолюбія, вічне від смертного, — і, відділяючи кайдане, помагати духові вознести до Нього.

“Ви врятували честь нашого часу”, приблизно так, в одному з листів, сказав Шаламов Пастернакові. Приблизне можна сказати й про Можаровського, що рятував честь свого часу перед Богом.

04.03.2012

P.S. Поезія Можаровського — не причоски болонок; не сласті обжирілих серцем; не страсті міжніжного мислення; не штучні конструкції поетствуючих всевмійок, що видають ремесло за поезію — і давно розучилися вболівати; це не вторинна книжність; не кукуркання на заборі плоті; не крик одурілої від весни чуттєвості, що побачила світ з висоти курячомозглої еротики — нібито любові; не вимучений, несвідущий правди, пафос; не пластмасовий букет на цвінтари перетлілих емоцій обезлюблена часу; не розрита могила етнографічної спадщини; не череп’я й кості; не глухота й глупота бездонної ями — зачарунку мертвим — не глумота над нині сущим; упослідженим до небачення його, переступання його — біжкома в нову історичну яму; з невідвртості у невідвртість; з помисливості у двоєдушність; з нерозкаяння й перекрикування в демкурнику; з поглухlostі у таку оглупність, що прослухали стук лопат, попередження про підкоп — і радо шурнули в нову історичну яму; нарешті на місці; нарешті наплачево, наспіваемо, навдаємо відвртість; та обайдуження себелюства і в розpacі затнуло рота; нема відврття; хіхі-хаха, гиги-гага; так ніби й нішо не сталося; не передбачалось, не збулось; давно мертвотвою підкопана, неокаянням вирита національна катастрофа; хіхі-хаха; гиги-ігага; безуміє впалих у відврту знущальномуанію; вдаваного нерозуміння, що сталося — і своєї співучасти в попущенні злочину; в допущенні провалля; нагріли руки на трупі матері — і корчатъ дурників; і соромлять шапокрадів; знов хлопці підемо — боротися будемо; почнемо спочатку; та мати вдруге не гріє — нема натхнення — і мачуху за горбом виглядають; ні встиду, ні болю; ми поганці; простили каторжні клейма; ні ганьби, ні сраму, ніби так і треба; так в потайнозамислі закладалося будівничими неозорого батурина — нової державності, що вкотре, звично, прогавила своїх всепролазних доброхотів і пролаз найрізноманіт-

них; щоб добром натхненних, до добра здібних — всіх пустити в розпил; мрія, щоб згоріло в сусіда, перекинулась на все своє; заздроба до кращого винищила все краще і привела своє до свого; віддати чужому, щоб свому не досталось — радість близньонелюбів — проявилася в надочевидному історичному масштабі; щоб любов до країни сповзла з язиків і викрилася істинна золюбов до себе; присолоджене славолюбов'ю; з тою ж радістю свої вбили своїх, свої реквізували своїх, свої витрушували останнє в своїх, аби свому не досталось більше; з тою ж радістю відсвяткувавши мор, довершили мор-культури умором і нацдержави; і все ги-ги-га-га; хи-хи-ха-ха; таки, мабуть, перегрілі руки і клеми підплавились; відсутність живого болю, живої справжньості, живого слова — за дуже рідкісним винятком — про перевіковане двадцятиліття наводить на невтішні підозри; література виявилась нездатною розгледіти й провістити відвертий стан розверзть; розверзтого постатеїзму; неокаянного комунократизму; припудреного солодким демокрадизмом — новим всіобщим раєм; без райського співу в собі; на бой кровавий співалося — на бой за власність; на святий і правий; а ніби за гласності; література так і не вирвалася, не зійшла на обочину з цього кривавого маршу — і не стала пробудником нового; новоцілей і новоїдей щенезбулого часу; а назбирала всі старі куплети, всі ряднинні ідейки, всі змотлоховілі геройства, гасла — і повела на старі-нові барикади; там і наклала головою; звідтоді тільки гигакає і боротися не поспішає вже; помислива невідвертість комунопису переросла у відвертий страх всього серйозного; всього, що стосується справжнього стану сучасника; справжнього стану сучасності; справжнього, а не припудреного іронійками, духовиродства — і невідвортано скорботного майбутнього; коли воно втрохи пробилось над обрієм — як скрізь помрачіння, як чорне сонце смерті — це знов поспішили списати на політику; ті ж душеневіди, що далі носа не відали правди, далі чрев не прозирали, і тепер у всьому найшли суто земні, примітивнопричини; матеріалізм придох, але дохлятина матеріємислива якнайкраще прижилася в нащадках комунарів; до цього ще додалось трохи фрейдизму, трохи сексизму, трохи гробалізму і дешиця европізму — і мисливельний апарат душпізнання і світорозуміння вповні сформувався; так би й фрейдякали, глобалякали, сексякали, европатякали, виславлякали себе, — в цвіт і оазу людства, — якби час опустошливо не викрив всі їх премудрія і геройства; невпізнане провидцями впізналося багатьма; що це за народ такий; що це за солодкогласі майданомани; графоманствуючі політикани, що здали в оренду країну, як плаху рубщикам м'яса — і далі, далі правдоборять; далі й далі будять; щоб не ржачербата в орендаря руках; воплі, що ми за народ? перерісши в захоплення: який ми народ! зійшли вочевидь: оце-то народ! але відвертістю про

народ так і не зазвучали; для цього потрібен був інший, нематеріалістичний інструмент пізнання духосуті людини; вони ж бачили її подобу у вигляді природньої, суспільної істоти; плекали її природність; начіплювали на неї орнаментальність; ще більше розпалювали природність і душевність, уявиму як духовність; ще більш сприяли озвіриненню й матеріалізації, визнавши демократичної і національної людини безперечну ідеальність; досконалішу досконалості; досконалити було нічого; залишалося тільки політично обожествити її; вибороти їй владу і возсадити на давно заслужене місце; цим ревно захопилася дубово-яворова публіцарня; в божественній народності узрівши найперш себе; немало так повладоборили — народом за свої курники й сідала; дух часу, лик часу — криваве попередження всім — завісили перелинялими з кумача гаслами — передачками-писаловами; заспали голови, заговорили зуби, а коли біль прийшов, — скорчило вже не на кутні, а всеніким тілом; правцем закорчило; не щелепу звело — звело країну; дякуючи лікарям, боялись болю очищення; болю помірного духозцілення в 90-ті, 2004-го; от вони й возвели — щербатий прапор над плахою, як знамя комунопобеди; над побежденими слабоумієм; всіх тих хто вірив; всіх тих, хто довірився їм! как-би-не-било-войни обійшлося без війни завоюванням; солдатами орди; воїнами цинізму; братами по людоідству, витесаними з яворових буратін; країну доскорчило — і лікарі розбіглись; відвертості так і не прозвучали; звихнутим на політикоманії, вона й недоступна і не потрібна була ніколи; і, як кожна неправда про стан здоров'я, привела немилосердну хворобу; цілителі душ, завідувачі нацтворчими спілками, завкомітетами культури й духовності країни виявилися найбулоїшнішими шарлатанами; коли правець історії прогавили, пропили й проспали смерть і запустіння, коли довели до корчів мільйони, коли сліпому й дурному видно стало, як послідовно ішло до цього, по кривавій брущатці незмітих ідеологій, воровської культури атпетого атеїзму, коли хоч півслова провини врачуючим треба було б визнати, їм заціпило як самій ямі; що нахерлася незгірш тридцять третього; вдавилася і ковтнути не може; вже й про народ не такикають, рецептів на смерть не виписують; але й, що сокири принесли, — не визнають; яка ж правда й сила в літературі із таких рук? Одне зусилля приховати правду про істинний духостан; приховати невігластво про невідоме їм зроду; і далі культуродуховнити, далі такою культуро-духовністю помагати орді майоріти над плахою; обдумухувати з сокири перетруджений, аж багровий накал; щоб вгеть не перетрудилася; поберегла себе й не втратила гарп; старі сокироносці, перешіті з прапороносців, харашо засвоїли: яка б не була сокира, а кістка перепаде; тільки вовремя дмухати треба; вдаючи духовність; то ж як біля сокири не дають постояти — їм насмерть тоді болить.

Щасливий той, хто уникнув їх; навіть зблизька болем їх не пройнявся; зберіг свою правду прожитого двадцятиблоліття; як колись були столітні війни, так тепер двадцятиліття терзань і немиру; тому в тому, хто уник славоукраїнства й звичного літлицепрістрою слово "біль" звучить відверто; в зітханнях поміж рядків і прямим висловом: звучить як лейтмотив; як невимовна травма часу; біль, як синонім навкіл вмирущого, наскрізь відживаючого, навиліт провідчутого; біль як у декого калейдоскоп квітуючих вражень; вгодованої плоті ненаситних роззявлень; жадібного споглядання; біль як проста і найємніша правда часу; правда неомертвіння! така ще є; хоч декому й запроста; декому й хліб із печі зуби ломить; все круасани давай.

В дні пустель і оминань, іржі і лжі, поезія Можаровського не моква у початку яру, а вода, що пробила товщі, сама утворила промоїну і радує око сонцю; дзуремети малим відголоссям пережитого; нетерпінням узріти краще; та, коли стикається зі світом — перший порух: втекти од світу; сковатись у звичну світові байдужість мракохолоду; але устремлення Вищолюбові, яке і вибростало на поверхню, назад вернути уже не може; будеш боліти — нечуттєвою завразливістю; болем болелюбові; болем Великолюбові, рожденної уболівати; відчувати світ дитинною Високолюбов'ю, непосильною плаузам; чуттєвістю неохопленою; Любов'ю вищого енергопорядку; з якої в звичнолюбов вернутися неможливо; як неможливо й потік нейтрин, і ядерну реакцію назад убрати сила найтоншого глаголить безоглядно; без уваг на повтори й техніку; ремеслом не скuto; не стримано руслом зabetонованої майстерності; не змучене вимученістю напівправди просте слово прорікає з силою того правдоголосся, що ніби вперше узріло всю мерзоту й опідленість заскотинілого в нових ціннотах часу; промовляє так, ніби вперше узріло зло; діє мов підліток, що кидається відстоюти Любов; мов сама ревність за вищим звичаєм — за тим як має бути — прокинулася в малому слові; така дія Любові завжди; великої Любові, що пробивається в змізернілій калікосвіт і бита ним, засміяна ним, свідчить Богові, як тут слізно й гірко; скільки ж тут ненависті! якщо цього вона не бачить, це не Любов; це не відвартість; це не проплакана словесність; жива поезія — вирок переоцінки т.зв. цінностей віджитого; правіку, мінуловіку; зовнішніх, а не внутрішніх, Богоданих ціннот; зовнішніх, що внутрішнє не признавали за рівне собі; це слово болючих переосмислень, надболісних розчарувань, вдушених стількох поривів! зраджених стількох уповань! всього найгіршого з усього найкращого пережитого в ниністолітті; це перепущення крізь себе доброго і ніби доброго; на що вже давно нездужі співці злочасся, що, оспівуючи себе, утвердилися в заскорузлих уявах про добро; історичне, національне, родове добро, як єдиноблаге добро — і вспорідненому по

любові зла уже не відчували; вищого не бажали; возлюбителі шкіропайок, а суті ненависники; в цьому одна з причин, чого все націомисліє не думалося, що буде завтра? що настане сьогодні — вичерпання й обезсмислення всього надулюбленого позавчора; уявне добро навміло уявляти, що все в нас добре — чого ще треба? обман, в якому перебувала нацдумка і її художні відобразива, обман, який багатьох розчулював і замиловував — уміленіє плоті собі подібним; дурна душевність — дешева на мить схвильованість; нічого спільногого з духовною любов'ю не імуща; не було Любові, яка звідала на собі, звідала нервом Бога — чи справді тутай добро є добром небесним? чи справді живолюбов'ю живе народ? чи вожделення й злодуми його не є прамагнітом зла, що вже крокує назустріч? душевне, подане як живе духовне, приховало суть; однакових із злом стяжательних, глитайських, нагловоровських цілей і цінностей; майже безсиле, подане як велика навіки — сила і привело до тієї обезсильної днини, обезсилення людини, яке триває так непритомно довго; невідвіянє вчасно від справжнього добра — від високої Любові горіння — споловіло саме, зотліло саме, і в тлін обернуло усе залиблене в нього; заворожене минулим; причароване зовнідобрим, його задушевною розчульностю, якої так бракувало декому; злу це так помогло! йому ж бо бракувало всього всенародного; і воно вигризло всенациональне багатство вкупі з його культурою на закуску; поки умилителі умилялись; та мову калинили; підпирачки під поламану ставили; що десь переламували економічний хребет якось не додумувались; загрози не відчували; що ж це за провидці? прості рибалки, учні Господа легко розрізняли: душевне — не духовне; учителі Самого Бога возвели душевне у Богорівне й почали служити йому; чуттєвісному началу; а Вищолюбов Його, імпульс Добра, звели у ніщо; ніби й нема такого; є тільки красоти доброго; художність побрехеньок; дієвого вдосконалюючого Добра нема й не потрібно. Якщо вельми спростити — написане Можаровським: звіт про дорогу до цієї Любові.

Як це вкотре бувало до нас, ремісники слова програли самоукові; ремісники славили себе й своє, хвалилися й гризлися, а самоукові, по радості першовідкриття, по невинності Його Любові, відкрилося славити Бога; живописати не до себе, а від себе — дорогу до Ньюго; ремісники ж були такі великі, що ждали на печах аби Він Сам до них низзійшов і німби на них повдягав; у пророки самості посвятив; ждали, заждалися, аж у теплі повсинали; коли ж піч уся вихолола, прийшла й зігнала нужда — і затрусились, і посрамилися великомудрі суєтомислієм своїм; та йти було нікуди; поставали, як вкопані, даждьбожі внуки, і стали виглядати побратимів — з острова Пасхи; може зрушать вітчизну разом. Самоук же не грівся у славі світу, а йшов від нього; аварія і присмерть помогли йому розібраться в цінностях; важко назвати щастям, але йому пощастило; в

більшому від земного життя; з просвітів свого болю побачити страшніший біль; мук болетерзання; вічних мук; обдмухнутих Любов'ю. Те, що може видатись простотою самоука, цінніше професіоналізму; бо мистецтво існує не для книжництв і нобелівств, а для підтвердження Бога і прославлень Бога; утверждань, що все благе і вічнісне — все від Нього; що все від Нього цінніше суєтства, прекрасніше людського; “не нам, Господи, не нам, але імені Твоєму дай славу, ради милості Твоєї, ради істини Твоєї”; слава імені ради милості й істини — відкриття того, як істини Слова в наслідування іх приводять до найвищої небесної і духовної Любові; а “істини” не від Слова, а від людських казань, нібито культури слова віddaляють від справжнього окультурення; внутрішнього досконалення; духовного перетворення і двох найвищих станів любові; так зовнікультура без істин стає досконаленням зла; “мистецтво належить народові” давно треба виправити на “мистецтво належить Богові, а потім і народові”; якщо народ тяжіє до високого; якщо ж ні, — нехай воно служить Богові тим, що такий народ викриває; а не покриває; якщо ж ні Боговому, ні людському служінню нема — це не мистецтво, а тьма; і тримати його треба там, де й очує темрява; а не випихати людям межі очі; поза їх волею; із комп’ютерів і смертовізорів; шкільних програм і вузівських каходир; чорних дір каҳикання і зникання в безвісти; присмертної культури; професійна злокультура, як і хімізація сільгоспкультур, нічого, крім смерті, не вроджує; культура без блага не може привести до блага; зробити людину й суспільства країнами; а зазнаєними й злозатятими, хитрішими й лицемірнішими — скільки завгодно; коли ж злонорми стають непохитними нормами, книжна культура боїться їх поколихнути і дмухнути на них; поки смерть вмощується в їх дисертаціях і догмах; замірена вікувати там, попиваючи кров із студентів, поки професійне обанальнення й оболванення потирає на штампах руки, готовуючи легіони славителів марноти, Дух десь готує вже тих, хто нагадає і поколихне усі їх норми і надкультурність.

Із перших книг — “Я слышу музыку небес”, “Я сын травы, деревьев, птиц” — із перших рядків чотиритомника видно як зовнішнє вселюбіє світу манило й зваблювало його; як рука Милосердного — силою ввіллятого Милосердя — відводила від світу ненаситі; як силою Вищолюбові насичувала і возносила над марнотям; любвішок зовніх; принад безодні; їх невситимого бездоння, куди скільки не кинь, все буде мало; як тосно й моторошно оновлюваному в наскрізь обезлюбленому глитаємісті; як надсамотньо тому, кого омишають од надбажань і прилюбленъ світу; як рветься надсамота до звичній людської любові; та її нема в залюддях міста; мов чистого хмелю в підробному пйлі; як усе тяжче втрачати; часом кішки втратити тяжче самого себе; коли нема Любові; благотеплом Життя нішо не дихає;

коли скрізь мечти подзaborій із повним ротом; як метається юноша оживлена духолюдина, шукаючи, де явити себе; добро Любові — посильним добром — віддати; як те, що оживило її, проситься, мов дитя на вулицю, оживити інших; як вчиться душа ходити, по-новому розуміти, милувати, відверто славити Бога; од переповнень ества уста заговорють; невозбранимо ніким; жадним собі-добра і звишнью-добра неімущим; славителями себе; за свої успіхи в обдиранні близжніх; в обкраданнях Бога! бо все, що мають, вони вкрали в Нього, а собі притирили, що Він їм дав; забули тільки свідоцтво про власність за Його підписом підробити; нічого; і так нівроку увірили себе; як рветься душа-дитя віддати; своє мале Добро виповісти; це теж глибинного устремлення ознака; не в себе тяжіння, а від себе даріння; так діє Вищолюбов; Його Любов, що викарбовує нове служіння оюненій духолюдині; вона то обурюється, то лагідніє, то кричить від узрінь неправд, то плаче над могилою світу; так діє сила в тій, що бачить неземним оком; любить не земнолюбов'ю; чисте бачить наївно, а ненависне Богу — гнівно і недвозначно; ревно на захист Його Добра; як правдомовить Любов за межею художніх правдоподобій; посередніх оцінок, задушевного тону; воно й так і не так; так, але і не так; і вашим, і нашим; так, але й інак; тобто, ніяк; і з таких казань, таке й правдомисліє і правдоборча сила; як з лжепророчих письмен; свідоцтв, напророчень про своє і себе; Любові, що зрити зсередини, вагатись ніколи; слів добирати ніколи; вона блискавичніть, а не труситься, як алкаш: де б перемогтися стопкою? вона переможнить, не питаючи в курників права, як Бетховену знову грати! на людські гидколюбія в Любові своя реакція; тому всі натхненні нею не вагалися; проламували континенти; розсікали оружно і Духа зброєю воїнства і зовнісулу; не вагалися й не питали, як творити й здійснювати її; як мріяти? що утверджувати? і замрії, суть поетичного, як заглядання Любов'ю за обрій, вічним у завтрашнє, завжди збувалися; ось суть добрих мрійників передбачливості; саме Любов бачить; саме вона підказує; мрії збувалися, бо сила Творящого творила майбутнє і знала усі частини Себе; мрійки зовні-добра, — душевності, а не Духу Його — як пориви вітру пропадали із душевичерпним часом; одв'язали з навіянням нових прихoteї і ніколи не збувалися вповні; малосилі для творення; вичерпувалися; від них відверталися; огидніли як позавчорашні газети й моди — і туди їм дорога; бо відволікали, віднаджували від стоважливішого — досконалень; перетворень людини Любов'ю Бога; по істинах від Нього; чим менше до звичноплотського, звичномирського, звично-собіприємного вона прилюблена, тим яскравішої могуті Сила вливається в духолюдину; в дух одиниць, мільйонів; окрилюваного Ним єдинолюдства! поет несвідомо стає провісником; часто не знаючи про що він співає; Любов не має; вона задіює все найкраще, нею віднови-

лене — і все не крапле, ще невідновлене — в формах; велика Любов — завжди до звишнього, до себе поклик; ось суть її главідеї; співець може не відати; та його зафікований шлях є провістям — як діяла Любов у ньому; як діятиме в інших; оживляючи їх; куди їх спрямую? чим змусить радуватись — немислимості ділами; вчора немислимим нікому; новими служіннями кожного нового часу; остосованого новим Натхненням; якщо є здібні його приймати. Відділений від поетичного цеху, від'єднаний від ремісництва *его* поєт вчиться промовляти від Вищолюбові; як вміє хто; декому щастить менше; в декого не вистачає сил і часу переступити через особисте; родове, праховісне — і промовляти вічнісне; як Вічнолюбов, обпікаючись об хлад світу, чує; як вміє і як вдається, так і рече навмілий нею мовець; це одна із причин неволь тюрем, катогр, солдатчин, мучительних недуг явителів мислеобразів; не ницього прахомовлення — рішучого емоціемовлення; сили у формі малого слова; для явлення мови Вищолюбові — її правд і принципів, що лихе, що добре — у кожному часі потрібне від'єднання від колективної звичаєвості; цілковитий відрив від улюбленого багатьом; ніби добра, але давно колективного зла; куди Любов гидує ввійти; ні нагадати про себе, ні опам'ятати, ні вкласти нову мету, ні надихнути на неї не може; узвичаене єдинодобро відчувається як єдиноможливе; тремтить за себе, береже себе; боїться доторку Новолюбові і новоздійснення; та з висоти Любові — у від'єданості від банальщини часу, цеху, вітчизни, — зриться усе первісне звірство в його непримітному жорстокосерді; як африканської ночі зйомка, — жах і терзання відбитих від стада; і радість закривалих пащ, що милішого ще пульсуючої крові не відають; оком звичності неінфрачевроним оком — буднів кожного часу не видно; відвертих жахів не помітно; олітературення мовця й ширше, самої писемності, неуникне й погибельне явище; попередження не відбувається; звірство звірствує; дух погибоша, а зовні все благочинно; любов скотиніє, гине в розтерзанні, якщо знову і не з'являються, ніби нізвідки ті, хто зором невинності бачить зло; одоліває зло, — в собі, в скрізь-буденні — і ненав'язливо вчить послідувати за Благом; нагадує, яке воно? ніби нізвідки — і є: від невмовкного поклику Єдиноживого; що призвав одного із падших — підвєстися з прахолюбові — одного із нас; хто б нагадав давно забуту мелодію; нестрим живильної чистоти, що пробивається з товщі і радістю вмітого сонця радує віддзеркалений світ; бринить у повітрі; омиває долини з середини; так випростана Любов випростօє радість новотворимого нею світу.

09.03.2012.

Євген ПАШКОВСЬКИЙ

***

я пламенем в небо
врываюсь
все выше и выше
меня здесь встречают
затем остужают
и снова обратно на землю
я возвращаюсь
и слышу звон колокольный
по душе своей отошедшей
но стойте
рано
меня возвратили
как возвращали
не раз
и вижу кусты густые калины
рядом стайки деревьев рябины
ягоды красные
осень
я их срываю
туго
наслаждаясь покоем
о Боже!
прости
вразуми
я все здесь люблю
и всего мне мало
но тайна Твоя
меня тянет туда
где начало.

13.11.08

***

Красными буквами
на белом заборе
написаны лозунги
о каком-то уборе головном
или нижнем.

Читать можно так,
а можно и эдак —
смысл не меняется,
да и смысла-то нет.

Просто рождается партия
всех,
кому не смешно,
кто не успел,
кто хочет тоже,
но не у дел.

Рождение партии —
надежда для членов.
Но как перейти
барьеры процентов?
И пишутся лозунги,
идут в блоки,
лишь бы их видели,
лишь бы их знали.

Известных фамилий
уже примелькались.
Рождаются новые,
не в муках, не в крови —
просто собрались
и решили работать.

Но поля- заводы им не к лицу —
лезут на сцены, помосты, трибуны.
Слава и деньги —
политика дури.
Бездари
прут к цели.

***

Свет из окон домов
пробивает вечерний туман.
За окнами жизнь?
Мне все кажется
это иллюзии или обман.
Свет фонарей ложится на
мокрый асфальт,
деревья, кусты.
После суток дождя
город безмолвный, устал.
Огромные улицы без людей,
одинокая ель,
всё в каплях воды,
свет играет на них,
и капли, как серебро,
и с крыши капель
пробивает воронки в земле.
Наверное, точно такие же
в моей голове.
В последний день осени
в сквере один.
Скоро ночь
и я — господин
этих улиц пустых и дворов.
Ядвигаюсь медленно,
наполняясь покоем
в городе ночи.
Город прекрасный окутан туманом,
я одинокий
на улицах странник.
Туман...
И мое сознание
в мире реалий
или в мире иллюзий...

Каждый себе создает
этот мир,
как удобно.
Реальный — кощунствует,
мой — удивляет
меня каждый день.
И любовь к нему
не умирает.

30.11.08

***

Снег заметает крыши домов
а птицы летают,
не боясь холодов.
Утром ранним
я стою на дороге,
снег искрится, играет
на крепком морозе.
И пойду я сейчас
к полям белым и снежным,
к полям дедов, отцов,
отдыхающим, зимним.
Детство мое в этих полях.
Весна.
Ложится в земле борозда,
Лошади медленно
тянут плуг,
и клубится
теплый пар от земли.
Затем — лето, жнивье,
запахи выжженных трав
и хлебов.
Люди
на полях с рассвета.
Днем — жара,
солнце палит нестерпимо,
но хлеб, но хлеб...
На всю жизнь
помню это:
хлеб ржаной из печи,
и молоко из крынки...

Поклонюсь до земли
Богу я в этих нивах,
поклонюсь до земли —
здесь пот дедов,
здесь моя жизнь прошла,
как это утро,
и грани
памяти режут
по сердцу до слез.
Что ушло не вернуть —
ни мечты, ни грез.

09.01.09

***

Бывший директор
продплодбазы,
затем холуй мучмы-заразы:
«парламентский директор».
Так смешно.
Какой парламент?
Такое чмо
над ним висело,
деньги мешками
туда летели.
Затем — в немилость, дурака,
и выслали пока на речку,
там у него поместье,
и церковь во дворе,
и паламарь,
свечей угар —
дышать ему этим немало лет.
И колокол звонит в спальню, в окно,
там баба молодая:
«Повезло», —
со стороны завидуют
подружки,
и девушки, такие же шушлюшки.
А она грезит —
ей бы парня
с Волыни, дикого, из леса,
этот — толстый, жирный
боров,
и жить ей с ним
еще как долго...
А колокол звонит в воскресный
день,
и паламарь,
ему так стыдно
за теперь.

Депутатишка с трудом
окончивший шесть классов,
теперь — ученый,
директор института
по политике
колбасной.
А колокол звонит,
и терпим мы
такой позор
своей страны.

18.01.09

***

Густой снег кружится
и падает,
земля стала белым покрывалом:
деревья, дома и люди
в снегу,
и выюга
кружится...
Город стал белой птицей,
огромной, живой.
в этой круговерти
кажется
в любой момент
все полетит как снег,
но только вверх.
Кружится Земля,
все в движении.
Прекрасный день
еще раз
подарил мне Бог,
и я понимаю
ценность подарка.
Я принимаю
день этот с любовью,
молитвой,
я закрылся душой
ото всех, кто может
обидеть,
оторвать от миросозерцания,
втянуть в суэту дрязг.
Не понимаю вас.
Сам не праведник,
но дорожу жизнью,
и всем советую.
Сейчас ухожу в этот снег —
мне бы век еще...

***

В траве зеленой
я лежу на лугу
влюбленный.
Надо мною небо
с облаками.
Они плывут, как в океане
корабли
белые.
И форма их:
то зверь,
то просто горы.
Руки любимой
ложатся на мое лицо,
глаза прикрыли.
Смотрю на солнце
сквозь щели пальцев,
солнце
просвечивает руки,
они как красно-золотые,
муки
любви,
поцелуи
ласкают губы.
Ты первая
так сильно
окутала меня в нежной
радости свет.

24.02.09

***

Через стекло окна
грустно граничащего
с мокрым туманом
я вижу линии
дома
архитектуры старой
еще непознанной.
Камни спящие в тумане,
застывшие
на века
дома и здания
города Святых дыханий
с деревьями на улицах,
которые уже не спят
медленно протягивая
ветви к солнцу
закрытому
серой мглой —
дождь который день.
Неловко
мне теперь,
путнику родной земли.
Пришла весна,
и я дожил —
Бог продолжает
опекать меня,
но я пока-что ненадежный
духом,

меня манит
то, что я давно
должен забыть,
а город мой —
поддержка мне, —
тоже нежно
продолжает
меня любить.

08.03.09

***

Дома архитектуры старой...
Красивые
памятники истории
и страны.
А мы мансарды строим
конкретные пацаны.
Уродуем, ломаем и рушим —
это сегодня прогресс.
А вам, господа, — дуля!
Не нравится —
идите жить в лес!
Мы город взяли
без выстрела,
просто «кравчуки» и «кучмы»
отдали нам
как должное.
Мы — конкретные пацаны,
высотные домики
тряпаем.
Уродство столицы?
А что?
Мы валюту в них
вкладываем,
чтобы было что
на потом
детям, внукам
и телочкам,
которые верно нам
стелятся.

— У вас, конкретных ребят,
годы уйдут, умчатся
в пыль истории, в грязь.
Ваши мансарды, домики
чужим людям уйдут
опять —
всё повторяется в мире,
нового под солнцем
нет ничего.
Но вы, точно, — дебилы.
Вот ваше начало
и ваше родство.

21.03.09

***

Я вас понимаю,
я вам помогаю
свою душой.
Кроткой, красивой, нежной,
земной,
с начала ее сотворения Богом,
с древних далеких времен
те народы,
откуда вы к нам,
давно изменились...
Я вас понимаю.
И ваши молитвы
рано, не поздно,
услышат на небе,
и к вам столько силы
сойдет
для победы
и выхода из круга,
не совсем еще ада,
но круга,
где покой ваш
исчез.
Награда на небе, —
помните это, —
там ваша сила.
Молитвы об этом
от вас
ждут давно:
откроются реки,
потоки воды
живой, исцеляющей.

Вас просят:
— Иди!
Не ропщите, не злитесь,
кто здесь без беды?
Жизнь на земле
не только цветы,
не только ночь в мае
в любви и забвении,
жизнь на земле
страданий, терпений —
закалка души,
испытание сверху.
Не бойтесь
звезды,
что светит и греет,
а бойтесь греха,
который, как ржа, —
идите, молитесь.
Я с вами всегда.

27.05.09

***

Площадь взрывается шквалом эмоций,
эфир над землей
слова разносит:
— Свобода и братство!
Правда и воля!
Земля человеку!
Власть подневольным
Богу и небу,
площадь гудит,
взрывается эхом
тысяч людей
уставших, болевших,
им вторит старший
на трибуну взошедший.
Слова те, что нужно,
что слышать готовы,
и шквал в поддержку,
и ветер, и воля...
В степи поутру
роса по хлебу,
пение птиц,
и небо, небо...
Дорога в пыли
петляет, ведет.
Память уносит
в древность —
народ,
кровь на росе,
кровь по пыли...
Свобода и воля
без крови
не шли.
И здесь все готовы
по каплям отдать
душу и сердце,
но некому взять.

Старший в колоннах
впереди за свободу,
но мысли кто знает
его и придворных
старшин и лакеев,
и что им потом
слова?
Обманут.
Люд
босиком
с палкой в руке
по пыльной дороге
в жаркой степи —
исколоты ноги,
свобода в душе
горит, догорает.
Ветер кружит,
птицы летают,
травы пожухли,
хлеб перезревший,
падают зерна
в землю
навечно.
Люди согнулись,
утрачены силы,
площадь притихла,
старший забытый.
Надежда, что новый
подрастет и возглавит
колонны свободы,
и гром тогда грянет,
но ждать нужно долго —
годы и годы.
На пыльной дороге
истертые ноги.

***

Мне не обнять тебя,
не дотянутся
мне к тебе
сквозь марево
завес,
которых путы
на тебе и мне,
и нет свободы.
На коне
я ускачу
в багровый горизонт восхода
по травам
и пыли дорог.
И снова
станет легче
мне от ветра и далеких видов,
небо багровое исчезнет,
и сон витязя
покажется мне выходом
далекой древности,
когда внезапно
полки вставали,
кровь лилась
и города горели
за женщину,
которую хотели.
Но это в древности веков.
Сейчас герой
зажат со всех сторон,
и тратит время на борьбу
и сон,
другой
повязан суетой,
и все таки романтика
веков —
тебя я вновь
хочу как небо созерцать.

Но это все мечты,
мечты опять...
Но остается ненасытная душа,
душа, которая горит:
— Огня!
Огня любви!
...Дороги пыль
в жаре,
и травы зелены,
цветы в росе,
ночные грозы,
молнии —
Восторг!
Но тот огонь,
что, ненасытный,
вновь
меня поднял
и не пускает вниз —
огонь любви, —
его не потушить.

12.06.09

***

Белый иней серебром
по траве зеленой
днем.
С голубого неба солнце
на подмогу
ненадолго.
Желтые рябины листья,
гроздья красные поспели,
соловьи все улетели,
трели их остались
лишь в душе.
Соловьиные напевы
в цветах белых
по весне,
и глаза твои напротив —
на всю жизнь,
как эта осень.
Ночь в любви,
но ты чужая —
сердце знало,
сердце знает.
Мне для счастья нужно мало
дней,
остальные
как морозы
колкие, колючие,
и слезы
поутру.
Жизнь на плахе,
жизнь в кредит,
сколько мне осталось?
Миг.
Остальное — не мое.

Мир Бог создал
все равно
для меня.
Дождя теплого помню
слезы,
тебя ждал очень долго,
и так же отказал себе в счастье...
Где ты?
Я тебя найду,
и — здравствуй! — скажу.
Но это будет мир другой.
Другая радость.
Навсегда останусь с тобой.

21.06.09

***

У каждого своя беда, свое горе.
Господа!

Вы как в бане —
пар и бабы,
водка, закусь,
пилорамы,
или, как назвать
все это:
группен-секс
и без билетов
вход.

В элитных кабинетах
vas ждут всегда
лизать вам место,
на котором уже тесно
брюкам вашим
от еды на верхних рамках
куда вы поднялись
да поднимать вас помогали
те, кого вы все прогнали
с вашей памяти и сердца,
но без них вам
невозможно —

кто родит вам девку
в ложе ваше?

Кто все это приберет
потом с утра?

Кто помоет дом, машину?
Бросит бюллетень в корзину,
чтобы снова — вверх?

И слава,
что при жизни всех достала, —
ваша слава
тяжело дается нам.

Ордена, медали,
хлам
речей речистых разных
на бульварных верстках важных,
на ваш взгляд,
газет, журналов.

Телевидение
рано
утром начинает все о славе.
О баранах — тишина.
Что бараны?
Шерсть нужна —
и так обрежут.
Мясо нужно?
Так в чем дело?
В виде разном
под салаты,
и живое тоже.
Вам что?
Мяса меньше стало в стае:
то — пропало,
то — устало и ушло
в миры другие,
то — сбежало на квартиры
по далеким странам мира,
тоже мясом там
застыло.

Кто в бордели —
место первое по миру
по поставке шерсти, жира,
кто в войне,
кто на стройке,
кто в тюрьме
за проделки крышеваний.

То все те же ваши бани,
где решаются вопросы:
быть—не быть.
А вот под носом
у себя не усмотрели,
и бараны повзрослели,
стали лязгаться рогами,
даже где-то рвутся в бани,
ну а самые шальные
баб вытягивают в мыле
под себя,
а вам вон швабра
от уборщицы осталась,
вы попробуйте и с нею —
она теплая в постели,
только выпить нужно больше
водки, пива да с ликером,
и тогда вам станет легче...
Но это — случай,
и не к месту,
это так, поодиноко,
а пока не дремлет око,
и следит, и подсыпает,
рейтинг рамы поднимает,
и окно из броньстекла,
и охрана там, вохра.
Снова скоро бум начнется,
уж плакатами неймется
всех спасать
и все менять,
да и систему поломать.
Потрудитесь, господа,
время — влет,
и все туда,

«все наверх!» —
свистеть вам будут,
крики «браво!» —
не забудут вас, круков.
Просто нет у нас орлов,
мало их,
в горах где-то там,
а те горы —
все на сесты, базы,
храмы телу,
моды.
О, дворцы
для вас, уродов,
строили бараны быстро,
без вожды,
но как сталинисты
сами,
под аккомпанемент баяна
с телевизора экрана:
толстый, жирный гармонист,
девки с ним,
трусы на них
еле-еле, чуть прикрыли
то, что главное, —
не рыло
баяниста, нет,
а те штучки,
что заводят
всех без блаты
в хороводы.
Солнце светит всем с утра,
радости на всех хватает,
эх вы, наши господа! —
вот вам мыло,

мойте рамы,
и готовьтесь снова там,
в самом верхе,
балаган открыть по-новой.
Изменения и сломы,
все забудется потом:
языки и керогазы,
русские и НАТО
сразу
все уйдет в корзины
мусора с заборов пыльных:
ваши рожи,
наши руки —
все собрать придется
в стужу зимнюю
на свалку.
Выборы пройдут изнанкой,
приоткроются и бани,
я поймать хочу на глянец
фотографии
хоть попу
молодой политзазнобы —
так, на память,
на утеху:
зимним вечером что делать?
Не читать же мне
те книги,
по которым нас учили,
и по которым мы пришли
к бане, раме;
и трусы по книгам нашим
не торчали
для раздачи.
Все другое там,
для сердца.

А что вышло на поверхку,
где те книги и их ум?
Все — другое.
Значит бум других материй,
значит — бум! —
мы пролетели.
Думали все о высоком,
о душе,
и светлым оком
созерцали мир планетный.
На дорожку
нам проверка:
мы не справились с мозгами,
мы не справились умами —
пролетели.
Мы — бараны.
А теории — другие.
Мы — чужие
в этой пляске
на курганах,
на могилах
И что память?
Все — ничто.
И только верх —
господа и их концерт,
и закончится не скоро:
времени уйдет...
Просторы неба
примут время,
новое назначат,
племя подрастет,
и вот тогда уж
рамы полетят
и бани,
бабы ихние, плакаты —
все на свалку.

И солдаты
стройным шагом
в коже черной
из бараньей тонкой шкуры.
Маузеры?
Нет, —
кастрюли,
и в них грохот черпаков.
Новые штаны,
герои,
книги новые,
гномы все
уйдут, исчезнут.
Это будет
понедельник —
новый день недели
света,
праздник новый
и газеты
все новее.
Как там будет?
Кто пророчит?
Но на шее — черт сегодня,
и потом, наверно,
вскочит
он опять...
Пессимизма пядь во лбу,
мне бы ум туда, звезду,
как когда-то при советах,
может, я помог бы где-то.
Но такая пустота...
Баня, пар,
зачем звезда?

01.08.09

***

Лес на километры,
воздух до краев наполнен благоуханьем
хвои, дуба,
травы, подсущенной местами солнцем,
и цветами отходящими.
Под тихим ветром
шелест веток-исполинов,
и птичий пев
во славу Бога.
В прохладе чащи от жары
укрылись звери.
И я услышал слова веток:
сосны вздыхали и говорили
о бумаге,
которой нужно много
растратить, чтобы попался избиратель,
и, мол, скоро в лес
придут ребята в касках,
пилы, трактора.
Лесное братство —
на выборы, бумагой,
по стране,
на каждом уличном столбе,
на всех заборах
и в шкафах комиссий...
Дубы вздыхают:
как жизнь продлить свою
на стройку дома,
или святое дело —
гроб,
чтоб в вечность снов?
Но бумаги нужно много.
Лица — бриолин и тушь
гримера,
слова пустые, даже вредные любому —
для макулатуры,

а потом —
свалка для бывшего лесного дома.
Дым и вонь
до неба —
исполинам смерть.
Ради чего?
Давно знакомо —
дешевая потреба —
по кругу дури жизни
мы идем беспечно,
а рядом, паралельно, круг
моральныи,
где все честно,
но кто нас поведет
туда?
Не эти!
Им нужен дури круг,
где власть и деньги
одно место,
услаждая, греют.

08.08.09

***

День особенный,
праздник православный,
Успение Девы Марии Богородицы
я славлю.
Кто я
перед нею?
Недостойный.
Сколько мерзости, обид и боли
я доставил Ей
за эти годы.
Мне стыдно обращаться
в непогоду
личных бед и бед моих родных,
я перед Марией
столько вымыл
добрых помыслов с души
и сердца,
я стремился к женщинам
и играм,
жестоким и нечистым —
понимаю...
В день Великий
к Ней обращаюсь,
Матери для мира:
сиротою
моя мать ушла —
она с Тобою,
я имею время для возврата
на дорогу чести,
где богаты
духом люди
движутся без крика,
хоть приходится им трудно.

Поднимаю руки и взываю:
— Матерь Бога,
сколько Ты людей спасала,
не оставь меня
здесь догорать,
помоги мне развернуться вспять
добрьими делами,
добрым сердцем...
Матерь мира!
Без Тебя мне будет тесно.

28.08.09

***

День рождения отпраздновать
в Монако,
лучше — в Ницце или Каннах,
потом раком
в номере гостиничном
качаться в такт
головокружений сильных
от деньжищ, вина.
Ох и картина!
Градом правит чудо —
с туалета платного
кассир,
что взлетает
выше «крыши»,
которой отстегивал
часть налички
от прибыли базарно-туалетной.
Город князя святого
отдан нелюдям
за любовь немногого,
а немногого за деньги,
и ту верность,
что своим чертям
служить примерно
обязались.
Народ стенает,
как в дурдоме:
то туда,
то так —
не знает,
что с ними будет завтра,
вечером и ночью.
А пока таблички,
и цепочки
на дверях палат
повисли тихо.

А в Монако,
раком, в кайфе
превеликом
«чудо» мира
«чудо» города
гульванит.
А народ стенает,
но еще
доволен и болванит.

12.09.09

***

Живет человек,
совершенствуя разум,
совершенствуя тело,
бывает, все сразу.
За толкотней достижения цели,
исполнения миром
поставленных планок:
квартира, машина, дом,
жена, дети,
образование,
если уместно.
Все достигается
от самодовольства,
часто и больше,
чем нужно для жизни.
А где те нормы,
или, как их,
нормативы?
Все относительно.
И мы завихрили
с рождения дня
до самой последней
точки
или просто могилы.
Памятник.
Столик.
Скамейка.
Цветы.
Воры не спят,
и прут все, что видят:
столик уходит во Вторчермет,
на водки бутылку
и горе родным.

...Был человек —
холмик остался,
рядом — столик и лавочка,
фото на камне,
а то, что собрал — сотрется, исчезнет,
как дым.
Ради чего
суетился, не спал?
Столик оставил и лавочку,
и такой же их взял и украл.
Можно новый там же, на кладбище,
стол заказать.
Надолго?
И что это даст?

15.10.09

***

Скоро выборы в стране,
президентский трон в деръме,
и отмыть его
пришло кандидатов
несть число,
победитель-то один,
остальные — пролетят,
и как в Польше говорят:
«У кого больше, то и пан».
Деньги сгинут,
часть души —
в трубы грязные в тиши,
там вурдалаки уже ждут,
соберут все до пылинки
и в котлы,
при жизни фимки
будет жар оттуда печь
день и ночь,
ни спать, ни лечь.
Но идут сборным отрядом,
шансов мало,
много шанцев,
и амбиций, и гордыни
трон омыть.
Господа и господыни,
сколько лет уже здесь
бяка,
кажется, умнее будьте, дяди,
тети тоже,
но тот ум
был когда-то, но бум-бум...
В жарких спорах политеса
жажды власти на планете,
хоть бы лишь в границах неньки,

а потом и больше,
в жменьку
срам собрать, как раньше,
а сейчас не нужно дольше:
дайте эту нам страну,
мы здесь править будем,
булаву
себе изрежем,
писарей,
псарей,
и нечисть разную — под знамя —
вновь делить,
что не укради.
Юлька вон вчера сказала
нежно, мягко:
— Я не крала,
не ушла с Майдана влево.
Я людям верю.
Верим и мы пока,
хотя знаем —
часто Юля привирает,
но мы тоже не святые,
тоже врем себε и сыну,
врем жене, соседу, брату.
Папа стырил вчера дачу,
что стояла от ЦК,
мама нашла себе кобеля
и пошла в любовь, как сучка.
Так что мы все —
еще та штучка!
Не тягаться Юле с нами,
блатными пацанами,
бывшей интелегентурой,
шушерой базара.
Люди...

Мало их осталось,
поломались, обосцались,
спились, слохлились,
подохли —
опустится легче было,
чем подняться
как верзиле
олигарху и барыге.
Так что Юле
нелегко
нас скрутить, провеять в сито,
получить муку и жито,
новые сорта
семян чистейших
трон тот драить
по ночам.
Силу Юльке нужно
волю выполнить Майдана дружно,
вспомнить дни
подъема духа:
кому нары,
кому супа,
правду-мать среди блядей
отыскать,
и что с ней делать
грязной курвой
с переделок
прошлых презиков страны —
то слабак, то паханы...
Ну а если Юля
смажет,
пустит все
лишь по бумаге?

23.11.09

***

Часы уносят меня в зиму,
ноябрь остается
весь позади,
такой длинный,
на всякие колкости,
мелкие дрязги горазд:
поздня из дождя,
поздня с промокашки,
в туманах холодных,
клубящихся сыростью,
нелепой нечистостью
и нестабильностью.

Я так не люблю
тебя много лет:
то революций трибуны,
то мамы смерть,
то просто хандра...
Тебя перейти
стало нельзя,
сквозь тебя прорываюсь
иглою во мгле,
болью и раной,
не на белом коне.

До декабря
остались часы,
и ты снова там
за орбитой земли...
Ноябрь, ты прости,
ты здесь не причем,
просто точка отсчета,
а, может,
дом мой
временный,
ты не причем,
ты прости, если можешь,

в тебе я живу,
живу умирая,
в тебе я живу,
себя побеждая,
ты меня рвешь,
но я стал сильнее —
я сталею и закаляюсь
сжигая нервы.

30.11.09

***

Раньше вор
сидел в тюрьме,
ходил в стеганой фуфайке.
Сегодня вор
сидит тихонько,
скажем, в банке,
сидит как тот рыбак
на речке,
и ждет финансовых потоков
покрепче,
прижимая ко лбу веки,
чтоб не уснуть,
не прозевать
денежные реки.
И только видит око,
сразу мозг
включает наработанный
годами
гвоздь
программы —
просто все:
откат чиновникам.
Карманы пачками купюр набиты,
можно отдохнуть
со свитой
молодых подруг —
модно стало в бане
голяком.
А дома, на диване,
внук растет
и получает знаний ряд
от деда —
тот финансовых олигарх.

Растут династии воров,
не тех, несчастных,
кто через форточку
в квартиру к бедному трудяге
за рублем —
сегодня династии
т-а-акие,
будь здоров!

31.01.10

***

Когда нет в любви
замыкающей нити,
тогда не плывут
корабли в море синем,
полет птиц в небесах
раздражает,
и трава, и цветы
под ногами мешают.

Когда нет у любви
замыкающей нити,
люди просто живут
в мире будто приличий,
и несчастными
остаются все вместе,
но страдает лишь
тот, кто влюбился,
несметно
отдавая тепла
каждый день в свете счастья,
но его не смогла
принимать
сторона,
где зло и несчастье,
и отсюда беда,
что втянула всех
в блядство
отношений в семье,
отношений друг к другу,
отношений властей —
здесь не любят,
а грузят.
Когда нет у любви
замыкающей нити,
не плывут корабли,
не летят в небе птицы.

То ли снег, то ли дождь —
все не так,
и не к месту.

А Всевышний наш Бог
нам помочь хочет
вместе
перейти
через черствость
и скуку.

16.02.10

***

Великий город
с золотыми куполами храмов,
крестами,
путь указывающими нам
годами, столетиями,
и колокольный звон
сегодня стали не нужны —
в городе святом воцарился бес,
вначале в кабинетах власти,
потом плодился, размножался
и гадость
разошлась по его холмам —
стыд и срам!
Царствуют подонки,
мерзость заполняет
все вокруг.
Но не навек
такой позор —
снесет огонь
всё,
очистит город
от ига сатаны!
Великий город
мы ему отдали,
надеясь на подачки
какой-то мизерной цены.
Забыли Слово Бога
и затоптав мораль —
без них жить легче стало,
они нам, деградантам, не нужны.

27.02.10

***

Типа премьер-министр, Бездаров,
принял власть
и в кабинет вошел,
чтоб всласть
упиться ею,
но тут какая-то тошнота,
дурнота, страх,
и он по телефону —
бах:
— Павло!
Приди. Все брось.
Все службы,
приди, освяти
и защити от духов,
что здесь
за горло меня!
Месть,
в глазах плывет страна,
дух Аркачеева
или подошедшего козла.
И Павел освятил.
Архиепископ.
Лично был. Выполнил приказ.
Спасал премьера,
павшего на масть.
Прости меня, Христос,
за эти строки, что пишу,
их я не выдумал,
из телевизора орут:
премьер-министр
каких-то духов
увидел, вроде бы, нечистых,
и приказал кабинет освятить.
О как он церковь опустил!

Руководить стал ею тоже.
Негоже.
Церковь Божья,
и в храме — Бог.
А если занемог мозгами,
иди в храм,
и там молись с отцами,
в слезах проси ума у Бога...
Спасатель нации
нараз
приказ отдал владыке.
Сюда бы Глебова,
Крылова:
какой премьер-министр,
такая и страна.
Юля та давно ушла,
у Бездарова большая власть,
а все по катанной дорожке —
её полить,
охаять хоть немножко:
ведь столько лет борьбы
не за расцвет страны,
а с Юлей-лидером,
которая стране могла дать толк.
Теперь еще и духов
ей приписал премьер.
Похоже, дядя занемог.
А обещал то взять
большой барьер...

19.03.10

***

Вгрызаясь грызу,
грызть не перестану —
угрызение совести
одиноким трамваем
по ночному городу
под луной огромной,
свет редких фонарей
и нет света в моем доме —
он замер в ожидании
счастья.

Грызу себя,
но все не удается
задуманное,
полностью
никогда не свершится...
По дорогам раздолбанным
трамвай мчится,
шпалы шатаются
под рельсами ржавыми,
дойдет ли он?

Да и не это главное.

Фары притухшие,
и салон в потемках,
есть ли в нем люди?

Я есть,
это точно.

Отчетливо слышу
удары колес на стыках,
трамвай несется —
трамвай ошибок,
и я вгрызаюсь в себя
все больше,
столько лет...
И мне неловко
перед Тобой, Боже.

Я все не меняюсь,
грызу свою совесть,
или то, что от нее осталось.
Ночь в луне
желтой и полной,
трамвай летит
над преисподней.

29.03.10

***

Постоянная больница,
запах хлора,
бесконечные лекарства,
и прогулки в коридорах,
где воздух свежий
как намек:
кому-то хуже снова стало,
кто-то пришел живым,
чтоб остановилось время навсегда,
и выход вниз
по проводам
тележки с белой простыней.
Беда, а, может, горе
за спиной,
и разговоры о здоровье,
которое прошло
как буря в море,
а потом — штиль.
Больницы покоя.
Сны снятся о них,
и в них такое
пережить пришлось,
и все вошло в привычку.
Другая жизнь
где-то бурлит,
и вон,
в телевизоре, мельтешил,
но там — все ложь,
игра, неправда,
а здесь все так знакомо и надежно:
лекарства, доктор,

и, возможно,
услышать, что все осталось позади,
и новая дорога впереди,
но это все, как правило, мечты,
а так — больница,
и надежда
из неё живым еще уйти.

03.04.10

***

Промывая мозги гражданам,
портреты стоят важные
вдоль дорог и по паркам
страх нагоняя
огарком
взгляда, понорошку опасного,
пальцами тычут,
губы сжав тонкие,
пугая народ испуганный,
чиновники купленные,
избранные вверх, править.
Общество с гнилостным запахом
бродит часто напрасно,
но раз в сто лет прорывает
и свой страх назад возвращает,
и тогда бегут, загребая
в стороны разные,
размыкая
ряды сжатые и стройные,
бонз партийных помойник
время снегом кроет,
пыль покрывает площади.
Снова все сначала —
выборы
и портреты
со взглядом шакала видим мы,
нестойкие.

03.04.10

***

Очерствевшие люди,
любовь превратившие
в похоть услады
и молью изъеденные
в перспективе наряды,
кушанья без меры,
вины и водки,
пиво ведрами из полиэтилена.
Осоловевшие глазки —
под праздник
их начинают заливать
очень рано,
так что когда он наступает,
все уже выпито,
и рыла сини и пьяны.
А праздники раньше —
дни революций,
сегодня — свободы от эволюций
и падения вниз,
где пучины из страсти,
залитые нечистью, и плохо пахнут,
и праздники веры —
сегодня все верят,
в церковь заходят
и крестятся, —
звери потом просыпаются
в душах
когда из церкви выходят,
и учат, и учат
с криками, воплями,
Бога прося
отпустить грех,
и снова крестясь.

Все списали на бесов,
которых так много:
бесы, мол, часто
злобу, тревогу, беду
на преданных Богу
посылают,
и люди от бесов, мол, и страдают,
а сами они — не причем,
и как невиновны ни в чем.

08.04.10

***

Глобальні псевдоперетворення,
революцій і скачків,
мільйони кістяків
по Сибіру...
Від батюшки-царя Петра
вчать народ.
Народ став
бидлом,
і жде погонича
із батогом
чи посохом сучкастим,
йому не йти вже самому.
Дійшли
до ручки змиленої втоми,
змарніли духом,
мерця несуть частіше з дому,
аніж дитинку в дім.
Загальна дебілізму кома,
і лінощі ростуть —
нічого нікому не треба
В дитини мати часто нетвереза,
а батько ген пірнув
у блуд,
і пастирі народу, влада,
все метикує як зірватъ
останню сорочину.
Бо збрехали.
Казали — спасать прийшли.
А насправді — кермуватъ.
І так кермують і понині.

А люд тупішає,
й не жде,
коли душа його розквітне,
коли зневага вся мине,
коли любов,
любов до Бога,
прийде.
А чи прийде?

11.04.10

***

В парламенте
начали работать законы физики,
остальные опростоволосились
и буксонули.
Выступал какой-то ведущий,
законы Ньютона
читал нам как игрушку,
на силу действия гремел,
избранник,
а такой же силой
противодействует из угля пряник,
лицо было жесткое, кривое,
губы сжатые силой физической до боли.
Кому нужна антреприза —
из России,
несчастные?
Здесь такой театр!
А над ним — потертый веник.
Каждый бояк —
сегодня гений.
Штампуют свои себе же ордена,
и ими награждают своих же,
лампасы kleят себе
прямо по ногам,
а на них брюки одевают,
зато потом, в постели,
с девкой,
орденами татуажем
и лампасами наклейками
щеголяют.

Честь стала нимфоманкой,
ей платили,
и она продала рамки
приличия
одному воротиле,
тот с ними носится
как с антиквариатом:
продать тоже, вроде, хочется,
но с ценой не сладит,
хоть уже не один месяц
сидит с ними на базаре.
Стенка на стенку —
бьют наших!
А кто наши?
Контроль утрачен,
все не к добру,
учитывая грязь на улицах,
я тоже неизвестно куда иду,
осутившись.

24.04.10

—

***

Люда простого осталось в стране
очень мало,
«элита» взросла
и место под солнцем
себе оторвала.

А люд уходил в бесконечность
миров,
по Европе, Америке
работать в десять потов,

а «элита» поднялась, размножилась
быстро —

все у них есть в нассессер-наборе:

дома и квартиры,

яхты и машины,

одежда, брильянты,

но жизнь улетает со скоростью света —
не остановишь старенье,

и это

одна из проблем.

Не закрыть все купюрай,

смерть забирает их тоже,

в натуре,

а кладбищ элитных —

раз, два и обчелся, —

Байковых,

скажем, одно

да и только,

аллея центральная —

метров на триста,

всех не положишь

бандитов, артистов,

чиновников, клерков.

Выход есть

и опыт —

дома, где квартиры

на двадцать и тридцать

этажей в облака.

А это все можно
с тем же проработом,
мэром-героем —
на кладбище —
махом,
яму метров под сто глубиной:
стеллажи из бетона,
с могилой одной,
и памятник-стелла,
на нем — имена, портреты,
бюсты,
места до дна
хватит на всех
без проблем.

Я патентую
идею.

А для бедных героев,
поэтов, писателей и журналистов,
философов
и артистов,
не служивших
под цифрою шесть
в гарнизоне
на Банковой или Грушевского,
а Робинзонами
на своих островах,
им я с патента
отчислю:

будет на хлеб этим
беднягам.

А кладбища Байкового
на «элиту» всю хватит
на тысячу лет.
Если дотянут.

***

Я отведу тебя на ту поляну
цветов
и утренней росы
в лесу, где ели с соснами
рядами.
Тот день запомнишь ты
в любви и сладостях объятий
под перепевы птиц,
и солнце пробиваются
лучами
сквозь ветви хвои,
золотит
траву с цветами
и губы алые твои
я зацелую,
обнимая
любовь свою.
Цветы
вокруг тебя живые,
чуть шевелясь
под дуновение ветров
то с юга, то с востока.
Жарким маем
моя в цветах лесных
поляны
вся в огне любовь.

07.05.10

***

«Близ есмь при дверях» —
сказано в Писании,
и говорят об этом
времена
чередой событий
дна,
спустившихся с цепи,
как псы,
страсти, алчность, ложь
и лужи клеветы,
на тех, кто хоть немного чист
в своих помыслах
и быстр
на добрые дела,
но времена антихриста —
его пора
не за горами,
и мы как марионетки
в его хульной игре
годами
в скотской очереди
к миру наслаждений,
стяжания не Духа благоволенья,
а резанной бумаги —
денег, домов, автомобилей.
И верхушка айсберга —
пик наслаждений
цариц мирских,
красавиц, светских львиц,
как их пресса называет,
накрашенных:
все для блага
лестницы со дна.
Антихрист и его пора.

Вся логика добра —
с ног на голову,
свободы
не видать уже никак.
Все на службу
да не просто так,
а до пресыщения,
до глубины души.
Время пришло
нам выбирать
за кем идти.

07.05.10

***

— Стой! Руки к стене!
— Да пошли вы все!
И быстро ноги взяли старт —
кого-то догнали,
кто-то ушел,
милиция тоже сейчас
с мозгами,
какого министра не ставь.
За эти три ходки
президентов на трон
так все менялось,
а крайний патрон —
сержант, с учебки
только вчера —
поэтому столько в ментов
бухла,
и курсы меняются попеременно:
то на народ —
и народ на крайнары,
(не путать «хату» и в море Канары),
то на сближенье с народом
двигал «рогатый».
Долгих пять лет
стояли лопаты,
пылились,
и спали менты все спокойно.
Сегодня по-новой:
пиво привольно
уже не попьет
распившийся люд —
крутит в бумагу —
почти Голливуд!

01.06.10

***

Бюрократія, олігархія
почали нові реформи
непопулярні для народу.
Лякають нас на перший раз —
паски на штанях затягнути
треба знову.
На вулицях все
скажені металевий бліск орди —
автомобілі по
якоїсь темної сторони
Місяця ціні,
кермо в руках тримає
«золоте» нащаддя —
«елітки» дітлахи,
а ви затягуйте паски,
бо ваші шаровари
заширокі,
та й животи у вас
як у корови.
Ми вам реформ
підкинемо,
а ті що крутять кермо
бліскучих «ауді,»
уже пройшли свої реформи —
вони багаті.
А ви чекайте
років п'ять
покращення життя
і дармових ковбас..
А зменшити б багатство
олігархів?
Зробити їх нормальними людьми?
Їм же горіти в пеклі!
Іх статки мільярди!
Hi!

Зі столу крихти,
чи півбухінця
хліба черствого
ділити треба на країну —
не стане.
Це й дурень розуміє.
То ж краще зразу ремінця
на шию
і в канаву,
бо ці всі плани та реформи
зроблені в ораві
мільярдерів
для електорату,
щоб, мовляв, багатство увійшло
у кожну хату.

01.06.10

***

Не всі з пантелику збиті,
що є серед вас, брати мої,
воїни велики,
поодинокі
повертають проти машини злой,
поодинокі
повстають,
і я радію,
що Україна не злягла
на довгу ніч тривожну
помирати
і стогнать
в паралічі і втомі.
Встають
духовнії сини
не задля розкошів.
Народжуються
духовнії сини,
народжуються в тиші,
ще прийде час їх.
Народжуються вже сини,
не тільки конвоїри плебсу.

06.06.10

***

По холодной траве,
льдом блестящей росе
и туманом
босых ног
отпечатки
остаются за мной.
Я иду повстречаться с тобой.
Туманом белым
река накрыта,
легкой рябью бежит вода,
рыжие листья
кустов аира.
Моя река,
моя река...
Издалека твоя вода.
Всю жизнь
с тобой дружить,
тебя любить —
моя судьба.
Вербы, ивы,
кусты лозы
в листьях желтых
до красноты.
Ты спокойна,
зная, что лед
тебя скует...
Моя река...
Слеза лицом,
щемящей болью
мне много лет.
И знает кто,
встречусь ли
еще с тобою...

06.06.10

***

В цветах и травах луговых
я обнимаю тебя.

Крик

чаек летящих в вышине,
пение птиц —
тебе и мне.

Я обнимаю, целую,
я люблю и тоскую,
зная, что все пройдет.

А пока, пока

плывут по синенебу облака,
а пока, пока
плывут и тают облака
и смотрю я в синь
горизонта —
мы одни.

Искры солнца светятся
в глазах твоих,
ты одна такая
навсегда, одна.
Все проходит.

И любовь пройдет,
как облака
по небу синему,
и вновь

другие будут
здесь любить...

Река останется
и синь небесная.

А пока
по небу облака, облака,
ты — моя.
Ты моя одна
в любви объятий
без конца.
А по синенебу
плывут и тают облака.

09.06.10

***

Ты ищешь любовь и страсть,
потом попадаешь в напасть,
и криком птицы молишь всех помочь
тебе,
чтоб не пропасть.
В мире, ставшем чужим вдруг,
ты — одна,
а друг, снова не тот.
Отошедши от сердечных ран,
снова в пламя,
где любовь и страсть,
и думаешь ты: «Все здесь по-другому».
Но там, где страсть, там разум
отдан на излом,
и вертишься уже не ты —
твое сознание, мечты
уходят в грешное пространство.
Там нет любви,
там только танцы
пьяных тел.
Несется кайф
оставив память
обезумевших объятий,
и тело выжатым лимоном
которое не станет больше
домом
для души,
и все болит,
душа страдает.

Вернуться б вновь душе,
переступив потертый, измазанный
порог,
назад, где сердце,
совершившее не раз
жестокий грех,
любовь закрученную в страсть.

10.06.10

***

Білим цвітом
з неба злитим
на моїм подвір'ї вишня
посеред весни
в білім-білім убраниі.
Крізь квіти
небо
голубе
в білих хмаринках
гнаних
вітром теплим з півдня.
Біла вишня, небо, ти...
Очі голубі
і волосся білим шовком,
щира посмішка —
донечка, Марія...
Для тебе вірші пишу
як тебе люблю я.
Днів моїх нестерпно тяжких
моя дорога до Отця,
а біла вишня
мій останній полустанок,
де затримавсь я.

15.06.10

***

Спадає вечір в ніч ідучи,
і теплий дощ...
Ще промінь хмарку пробиває,
і вітер, вимитий водою,
відносить вечір назавжди,
і ніч вкриває тихо нас.
А дощ то рідшає, то знову
густо пада.
У далині далекій мої шістнадцять,
коли співалось,
і любилось так нестерпно,
мета була —
сягнути радості безмежжя..
Сьогодні,
гумор може й недоречний,
але сміюсь із себе.
А, може, так
і треба йти,
щоб гумор
не давав сповзти
в глибоку філософію базікань
без сутінку емоцій?

22.06.10

***

До схід сонця —
бомби,
на кордоні —
автоматні черги.
Вогонь,
пожежі ,
дим нестерпно їдкий,
смерть —
солдати, діти...
Сірою пацючою ходою
йшли в землю нашу
бузувір-герої —
убити
сьогодні треба багато,
щоб швидше перемога —
бліц!
Солдати великої війни —
і ті, що в ранок
йшли чужий,
і ті, що впали на світанні —
чийсь сини...
Вожді
їм викопали рів
на всю планету,
щоб злити кров
полеглих в битвах
за вождів
і «філософії» ,
де так багато
гарних слів
здурманених зрозумленим
мізком...

Світанок в пріву.
Сонце
сходить всім —
вже померлим
і ще живим.

22.06.10

***

Почти как в той далкой-далекой
сказке
на большой корявой лапе
стоит избушка,
нет, страна, —
держится пока...
Лапа в жирных мозолях,
порослях волос,
ногтях,
крутит, вертит
не кряхтя.
Лапа грязная,
возня —
припланировано думой,
не одной
головкой умной:
лапа лапе на всю лапу
для решения по блату
всех вопросов бытия —
от земли куска
до пня
срезать лес старинный, красный,
срочно там поставить хаты,
чтоб сияли теремами,
все продать панам и пани,
лес пустить на пилораму,
на бумагу, чтоб пластами
лапой в банк снести офшорный.
Лапа лапу трет и скоблит,
чистит вроде добела.
Ну, а завтра —
все сначала:
где-то должность клану-банде
или партии диванной,
снова стос бумаг красивых
магией своей и силой
лапе трудно сжать в кулак —

пальцы скрузлые,
а так, растопырив их по-шавски,
на ладонь ложатся бабки.
И куда б ты не пошел,
будь то суд иль прокурор,
иль больничка, как на зоне,
всё — на лапу,
по закону.

Лапа стала гербом власти,
лапа стала государством:
цепь из лап
и вертикаль,
по которой капитал —
в свой, родной, карман.

Лапа правит бал —
а все слова,
так, подтанцовка нагишом
при попсе
на сцене скоком.

Лапа главное, ребята!
Если лапу смять, отсечь —
домик рухнет,
брёвна кучей...

Дома нет.
Печаль.

Лапа — герб —
её лелеять,
с неё орден нужно сделать,
главный орден «экономикс».

Выше, чем герой-звезденыш,
лапа-орден,
на полгруди,
а, можно, сзади...

08.07.10

***

В далекий звездный туман
мои мысли.
Город бесконечно устал,
и я слышу просьбы, чтобы все
из него вышли,
вздохи его по ночам
бесконечные в мареве блеска,
город устал от фанфар королей,
многочисленно бесконечных
тостов питья
здравиц телам,
имеющим вес в обществе,
где оголтело-главное
должность и деньги.
Везде —
кабаки придорожные,
стекла горят в ресторанах
огнями безбожными,
здравицы силе земной,
затмившей, забравшей
тишину и покой.
Город устал,
и мечтает о том,
чтобы все из него вышли
в разные стороны света,
одни,
без привычки,
оставив жизнь величания
тел,
и без дышла
скраб на возах —
главный итог прожитого —
в звездный туман
попытки везти,
после тоста шестого.

Город устал,
утомленный за многие годы.
Ложь
красной скатертью
кроет столы,
непогода ума,
непогода в сердцах,
причина
застолья —
величание тела и тел
собравшихся бонз,
и бесконечности этих
застолий
звездный туман
в небе ночном.
Я не святой,
я не герой,
но боль города
чувствую сердцем.
Сжав кулаки,
я пока лишь
страдаю...

10.07.10

***

Локомотив по рельсам:
— Тук-тук! Ту-ту!..
Газотурбогенератор первый
в стране
угу —
надпись на борту:
«Президент Тьмущенко»,
и я от радости громко кричу.
На трубе, дышащей дымом,
транспарант:
«Все на выборы!»
— Йо-маё! — скелет в шкафу.
Я не пойду.
А мимо вагоны красные, синие,
белые:
— Тук-ту-ту!.. —
а из окон — рыломорды,
им все по винту,
и я снова громко кричу:
— Не-е хо-о-чу!
Оппозиция вся перешла
в коалицию
везде —
так приказано.
Под козырек:
— Будзде!
Пыль и запах газа вокруг,
поезд ушел,
а я, как труп,
рядом баба-красавица —
первая ночь,
новые чистые газеты постелю
в нашем углу.

Ночь любви
на ложе шуршащем,
кусок оторвали,
коноплю вфиговали,
а рельсы молчат в ночи —
дом мой в яме, —
вырыл заранее,
в нем доживу
с лебедью белою
бабою смелою,
но от вас ото всех
все равно убегу!

10.07.10

***

Мир плыл в какой-то
геометрически закрытой
сложной квазикубатуре,
и я в ней жил
и верил дуре.
Слова гения слышны,
ты мне, Надежда, к чаю,
два кусочка сахара клади
и вся страна вздыхала
затаясь —
Ленин голодным детям экономил...
Хрясь!
Слетели восемьдесят лет,
и мы узнали,
что богатая и сытая Европа
в демократии по жопу
приняла на счет вождей
сотни миллионов золотых рублей,
а дети умирали
без слезы.
— Мама, хлеба,.. —
шептали губы.
— Иди,.. —
сухими серыми глазами
говорила мать,
и ребенок
уходил,
как спать...
А там, в Европе,
демократо-либералы
тоже иногда страдали —
им не хватало на дворец
или войну новую вести
за чай и хлеб.

Мир плыл
и я в нем жил
во лжи,
в алчности
и зависти.
— Скоты! —
говорю себе.
Я тоже стал таким,
и хлеб,
мне лишний,
наполняет дом,
и в нем,
по-новому,
но все же
плывут куда-то невпопад
такие же пороки,
как и тогда,
когда
Ленин жил,
и будет жить всегда,
сатана.
И как спасти и изменить себя?
От Бога помощь?
Да!
Один лишь только Он!
В молитвах попросите
сытость не рублем,
не долларом
и евро,
в молитвах попросите
неба
чистого
и чистых мыслей,
любви,
которая дымом вышла,

оставив дом, страну и мир
во лжи
и роскоши
гниющих заживо
душой в коросте.

08.08.10

***

Предрассвет.
Серых тонов пространство
плоских фасадов зданий —
нет объема
пока нет света.
Квадраты темных окон
впечатаны
рисунком из книжки,
нет еще птиц,
стоят деревья тихо.
Скоро Господь
тьму прогонит солнцем.
Стою в проеме
двери открытой
в ожидании чудес
первых солнечных лучей,
солнце нитями
прошает застывший серый цвет.
И вот он:
наступил рассвет,
еще раз день
увидеть нам дано —
чудо рождения
живого
под солнцем
и мне не все равно.

09.08.10

***

Скільки людського непотрібу, хламу
перебудова товариша Горбачова
викинула з духовного храму
вічнобуття в небуття,
на матеріальний, по Леніну,
спосіб життя —
їм — все багатство,
гроші і влада,
їм кращі жінки,
щедроти і блага,
але все із матерії,
для тлі та іржі.
А скільки заздрять їм!
Скажи,
не вірять, що це
все — шабаш:
жити хочеться
саме так,
і тих благ
затъмарив очі діамат,
забули про вічність небес,
про Бога,
що дав нам життя,
що не плебс
ми,
а діти Отця,
що цей комунізм —
початок
очищення світу
від тих,
хто вклонився
стаду чортіх
і їхнії чари
звели їх на трон,

де прокляттями
встелений діл,
де золото партії КПРС,
де всім їм,
зібраним в зграю,
кінець,
де буде початок
любові й добра.
Люди! дивіться на небо
а не
на систему,
де книга головна —
діамат.

07.09.10

***

Тихая улица в липах, каштанах,
брускатка старинная
и старинные здания —
строили в имперской
России
на тысячу лет,
архитекторы были
от Бога.

Музыка в камне,
и день весенний,
солнцем залитый,
двери парадного.

Двери квартиры
кожей оббиты,
старинная мебель,
старик и старушка,
будто хозяева, но что-то
на ушко
шепнули входящему
студенту-поэту
из здания красного
перед парком пространным,
одноименным.

Студент, покрасневший
от важности миссии,
явки-квартиры,
где доносители
с возраста юного
шли в КГБ.

Империю бдить —
СССР.

Студент, руки потные,
пишет тужась:
о танцах в общаге,
и кому отдалась
Алла веселая в вечер шальной,
а, может и нет, не дала.

Свой обзор —
сплетни как ветер
мальчишки несли:
я уже пробовал, а ты?
И чтоб не пасть в глазах
однокашек,
слабые врали
про Аллу-смеяшку.
И пишет поэт донесение
важное:
пунктом особенным
об однокашнике, что
водку привез из села
вместе с салом,
и кто ее пил,
и о чем там болтали.
Пишет, сопит, напрягаясь,
серъезно:
Родину-мать
спасает болезный,
испуганный в детстве
трубой-сажотруской —
мать печь
чистила в стужу,
ветер завыл и сажа упала
его напугав.
Вырос спаситель,
да еще и дар блага —
стишки-поэтизмы
со школы о Ленине,
и партии, Родине.
Тут и приметили.
Пишет, старается —
о профессуре.
Полковник серьезный
курит и хмурится:
— Давай, поспеши.

И вот тебе ведомость,
«Седой», распишись
за рублики с Лениным,
и постараися.

Следи, брат, в оба,
карьера большая
у тебя,
ты стал солдатом
секретного ведомства.

И тут поэт
попросил
двоек поставить
своим нелюбимым
друзьям:
девушки у них,
водку пьют с дыром
ментола,
с конфеткой.

И офицер вытер лицо
белой салфеткой,
кивком головы одобрил
и крякнул:

— Не жалей их, души,
чтоб все там боялись.

А ты — матерей,
скоро работа —
в журнале, газете,
там будешь бдеть в оба.

Начальник
в серьезных заботах
храненя страны:

— Элита ты, сын,
на всю жизнь
верны твои идеалы,
ты все пройдешь
в скобенившейся стае,

где всегда будет вождь
при любых комбинациях,
сломах систем.

Ты — хранитель страны,
и черт нам в артель.

03.10.10

***

У Всеукраїнському Розбраті,
чи Великому Розбої
відкрили лавку антикварну,
прямо там, під куполом,
в самому Вертепдомі:
тарілки, таці з порцеляни
і вази підроблені
з пісків країн арабських,
під французькі марки
картини дів оголених
і спереду, і ззаду,
ікон старих,
та теж підробок —
виборцям народу
прямо в домі.
Єдина це країна,
де лавка старовинна,
антикварна,
увівіть-но Англію чи Францію
з чучелами вовків
чи може крокодилів
у парламенті...
Вибранці і виборці здуріли.
І спить Булгаков вічним
сном,
ви дамський магазин
відкрийте для нащадків
козаків,
а можна ще й
для полювання хлів
з рушницями і сумками,
а ще —
урологсексспатолог
кабінет
та шаурма,
кіоск із пивом, кавою,

у залі,
і казино
десь в туалеті,
бо негарно:
скрізь закривають,
а тут — грають.
І можна ще й стриптиз,
а по вихідних
експурсії водить,
і ще готель на ніч —
секс в кріслі,
де сидить
такий-то депутатя...

09.10.10

***

Вопросы, вопросы, вопросы...
Ответы?
Ответов нету.
Что же случилось с людьми?
Не край света,
природа вчера еще
в девственном цвете:
леса, луга, реки, озера,
сегодня — здесь мусор
и горы отходов,
а дальше — заборы, заборы,
дворцы,
намытый песок, там где
вчера еще видел цветы.
Как перед мором,
сошли все с ума —
рвут заповедники
и в закрома,
себе и потомкам —
заборы, охрана...
Откуда сдичалость?
Не родина хама,
а все повторяется в
мире под солнцем:
хамов рожали матери
в дом наш,
и что с ними делать?
Вопросы, вопросы...
Их ужас бытийный
на нас переносят:
слабые с крыши —
вниз головой,
кто посильнее — водку рекой,
а кто — на иглу,
спрятавшись правды.

А эти гарцуют
по родине
Лавры,
по родине древней
Софии —
бани и люксы
видны из их окон,
монастыри и кресты.
Эх, богачи!
Вопросы, вопросы,
и нету ответов,
может быть, бросить все,
и с бабой отпетой
снять номер,
и видеть с него купола?
Что почувствую я?

14.11.10

***

Народ запрягають,
і він запрягається.
Але не весь —
якась частина пре
в інший бік,
упряж дорога рветься,
люд біжить
туди, де світ свободи,
туди, де мати вчила волі,
туди, де дихати приємно,
нема упряжок.
А в нас все марно.
Тягнуть лямки
возів з товаром
для багатіїв,
що стали владою.
Ех, громадо!
Невже подобається жить
в шлеях,
із торбами на мордах,
в яких лежить
пайка
мінімально прожиткова?
Філігранно
понаточували слів
для нової формації ослів,
що вже і лайка ланового
з далеких п'ятирічок
здається раєм:
справляти упряж за свій кошт
сьогодні вже самому треба:

багатії не хочуть
витрачатися на шлеї,
і шиєм ремінці собі на плечі,
на ноги «колоддє» клепаєм,
щоби тягнути статки
на світські витребеньки
купці крадіїв.

26.11.10

***

Красоты выпиты,
и нету больше сил.
Лилии белые тебе носил,
но отзвук из сердца —
немота...
Уже давно холодная вода,
и пожелтели, изсохли все
лилии.
Во сне
я вижу лето:
по берегу
в траве зеленой я бреду,
озеро плещет нежной волной,
солнце греет,
и мне, порой,
видны твои черты,
за ними — грани пустоты
нашей встречи...
В который раз
я тебя выпил,
себя не спас
от новой дикой, серой тоски,
силы стаяли, как и пришли.
Снова озеро к зиме...
Мне тоже с ним туда,
где лед, где снег.
Любви
не заготовить впрок,
красоты выпиты.
Ты не спасла
холод одиночества
моей души
у нашего, казалось, навсегда
костра любви.

28.11.10

***

Судьба и жизнь мои,
видно, сговорились —
чулан забили всякой мерзостью,
собрав повсюду
и в час неровный
впечатали мне в тело,
что хотели:
штаммы вирусов, в сосуды канители,
кости наполнив нудной болью,
смеялись надо мной
уж очень долго,
и бросили куда-то за забор.
Бог мне помог.
Но все, чем наградили
две профуры,
осталось в теле,
словно пули
не давая мне покоя.
И жизнь, сама страдая,
со мною вместе
с болью,
поддалась, дура, судьбе,
с которой трудно.
Судьба — хитрая лиса,
стравила жизнь в обузу
как тяжкий крест
и камень на груди —
какое мне терпение идти!
Но Бог Всевышний
часто руку подает,
вздыхает силу мне,
когда невмоготу совсем,
Он Сам меня ведет.

***

Коммунистическая партия России
на пленуме своем,
что было силы взорвалась
против коммунистов Украины,
которые пошли служками,
не за так, к капиталистам.
И приняли решение:
лозунг вождя Ленина
«Коммунизм — это советская
власть плюс электрификация
всей страны»
в изменников делу Ленина
отсудить.
Обратились по проторенной
дорожке:
в Стокгольмский арбитражный
суд,
поиздергавшись
на адвокатов так, немножко,
суд выиграли русские ребята,
не полностью, правда,
не до конца.
Стокгольмский арбитраж
рубнул с плеча
и пополам:
«Коммунизм — это советская власть»
оставил нам,
а «плюс электрификация всей страны»
закрыли мантией.
Эх, пацаны
и там!
Отсудили русские коммунисты,
вроде, хлам,
а наутро в Украине
приставы забирают
электроэнергию.

И чего
делать нам,
всей стране?
Из-за кучки коммуняк
сидеть втемне
с куском лозунга
«Коммунизм...»

03.01.11

***

Ліберали-словоплисти,
всі — вчораши комуністи,
так красиво постелили
про свободу ринку, праці —
ми й купилися...

Дуже вперті, тверді, дерті,
ладні битися до смерті
наші рідні нацпречисті —
половина з комуністів.

Ми, відкривши рот,
кричали:

— Геть комуночинодрали!
— Ганьба!
— Правду дайте! —
і злилися разом з вальсом,
гопаком і сім на сорок,
хороводим за соборну.

Владу вибрали законну:
комуністи з горном,
барабаном і в жилетах,
приперті

лібералами з мацою —
обіцяли чистодристо:

— Станем всі капіталісти!

Крали всі усе хто міг.

Крали знизу,
крали зверху,
і пиріг здоровий
розтягли звіротами.

Зараз знову правди
просим в комуністів
дристоротих,
в лібералів-панорилів,
в націо передурілих.

Всі нам обіцяють вперто
то з трибуни, то з карети
неньки шмат,
і ми знову віримо,
широко відкривши рот.

24.02.11

***

Святой и бес.

А между ними — лес
земной и Божьей красоты,
ягоды, грибы, пушистый мох
на который ты прилег,
руки разбросав,
глазами в небеса.

Ушла тоска.

Над тобою кружится
хоровод
из бабочек и мотыльков,
трудяжек-пчел,
тот гул слащает
слух твой.

Жить хочется
и видеть красоту земли!
Вон в небе, клином,
журавли,
шумят верхушки сосен.
Вернусь ли я сюда еще
хоть раз?

Я все отброшу,
что тянет назад.
Вернусь сюда, я знаю,

Бог милостив
и с Ним я доживаю.
Сейчас идти мне снова.

Как не ошибиться и
пройти к святому?
С молитвой Божией
на устах и в сердце.

А Он решит
удел мой в этот час
и в этом месте.

Твердо чекания шаг,
солдат, Христа солдат,
иду я с радостью в душе,
хотя для мира путь мой
кажется назад
от счастья благ,
от наслаждений плоти.
И так всегда.
Сегодня — путь вперед,
там ждет святой исток.

24.02.11

***

Миром правят почти что дураки.
А вы не знали?

Тончайшей кожи башмаки,
шелк рубашек, аксессуары,
пиджаки... Но это все не важно.

Главное — те небеса,
куда добрались власти,
меж ними — нами пустота
воздушного пространства.

А там — кругом свои, свои.
Посты, деньги, коварство —
все под контролем у шпаны,
и в банки за рубеж
деньгу все гонят,
а те правительства, что нам
на Библии клятвы долдонят,
снимают мзду из пополам
ворованного люкса.

И все деньга, деньга, деньга —
лучшие соедштаты, —
она встает когда война,
когда гибнут солдаты,
она встает, как кол
осины, когда горе все
и всем затмило.

Деньга...

А мы на них под облака
взираем цепенея,
мурашки по спине, ушам,
и мы от вида их балдеем.

А мир идет куда-то прочь,
земля — почти химзеихи,
оружие, борьба
за производство спеси,
которая съедает землю,
ведет ее на смерть.

И кто кого? Идет игра
по группам, как на зоне,
а мы случив свои глаза,
с анализом лепрдома:
— Кого изберут? Что выкинет он?
Кто стрельнет? Кого достанет?
Вопрос-ответ у нас готов —
мы в политике рогов,
мы знаем толк этой
дурной игры из дураков.
Они там ташатся, и бьют
себяшки в грудь,
что главное — страна, народ.
А мир куда-то вкривь и
вкусь. Мы как завороженные видим
только дураков.
Это уже не путь — мир просто
сунется, ползет по смертораненной Земле,
в церквях — молитвы к Богу и вера,
что Он его и нас спасет.

24.02.11

***

Трамвай стучит по рельсам,
свет фар сверкает.
Трамвай в пути
меня пугает. А вас?
Скажи: «Трамвай», — и, вдруг,
влетаешь в поворот,
и — лоб в лоб.
Секунда есть, но некогда
бежать.
Визг тормозов,
удар!
Трамвай стоит,
фары горят,
подкрашенные кровью
в красный цвет:
— Опять, твою мать!
Сегодня видел я трамвай:
он сполз с пути,
набок встал,
весь ржавый, стекол почти нет,
худая крыша,
и светом фар
подмигивает мне.
Лет ему немало,
ждет его мартен,
он догорает:
то ли солнца луч,
а, может, старый его цвет,
он снова подсветил.
И понял я, как он,
бедняга, жить хотел,
стоящий не у дел.

24.02.11

***

Если ты ненавидишь
хоть одного человека,
это значит, что ты
не любишь никого.

Если ты не любишь
хоть одного человека,
это значит, что ты
не любишь всех.

Любовь мужчины и женщины —
не в счет, там чаще
основной инстинкт,
как спорт.

Там часто банальная
эксплуатация раба,
игра на чувствах, что
есть страсти, да.

Любовь — это сознание
небес.

Любовь — это когда
с тобой Творец.

Ты чувствуешь Его,
и перст указывает путь,
где розы и шипы —
только в любви
с любовью его пройти.

Израненное тело —
для любви.

Любовь к себе —
не тот вообще поток.

Любовь к себе —
эгоистический глоток.

Попробовал,
и не оторвать
руки от яда,
что в кувшине.
Там не зацветут цветы,
там — гибель.

25.02.11

***

Прошмігей та прорвавісти,
хитрістю та силою взявиши
собі те, що можна з'їсти,
одягнути,
потім хату та до хати,
ліжко, щоб любити
соладощі тіла,
і щоб тіл було багато,
щоби аж пахтіло
любощами в хаті.
Далі стало мало,
і пішли ще далі
глумом набирати
різного держкраму.
А, зібрали,
серце тельконуло:
як зберегти все це,
щоб не одібрали,
те що стало їхнім
з великого шляху?
Написали швидко
охранну бумагу
підприємці, олігархи,
банкіри та топи,
бумагою закрилися,
але мордує страх
за свою ж...

25.02.11

***

Камни, камни, камни.
Мы их бросаем все больше,
все дальше.
Закрыто ими большое
пространство.
Уже не земля,
а мостовая.
А мы все бросаем, бросаем,
бросаем...
Все горы, что были,
давно разобрали,
камни закончились,
их не хватает.
Но гений людской покорил
себе космос,
корабли улетают все
дальше в просторы,
достигли давно мест,
что астероидов
без счету гонят,
там их дробим,
на землю камни летят
без конца из атмосферы,
ландшафт планеты смешался
успешно.
Камни закрыли все.
Сегодня уже
не растет даже дикий
шиповник.
Народы вымирают от голода,
чтобы исполнить
приказ главного князя мира.
Камни бросать
время достигло.
— Время придет их собирать, —
сказал главный.

Но мы перестарались.
Очень много бросаем.
Нашелся шальной,
добрался туда, где дворец
князя мира,
там умерли все вместе
с князем давно,
лет, может, сто,
а фонограмма в эфир
гнала лом.
Диск заскочил, какой-то
полом —
звучала лишь фраза
под сотню лет:
— Камни бросать!
И бросали в ответ.
А кто соберет и когда?
Ландшафт камнедрома,
под ним только мрак,
народа осталось
всего лишь чуть-чуть.
А камни летят из
атмосферы:
— Бух, бух, бух...

04.03.11

***

Облака туманом белым.
Синих пятен акварели.
Где-то рвется солнце к нам,
но пока весна лишь
набирает силу.
Зимушка стала строптивой
не уходит, не сдается,
мне понять ее придется.
Кто же хочет уходить,
за красотой земли грустить,
где-то на невидимых
просторах?
Солнце рвется. Скоро
первые цветы, трава,
и, может быть, любовь моя.
Ты красива,
и нежна,
взгляд твой лаской,
иногда.
Я понимаю, ты скромна,
ты чудо-женщина одна.
Зима...
Весна...
Любимая моя...

08.03.11

***

— Маша-зайчик!
Так хотела,
так сказала, и слетела
с кресла мягкого на снег.
Маша — дивный
человек:
то в слезах глаза
и в горе.
— Что за горе?
И, вдруг, смех,
искры глаз счастливых.
Я смеюсь такой счастливый.
А тут снова — прыг и прыг, —
заяц, верно.
Не привык тихо сидеть,
спокойно,
вертит километры...
Больно.
Снова слезы.
Маша наша
зацепилась за лошадку.
А потом — красивый торт,
радости невпроворот,
все измазала лицо —
шоколадка!
Сейчас съем.

08.03.11

***

Годами, шагами, дорогами,
через себя, часто с грустью,
обломанный.
Бесконечно — стены и муры
небитые,
лестниц нет, руки расписаны
мозолями кровавыми, ссадины...
Но дорога — рассвет
календарными,
сжатыми строчками.
Ты — живой, и движение
прочное,
часто мысли романтика
сносят.
Так любить мне хотелось,
и хочется...
Но закон уходящего
солнца —
ночь
и бессонница,
одиночество душ безграничное,
холод пустыни...
Не высаться.
Мысли тянутся в вихрь,
и взрываются.
Пока такая, как ты,
не встречается —
тихая, тихая, добрая.
А дорога идет в колдобинах.
Остановить календарь или
выбросить?
Все оставить кроме любви —
вычистить, что обязан
и должен, и нужно?

Но, наверное, в этом смысле
жизни и утверждение прочности.
И уже тропа
вдоль скалы над ущельем —
не боюсь. Бог со мной,
и вы тоже,
слышите, Елена?

08.03.11

***

«Трактиръ», «таверна», «хотдогня»,
ресторан, бар...
Напевно, я щось проспав.
Вся дорога до рідного дому
в яскравих, крикливих афішах
великого перелому.
То був «скачок», а тут —
«перестройка».
Незатишно, мулько —
все в цих вітринах, бігбордах,
крикливих бензинових ятках,
не видно пейзажів красивих
та наших,
лиш склади, пивні та фільварки.
Ех, туди їх розтуди!
Авто стрибає по ямах
шосівок розбитих,
мов трясця нас всіх трясе.
А тут ці хотдогні,
шашлики, млинці!
Між ними — села обдерті,
як старці.
Дорога додому.
А, може, мені не сюди?

08.03.11

***

Стога сена летом
на берегу реки.
Звездное небо.
Теплая ночь...
Сердце стучит,
как в детстве.
Я стесняюсь
сказать тебе это...
Краснею в темноте,
но верю, что
я ободрею
и крикну в луга:
— Я люблю, люблю тебя!
Ты моя весна.
Не первая,
но светлая.
Сквозь лето в стогах,
где сено
пахнет цветами пряными,
ты одна такая мне глянулась.
Я в стогу засыпаю.
Чудом, сказкой, звездами
я слышу твоё дыхание,
руки теплые меня
ласкают.
Я просыпаюсь от счастья
видеть в лунном свете
глазами улыбающимися
бесконечной
нашей любви дали.

08.03.11

***

Мы все одна сплошная
больничка-палата,
хоть и сидим
по своим кабинетам и хатам.
Но, самое главное, —
и доктор один, невидимый,
властный нам господин.
Его задача не излечить,
а переделать нас
в кодло других.
И посыпает доктор нам
вирус один за другим —
бесстрашие подлости,
подхалим,
чтоб совесть сгорела,
как грипп, после
лечения тела.
Доктор маститый —
ему удалось.
Многое сделал не на авось.
Многое делает.
И не спеша
люди меняются,
мельчает душа.
А мы по палате
в своих все делах,
не замечая.
Может, вирус
ступил чувства
людские,
что уже и в душе
все обессилил.

15.03.11

***

Я Бога боюсь.
Ты посмотри,
Он весь в любви.
Бог наш — любовь.
ею живем,
потоками шлет Он ее
в нашу кровь.
Но мысли пусты
внутри
нашего тела страстей,
идти хочется всем
на тропу, где грех,
где чад, смрад и змея.
Что же потом
даем мы Творцу и Отцу
за любовь?
Змею!
Так лучше уж
свою кровь.

15.03.11

***

Женщины прекрасные,
милые, видные —
но есть недостаток
при сборке их многих:
вместо розового языка
автомат установлен,
без конца длинные очереди,
стрельба. И не нужно
подносить ей патроны,
маслом подмазывать,
ствол очищать —
стреляет, палит вот опять.
Редко одиночные выстрелы
в цель, но прозвучало
вдруг:
— Импотент!
Идиот!
Ты — никто!
И бедный, еще молодой,
на диван, мешком, тут же упал.
Нервно нажимая кнопки
телефона, жена вызвала
скорую, и в кухню пошла —
ему чай подогреть,
но вдруг телефонный звонок —
кума-пулемет.
Застрочили они бесконечно,
а скорая помощь тащилась
в заторах, по типа, дороге
в колдобинах, ямах.
Приехали к вечеру. Ворвались
в квартиру к бедняге,
но душу он отдал,
ждал уже прах их.
Похоронили с честью,
не хуже людей,
и дама, еще молодая,

место имея одно
двинула ним, где
радость и барыши.
Годы летели и шли,
как-то утром
громом с небес
бахнуло ей шесть десятков —
глянцевый
календарь со стола,
то лицо то зад показал
и вылетел к ветру в окно,
на подстилку бомжу,
вот дермо!
Тихий плач, сопли,
сморщеные щеки,
ментоловый дым и вино —
все что осталось.
Я понимаю крик
феминисток,
обиду их
на меня за происк,
и, чувствуя, скоро устроят
пикет.
Вы приходите ко мне
в летний свет
в неглиже,
не берите с собой
транспаранты, плакаты.
Увидев
тела обнаженные ваши,
что-то рванет
во мне мощным
снарядом,
и я
уже не оторвусь
взглядом
от ваших грудей,
нежной шеи,

ног в белых чулках,
а особенно
места, где они сходятся на нет.
Я извинюсь перед вами
за стих,
я полюблю вас всех,
я же не власть чумная
в себе.
Вы ходите городом
в полнеглиже,
а они, импотенты, прячутся
в свои кабинеты.
А я к вам готов
каждый день,
а зимой —
прямо в дом.

17.03.11

***

Мэру Москвы Лужкову

Не бахвалься Луг
кепкой хвастаться,
и в Крыму орать,
будто ваше все.
Лучше б ум тебе,
а не денежки,
скоро стукнет дверь,
и покатишься.
В рулон скрутят
тебя крепенько
не живой травой,
а синтетикой,
тот рулон снесут
твои близкие
в чулан старый,
пылью всеянный,
там и будешь петь
да куролеситься.

18.03.11

***

Николаю Кравченко

Крик ночной
под полной луной
кружящейся стаи ворон,
а мимо них,
один лишь миг,
белой голубкой,
туда, за Луну,
душа твоей матери
к Богу на суд.
Ты еще думаешь —
все не с тобой,
мать вернется...
Но время,
и звон
разорванной нити —
для уха не слышно...
Ты в горе прощаний,
и новых отсчетов,
за тобой — внуки, заботы,
все как по писанным
нам назначеньям.
Терпи боль разлуки,
но помни:
есть внуки.

20.03.11

***

Невидимый фронт
неизвестной войны,
окопы, траншеи-ходы,
замаскированы пушки и танки,
мы ожидаем команды:
— Десантом, внезапно!
Но нас упредили.
Огонь что есть
силы из артдальнебойной,
а в небе — моторы,
штурмовой авиации грохот.
От взрывов
солнце закрылось,
земля в воронках и телах,
кровью пахнет, тротилом.
— Спасибо, Нобель! Спасибо врач!
Нас убивают ни за что,
нас калечат лишь бы что,
и мы, зарываясь все глубже
вниз,
клянем свободу, капитализм,
клянем все страны,
что за мир
вмешались в средневековую
жизнь,
клянем проклятьем на века.
Нас осталось полполка,
а, вечером, по телевидению
выступит какой-то хрен
недели,
и скажет:
— За демократию борьба!
Его бы к нам в окоп
сюда,
с детьми, женой,
и шлюхой, которая есть
у каждого из них.

Их всех — сюда,
едрена мать,
просто под артподготовкой
полежать...
С красными глазами
мы врага встречаем,
злости нам
уже не занимать.
В землю сейчас лягут,
такие как мы парни,
за нефть и золото
для утробы ненасытной
капитала.
И что это за рогатая
мразь?!

20.03.11

***

И плачет зима сама за собою
порошою снега,
бесконечной слезою
с крыш, козырьков.
Снег падает молча,
мелкий, красивый,
стройными нитями
тянется диво.
На крышах домов,
деревьях, асфальте —
он уже дождь
растаявший в марте —
недолго был снегом...
Весна полюбила
его,
как и всё,
что красиво,
и что не красиво.
В объятьях ее
он нежно растаял,
как и я, как и ты
весною обласкан.

26.03.11

***

Два года
вновь я на земле
среди весны,
два года —
бесконечные цветы,
два года —
с неба
белым снегом лепестки
на ожившие сады,
тюльпаны и сирень,
пионы, георгины:
каждый день, что-то
новое цветет в любви.
Два года —
посреди весны
в спокойствии души.

26.03.11

***

Головиха мадам Крикунова.
Полісся, сільрада.
Круг столу — актив.
Довідки, книги, мапи —
селянські земельні пай...
Все до сраки!
Кричи, не кричи,
розтягнуть пай,
залишаться довідки, книги
і мапи,
залишиться в пам'яті —
були ми багаті....
Дим коромислом
цигарок смердючих
стоїть у кімнаті —
актив думає!
Головиха вдає,
що вона — за село,
а вже, по команді,
бандити в ружжо.
Хто передасть,
хто продасть,
кому хату підпалять,
когось і заріжуть
на тім прямо пай,
і вся земля відійде
олігархам та владі
червоній від крові...
А потім дійде:
всі ми — раби.
Зірветься накривка
з дурголови,
попремо
на сокиру бандитську,
та й гульнем
по Вкрайні чужинській

за кривду життя,
за вкрадене поле.
Стодоли горітимуть
синім до неба,
гульнемо тоді
і умиємо всіх,
кого треба.

26.03.11

***

Стильный бимер на дороге,
мимо желтый свет волной тревоги,
дальше в перекрестке — красно-черный.
Махнул ему рукой,
и — в путь, сам с собой —
в океане бед смешался свет.
Вечером ко мне домой,
волной,
грозным стуком в дверь —
отворил я не спеша,
на пороге, как струна,
желтых волос ливень с плеч,
красных глаз болящий взгляд,
руки черные,
с красными, как кровь, ногтями
брови сжав,
и в тишине
она в комнату ко мне.
Ватными вдруг стали ноги,
голос выдал дрожью с хрипом:
— Что тебе?
Чем-то обидел?
И ты мне, смеясь, сказала:
— Я беда,
к тебе вот звана,
все стереть, смешать
и взвесить —
что останется от спеси?
Ты скакал конем стаенным —
бимер, свет,
и к ней.
Ты менял их, наслаждаясь,
ты не жил,
а пролетая
над планетою с людьми
возомнил себе и и...

Смерти нет и горя,
силой вкачан в тело порох,
но уже не до дидактик,
я пришла,
и вот-вот бахну!
Кто тебе здесь скажет:
-Здравствуй!

26.03.11

***

Сколько эмоций, горений
впустую.
Нас всех обставила власть
нагло, втихую.
Изнасилована мать-Украина
байстрюками, что нечисть
свою демонстрируют
нам, как известность.
Ограблено все, что можно
украсть,
построен режим бандитов,
где совесть и правда
в бумагах вранья.
Построен режим для убийств,
и фигня
поднята снизу на самый верх.
Мы супротив идем,
но нет мест и сил
для удара,
мы сдавлены наглостью
брехни и литавров.
Мы терпим, стенаем,
и умираем.
Мы терпим,
но скоро взорвем всех,
ударим
правдой святой
и честью
за мать-Родину в крови,
которая начала
уже умирать.

27.03.11

***

Поле ржи.
Весна.
Зелень руты.
А пока —
первые скворцы летят,
аист нежным шагом
обследует поля,
еду находит,
журавли широким клином
в небе голубом,
мимо поля нашего,
на запад,
вслед за солнцем,
жизнь другим украсить.
Поле ржи.
Все зеленое.
Дожди омывают пыль,
и соловьи
трели нежные свои
в деревьях
в низине,
рядом с озером
разливают.
Сила наполняет
мое тело, мое сердце —
так хотелось
вновь увидеть
возрождение
Господнего лета.

27.03.11

***

Скотско-плотская любовь двоих:
поцелуи бесконечные,
оральный секс, коннигулиус.
Пшик в результате —
измотаны тела,
годы состарившие обоих.
Она — пила,
которая весь день
жужжит, пищит.
Ей уже не угодить.
Ржавая, с воем, на тебя,
а ты, болван, бежишь
в аптеку за «виагрой»,
чтоб ублажить на время
сгоревшее плотское
нелюдское бремя.

27.03.11

***

Дождь и зонты,
как цветные шары,
вдруг улицы все закрыли,
качаясь в такт идущих
по бульвару.
Под цветом каштанов
твой единственный знакомый зонт,
здесь, в мае.
Лепестки цветов под
ногами
смывают дождь,
ты идешь мимо
не замечая их
и меня.

31.03.11

***

Давай начнем сначала,
от причала
под названием любовь.
Якорь здесь я брошу
со своего серого корабля
рядом с яхтой
твоей белой.
Я — моряк заматерелый,
ты — только в море вышла.
Я хочу все сначала,
но столько лет
винты намотали,
что их раскрутить обратно
не хватит сил,
и, понятно,
что я могу только
тобой упиваться,
смотреть, любить,
улыбаться.
Лет моих много,
ты — только выплыла
в море
бушующей жизни.
Слышишь,
я так люблю
наслаждаясь.
Над нами облака,
белые-белые,
вдаль плывут
над землей светлою,
и я там с ними
давно душою.
Хочешь туда?
Вместе со мною.

31.03.11

***

Первые ростки
нарциссов, тюльпанов,
бутоны сирени готовы
взорваться листьями
и цветами украситься,
трава...
Весны красота.
Шиза следом, как всегда,
вирус ее поражает
нервы —
такая вот
параллельная беда.
Иллюзия идиллии —
врага невидимым
считают.
И так оно и есть:
он в головах,
и громкий смех,
и крик без смысла,
в смысле крика.
Влюбленных парочки
вечером на лавочке:
поцелуи, радость,
надежды сладость,
но вирус поразил,
и ждет лишь часа,
чтоб тишину взорвать.

Бредни в телевизоре
и прессе —
бредни планов жизни б
занавесить
парчой и тюлью
в крылатых глянцах!
Но снова крик.
Его ты все равно
услышишь.

02.04.11

***

Мне нужна любовь,
мне море любви нужно —
плавать в его волнах
бесконечно друг с другом.
Небосинь над нами,
белые уходят облака —
мы не уходим никуда.
Дымка серым шлейфом,
нежный свет луны —
мы с тобою бесконечно
в море из любви.
Море синее и берег,
где меня ты ждешь...

03.04.11

***

Айсбергом в морях северных
мои проходят дни.
Дорога неизвестная,
я так хочу любви.
Айсбергом в морях северных,
угрозою для кораблей,
несет волна медленно,
что впереди?
Поверь,
мне холод не по душе,
мне лед на сердце, как нож.
Меня поиски тебя
совсем
выбросили за жизни борт.
Море холодное греет
тело ледяное в пути,
но что останется
в южных широтах,
если туда дойти?

03.04.11

***

Под цвет травы
зеленая тоска,
и нету сил
бороться с нею столько лет.
Зеленая тоска, болотная,
невидимая мне лицом,
такая едкая и сильная!
Облом.
По крохам собираюсь я
опять,
бороться нету сил,
но жить — не спать.
Тоска...
переступлю через нее
в траву,
зароюсь в цветах,
букет нарву.
И буду средь природы
в зеленых листьях
забывать невзгоды.
Мне б радости еще немного,
мне б жизнь,
не через пень-колоду,
мне б тишину, покой,
и видеть небо,
но зеленою тоской
открыта темень.

03.04.11

***

Не хочу жить
мыслями о прошлом,
грезы и фантазии уносят,
туда, где юность и свобода,
свобода от тебя,
мое ты тело.

Свободы было столько,
что летел я
быстрее облаков
и ветра с бурей,
горел, как солнце
южное.

Не струсиł.
Пошел вперед,
где все было непросто,
и грезы здесь мои
о прошлом.

Нельзя мечту превратить
в реальность,
когда мечта
заезжена и стара,
мечта, что впереди,
возможно.

Но там передо мной —
стена
и холод бронзы.

03.04.11

***

Я слышу твои шаги
на лестнице,
я слышу твое дыхание
за дверью, здесь,
но не открою тебе,
не верю.
Не поговорю,
и не хочу
с тобой надежды.
Проходит все,
как день весны,
мгновенно.
Усталостью твоей
я поражен, наверно.
Моя судьба с твоей,
как два солдата
из армий вражеских,
из двух штрафбатов,
им остается только
кровь
или до смерти бой.
Я не открою дверь.
И в одиночестве мечты,
прорвусь сквозь щель
безликой пустоты.

03.04.11

***

Сколько убито за двадцать лет
без гражданской войны,
а нам террор в ответ.
Не нашли никого, никогда,
может, случайно?
Столько убито,
и как с этим жить?
Заказчикам, киллерам
не отслужить
молебны в церквях —
не хватит нам храмов.
Заказчики все непростые,
богатые, виднополитики,
руководяги.
Представьте элиту
на куче гробов —
первичнакопление,
потом все уйдет.
Когда банда всех вырежет,
и заберет все богатства себе,
киллер безработный
в огороды пойдет по траве.
Банда сплотится — и ни-ни
рабов убивать —
это не древний же Рим.
Рабы ведь
и за так готовы пахать.
Банда,
поднявшаяся вверх,
за себя
молит Бога Христа...

03.04.11

***

Попухли люди.
Мертві
хто на дорозі,
хто біля церкви,
в садибах, хатах.
Їх багато.
Кульгаві клячі тягнуть
вози-катафалки,
збирають трупи,
везуть до ями.
Не чути музик,
півча мовчить —
попа застрелили
давно.
Везуть на цвинтарі
вкрайнців
день за днем.
Це вже не горе,
це — чорний день
що переходить
в смертний рік.
Нема жалоби,
є артіль,
експеримент,
страхіття чорта,
партмомент.
Мерло багато
в цей клятий рік,
щасливих
ніби, цифр.
Тридцять три —
це чорні дні,
Тридцять три —
не пережить,
не зрозуміть.

***

Я строю плачевню
по вам, несчастным,
жалеющим себя
под небом
ясным.
У многих из вас
все не так?
Держава плоха
и эта и та,
люди плохи,
что рядом и далее,
мало было
на вас внимания?
А, может,
нужно было не так:
сменить ситуацию,
переломить,
влиять на события
и времена,
не пустой болтовней,
вы же
не пацанва!
Закатать рукава,
и в работу, бегом,
а не жалеть все себя:
любовь ушла, не пришла,
деньги мимо прошли стороной...
Строю плачевню
я за горой,
в низине, где сырьо,
и ветра нет,
затхлостью тянет с округи.

Здесь
плакать будут по вам,
плакать можете даже и вы,
приехав на время,
жалелки себя и страны.

06.07.11

***

Слава и ее земные лучи
греют только тщеславие.
Ты посмотри,
как оно вырастает
в невиданного доселе
монстра,
и тает все перед ним.
Земная слава, — кажется,
что навсегда,
уйдут столетия, года
и будут говорить только о них,
как, вроде, нет других
проблем,
и блеск пришедших не заслонит
славу ушедших навсегда.
А что есть слава?
И когда ее можно назвать
такой?
Придумали её люди,
что порой не находили места
на земле —
им нужно величие не
только лишь во сне.
И слава вышла из-под контроля,
накрыла многих здесь собою.
Смешно.
Тщеславие наказаний —
и все.

07.04.11

***

Время уводит все дальше
ото дня, что назван
рождения днем,
бродягу, скитальца
одного,
иногда с любимой вдвоем,
ничего не меняя изнутри,
внешне добавляя шрамов,
морщин.

А что там, внутри?
Мудрость и ум.
Где эталон? И кто
отмерит эти вершины?
Время реальности сносит,
и шире дорога,
на ней крик судьбы.
Что ты, уходишь?
Остановись, подожди.
Я — та любовь,
которой ты поигрался,
оставил меня.
Перестарался.
Теперь мысли твои все —
ко мне.
Но как нам найти
друг друга?
Рассвет над землей.
Тоскливо вдруг стало,
но не впервые без тебя...
Так мало отмерено
нам до встречи в мире другом.
Надеюсь,
живу лишь тобой...

09.07.11

***

Социалисты-утописты,
город солнца —
все осталось на бумаге.
А в оконце нагло
постучали теорейцы, —
капиталисты с капиталом, —
душегрейцы.
Теории их превзошли
в людских умах
и солнце.
Весь мир свернулся
в биомассу гонки
по сбору, накоплению
богатства,
потом на смену выскочили
коммунисты-братьцы.
Кровью обагрили всех,
кто не поддался и не подходил
теории,
перестреляли, дав всю
власть террору.
Счастье — завтра, на костях
убитых,
Счастье — завтра,
оставшимся в живых.
Но счастье не пришло,
или прошло другой дорогой,
исчезло коммунобазие вместе
с кодлой, которая
ушла в капиталисты,
вновь обещая счастье
всем и близко.
Вера в новые и старые
как мир обманы
нас опять ввела в оману.

А мир врет дальше,
и паскудство реет
флагом алчности, зависти, агрессии
и счастья лотереи.

10.04.11

***

Хижины и дворцы
сегодня стоят рядом,
голоса на выборах
отдаем вместе радо,
чтобы к дворцам добавилось
еще боле.

Сами попали
в ловушку,
насладились вволю
капиталиста оскалом
под овечьей шкурой,
но не видно было
за бугор сразу.

Сняли штаны
и отдались заразе,
надеясь бумажкой,
бюллетенем решить
проблемы.

Все повторяется опять,
а мы стареем,
уходим в вечность,
сгорбившись, сжавшись.
Что оставляем детям?
Шакалить!..

11.04.11

***

Вранішнятиша.
Будинок спить.
Сірієнебо.
Повітряперемішане
дощами.
Кімнати всонввійшли.
Існитьсяїм
сміх твійдитячий,
снятьсяквіти,
щотиносила мамі,
ізозшит—
твігербарій,
тежзаснулий,
іграшкиз
книжкамивкупі...
Аясумний.
—Мамо!—
твійголосчую
за дверима.
—Мамо,відчини!
Марія...
Тількиніч,
яктипоїхала...
Авсе,якнеживе,
поснуле—
такий-отмій,Маріє,смуток...

17.04.11

***

Згори додолу
котився сором
брехні та горя,
людського болю.
Неначе хмара чорна
з градом,
ламала храми,
танцювала,
в руїнах церкви
завивала.
І де він взявся
цей клятий сором?
Жили, як люди, —
без страху,
болю чужого,
не чули близнього,
що волав про допомогу —
нас це ніяк не
переймало.
Жили, як люди,
завжди щасливі.
А тут цей сором,
вулканом магми,
і зневага —
до нас від нас.
Чи це надовго?
Чи пройде час?..

17.04.11

***

Цензура, цензоры, политтехнологии...
По-новому —
кабинеты, президентов портреты,
инструкции, темники,
журналы, газеты,
электронные средства информации...
Где ты,
свобода?!

Отношения государства и личности,
власти и народа,
правды и истины,
собственности?

В болото
ввести всех снизу — задача
Цензура разрешает
играться:
танцы и звезды,
звезды и похороны,
измены и звезды,
их свадьбы,
светская жизнь и зажигалки —
всё дозволено, ёлки-палки!

Умерла или умер,
артист, артистка,
во всех газетах и журналах —
рассказы, рассказы, рассказы...
Мертвым, честно, это не надо.

Живым, что уже
тлетворны,
интересны басни с уборной:
басни и выдумки
блажат и сладят.

Остальным, еще живым,
это отдает смрадом.

***

Революция.
Эволюция!
Волной штормовой шумит
мегаулица:
призывы, плакаты, флаги.
Солдаты
сорвали погоны и перешли
к народу.
Амбре пота, крови —
плывут эскадроны
смерти не черной.
И снова в борьбе
сгорают лишь
романтики мира,
кто на заре плакал
под солнцем
от вида росы
и думал о Боге,
кто плакал в любви,
у воды, где истоки.
Умирают лишь те,
кто стремился, как сокол,
под небо с ветрами,
мощными взмахами
их побеждая.
Революция. Деньги и фонды.
Это — смешно.
Политологи — гномы
души человеческой,
чувств загруженных,
тело — в огне,
сердце вновь вынуть,
нерв оголенный
бросить под ноги
болью пронзенный.

Высохли слезы,
не за себя, а за мир
для потомков,
мир, где мера духа —
не звонкой
монетой,
а верой, надеждой.
Булыжник летит
кому-то вновь в темя,
сходы и сходки
министров и вяков,
пресс-секретарь читает бумажки —
холод могилы лица
под эфиром.
Улица молохом
разрывает немилость.

17.04.11

***

Вырваны годы из контекста
романа, где мы пахали,
но сеяли мало
того зерна добра и любви,
которым издревле
славилась Русь.
Куда исчезли глаза
спокойные, нежные,
и этим прекрасные?
Очки, затемненные стекла...
Чем гордиться?
Фирмой, ценой?
Очки — украшение рожи,
что пивом, жратвой
вылазит из кожи.
Вырваны годы страницами
в лужу,
ветер с дождем носит их
всюду.
Не прочитать промокшой
бумаги, а годы ушли,
вроде так и надо.
А где же глаза
искр и искринок,
искренний взгляд,
человека с душой
нараспашку?
Страницы убрались,
а книжка в осадке.

17.04.11

***

Я пишу большой ценой,
любви лишь к Богу,
свету,
хоть тянет часто меня
туда, где бабы, девки,
где их тела в истоме дней
любви разгоряченной,
где раздаются
стоны стен
домов и гибнет сердце.
Я — не святой,
я — не монах.
я не избран небом,
меня лишь держат
вот в руках,
жалея, видно, с детства.
И прорываюсь вдруг
в словах,
что Богу благодарен —
душа плывет
в миг этот в небесах,
и я вновь не страдаю.
А там опять — обрыв,
обвал и все туда,
к ним, теплым,
где тело женское, как храм —
обман.
Не получить победы мне
в мире этом
ярком.
Я — погрешенный на Земле,
и рвусь туда,
где сладко.

17.04.11

***

Рабы мы.
Мы — рабы
мира, где жлобы
свои
тиранят свой народ,
слизая зад тем, кто их пасет,
кто — мировой правитель тьмы.
Финансов горы и мешки
их трон,
на них сидят они,
кормя тиранов
и низы, которым
крохи со стола
под настроение царя:
дам — не дам.
Команда вдруг пошла
всем нам, рабам:
с лопатами в поля
себе собрать корма.
Массоны мало стали
вдруг давать бабла,
тираны стонут, задыхаясь
без купюр,
они привыкли к ним,
приумножая труд рабов.
Вернемся мы назад на
тыщи лет —
мотыга, сапа и надзирателя
кастет.

20.04.11

***

Весна, весна.
Сонцезолотом залиті
 поля,
 свіжий вітер висушує
 землю —
 пора
 орати і сіяти
 Коротка весна.
 День летить,
 і вже сонце зайшло,
 люди з поля додому пішли.
 Троє сусідів вечеряти
 сіли,
 і втому,
 за звичкою, оковитою
 стали знімати,
 печі полум'ям
 дім зігрівати.
 Неспішна та тривожна
 розмова
 про життя, що тягарем
 на плечі села лягло.
 Хтось закрив заслонку
 комина
 раніше, ніж треба —
 три хлібороби заснули навіки
 в хаті під місячним небом...
 На ранок —
 три мерці, три хрести.
 Не встигли люди поле
 засіяти...
 Щось нам заважає, як і завжди.

20.04.11

***

Мировой уровень,
творчеству нет конца,
Бог и все святые...
Я стремлюсь к вам,
мои небеса.
Ночью с неба темного
мерцание звезды
света холодного.
Что ты?
Этот свет в моей душе
теплом,
и обратно с нее несем
лучик света звезде,
и снова ее мерцание,
часть моего тепла
звезда взяла.
Я стою под темным
небом,
холод ночи по плечам,
грудь согревается хором
звезд, что где-то там
горят далеко.
Смешно.
Одно мгновенье
души, и ты в вихре
света, огня —
поспеши!
Или не надо.
Жди свою ночь
и отраду, что все равно
придет
и скажет с любовью
в глазах:
— Верь не верь,
я твоя звезда с небес.

***

Мамо!

Як давно Вас нема.

Мамо!

Мені тиша із Великого Всесвіту.

Мамо!

Я жив з Вами роками.

Мамо!

Я любив Вас до нестями,
як добре було мені з Вами.

Мамо!

Мамо!

Всесвіт мовчить,
А приходите Ви.

Я це відчуваю ночами, снами.

Мамо! Мамо! Мамо!

23.04.11

***

Я не хочу, чтобы меня хоронили,
я не хочу, чтобы у меня

была могила,

я не хочу, чтобы близкие
слезы лили.

Я хочу, чтобы меня здесь
любили.

Не от страха смерти,
она уже почти моя радость,
не от страха расставания
с миром, где
почти все зажрались.

Каждый день кто-то
дырку в голове колотит
языком ращельным
одно и то же.

Я угождал всем,
я старался,
но трудно жить
с опущенной головой,
или трястись от страха,
как заяц.

Я не хочу...

С любовью в душе,
может, я и виноват
перед всеми вами, —
простите, и замолчите
хоть сейчас уже
под пасхальными небесами.

26.04.11

***

Белые сады,
небо дымом серым —
серое пространство
в белом.
Солнце рвется к нам.
Но все напрасно.
Серый дым весны
клубастый.
Белые сады весны...
Белые сады,
и — ты,
где-то далеко и
рядом.
Что нам расстояние?
И надо бы собраться и найти
друг друга,
но белые сады,
как зимою выюга,
опьяняют и
теряют время —
то ли вечер, то ли ночь?
А, может, утро?
Понедельник? Воскресенье?
И, забывшись,
запахи вдыхаю...
Лето скоро,
а там и зима...
Душа дремлет,
но тебя я помню, знаю:
встреча наша
не случайна.

26.04.11

***

Море цветов,
и в тумане просветы.
Солнечный свет.
Всполохи в небе.
Там где-то — ты,
и песни не спеты...
Чудо-весны,
потом было лето,
море цветов
на земле и деревьях...
Музыка счастья
в израненном теле,
море цветов,
и взрывы эмоций...
Любовь не уходит
с туманами в осень,
она остается
музыкой в сердце.
Солнечный свет
сменяется
светом из серебра
Луны и звезд дальних,
и только ты
короной печальной,
недопетыми песнями
фантазий весны...
Может, я тебя выдумал
и это — не ты,
болью загрудиной,
как слепок свинца
тумана весеннего?
Нет!
Ты живая и ты меня ждешь.
Я верю и знаю:
еще ты придешь.

***

Шаг, шаг, шаг!
Сапоги дерут асфальт.
Шаг, шаг, шаг!
Колонами, назад,
поротно, повзводно.
Приказ дан наступать,
но армия идет назад.
Новый генерал
тактику назвал
кодовым шифром —
«военный карнавал».
Искры из глаз,
в руках противогаз,
как средство маскировки
боевых атак.
Танки стоят, вертолеты свистят,
летчики спят, танкисты
летят —
свирипый боевзгляд.
Армия — назад,
откуда пришла.
Началась новая
внутри себя война.
Военный трибунал
год прозаседал,
всех — кого к расстрелу,
кого в штрафбат, —
мобилизовал.

Затихла страна,
окнами темна,
лишь светская жизнь
по телевизору видна —
из старых записей
сплошное кино.
Теперь они все в армии,
им — все равно...

02.05.11

***

Ветер силу набирает —
буря вдруг!
Ветер играет,
наклоняя деревья к земле,
гонит тучи черные ко мне.
Вдаль ушли остатки белых облаков.
Ветер рвет, ломает крыши
струсивших домов.
Падают деревья —
корни вверх,
и дождь ко всему,
как зверь.
С шумом
ливень не ленивый.
Час его короткий?
Длинный?
Кто нам скажет?
А он льет,
что есть силы,
наперед
оставить след
в виде вдруг возникших рек,
что снесут все на пути.
Ветер, ветер,
ты прости,
я-то знал и видел силы,
что тебя вознаградили,
но такое —
первый раз.
Буря стихла,
ветер спал,
ливень вылился.

Из дома вышел я,
небо чисто.
Остатки рваных черных туч,
небыстро,
уплывали в небеса.
Ветер стих.
Наверно, нет —
ветер улетел отдыхать...

08.05.11

***

Птицы с дерева
вдруг чего-то испугались,
умчались
в даль,
не попрощавшись.
Вот так и мысли, что
ко мне приходят:
садятся, беспокоят,
потом, срываясь, исчезают,
и — тишина, покой...
Я созидаю
в эти моменты
крохами все то,
к чему стремился.
Так мало времени
осталось, а я не изменяюсь —
почти такой, как был
всегда,
на счастья поиски
ушли года,
хоть понимал, что мне
искать его не нужно —
счастье внутри души.
Я — счастливее всех.
Но трудно
не поддаться общему пути,
и я искал, летел,
мечтая все-таки найти.
Птицы с дерева
стаей вдруг
умчались...

10.05.11

***

Проходи ты свой путь,
сжигая
не мосты,
а то, что мешает —
наносное и собранное
в чемоданы.
То, что с собой не взять.
сохраняем,
тонны веса на грудь и спину
мы собираем,
а там, где трясина
тянет,
не пройти с этим хламом,
все равно придется сбросить,
добираясь до твердой почвы.
Так лучше уж раньше
жгите,
пламя и дым
разделите:
дым пусть уходит с ветром,
а пламя — в сердце,
согрейте
им других,
себе оставив на миг
последний
сверкнуть этим пламенем,
начав полет.

10.05.11

***

Порт,
июль, жара,
песчаный пляж,
волна.
Ты и я.
Молодость моя и твоя
в синем море —
на века бы
насладиться!
А пока — солнце
и любовь...
Без тебя я не смогу.
Здесь ночь
теплая и темная,
ведь юг.
Я так долго
не был счастлив.
Море и жара вокруг...

15.05.11

***

Посмотри на небеса:
там облака, облака, облака —
неземная красота,
золотые, пурпурные,
сиреневые цвета.
Озеро — зеркала гладь,
облака отражаются опять.
Я смотрю на воду и на небо —
чудо вижу:
хочется уйти в эту гладь,
в эти цвета и краски,
что горят
и воду превратили в небеса...
Садится солнце,
уйдет скоро красота.
Я ловлю эти минуты.
Мы созерцаем счастье жизни
то тут, то там,
мы все же не привыкли
к Божественной красоте творений
и чудесам.

19.05.11

***

Я выпит до дна сегодня трудами
как кубок вина,
лежащий в траве под цветами.
Горячее солнце сжигает
тело,
и в забытьи я от этих
мучений.

Я выпит до дна,
чужая на мне голова,
в бездумья забытий
и безразличий к себе
и всему.

Раздражает женщина эта
в траве,
когда-то любима.

Сгоревшие страсти —
хоть один бы мне уголек
про запас,
но чувствую пепел,
остывшей золы вкус
на губах,
не поцелуев, нет ни объятий,
а так...

Зачем же мы рядом?
Может, она так же пуста,
как и я,
и мы на одной прямой
бытия?

Я все жду, что в душе
вновь заиграет вино,
голова ко мне вернется,
вскружившаяся,
и все равно, что скажут
потом.

Я вновь загорюсь,
как это солнце весной
в цветах мая,
я устал, себя не жалея,
в трудах все сгорая...

20.05.11

***

Безвременья нет.
Есть просто низ времени
хмурого,
где так накурено, что дым
коромыслом, столбом,
а небо все не спешит
ветер послать нам спасительный.
В этом дыму табака
плесноедкого воры крадутся
неспешно, но метко:
все и вся повязано,
одной ниткой скреплено:
то ли ты мэр, то ли министр,
то ли просто общественник,
партии разные, но одни
интересы —
кого-то за рубль тянуть
к лесу вброд,
там, пригвоздив к дереву
усохшему,
держат в мучениях, а сами
хочочут.
Другой, утащивший миллионы,
кичится этим богатством
украшенным у нищих.
Похоже на то,
что на паперти
скоро у несчастных старушек
заберут все
до последних полушек.
Вот здорово!
Кто-то игру подневольникам
выдумал:
свобода, свобода!

А всем так неловко
и неуютно.
Дым этот едкий, в котором
бродят, собирая обедки,
потому что пирог уже съеден,
остались обедки
и башни, где прячутся
не красавицы звонкие,
а серебро с золотом.
Громкие всхлипывания
в дыму от обиды,
а ветра все нет —
небо не слышит...

21.05.11

***

Красных губ,
влажных, мокрых,
вкус соленый.
Может слезы?
Нет.
Глаза искрятся, чуть в тумане
нежных пятен,
бедер белых свет.
Путь,
по которому идти
мне сегодня,
опьяневшим
от тебя
под солнцем
летним
среди цветов, где запах
ветра все смешал.
Птицей с неба
на мои руки легла
твоя нежная спина,
поцелуй бесконечно кружат
голову,
и ветер шепчет:
— Не спеши уйти...
Ты всегда
летишь,
изведав лишь начало
света тела,
не проникнув до души,
до сердца...

И летиши,
чтоб оставить остров
чувств для других,
а сам вновь пуст
в поисках магии
божественных искусств.

22.05.11

***

Кто-то умирает, вызывая
в нашем сердце боль.

Кто-то умирает, и мы жалеем,
кого-то убиваем любой ценой
для того, чтобы спасти себя...

Смерти желаем,
а он, может, как малое дитя
с чистыми помыслами
и чистой душой —
играться к нам.

А мы бросаем камень в бровь
и острые предметы
в его глаза,
желая ему смерти
любой ценой.

Кто-то умирает вызывая боль,
чьи-то могилы в памяти нам до конца,
а кто-то умер и память стирает
все, что знали мы
про подлеца —
так мы считаем.
Подлец он был,
или же нет,
но вы уже судили:
он — подлец.

22.05.11

***

Куча мусора,
гниющая тоскливо,
у ворот стальных-супердиво.
За ними — замок,
псарня и охрана,
система наблюдений.
Хозяева загорают на Багамах,
а здесь соседи злые,
завистью страдая,
муссор под ворота
со злостью бросают.
Охрана убирает и увозит.
Хозяев это, вроде, не
тревожит.
Но где-то сила злая к ним
копится, собираясь,
и сожжет огнем
беспечных.
А все от жадности и
алчности:
страну таскали
каждый за забор себе —
устали.
Теперь — врачи, больницы,
отдых,
но отдых
не снимает
ту адскую усталость,
что скопилась, когда
житуха гнала воровая.

27.05.11

***

Узники совести эпохи
советской,
если ты против был
свободы исшедшей,
в рамках зажатой,
как импресса, написана
маслом
и в раме —
свобода картиной,
но больше
хотелось.

Шли в лагеря. Там оголтело
спорили, дрались
за слово и правду.

Узники совести
потом лишь узнают,
как дух продается,
и что есть свобода?

Деградация личности
буржуазной эпохи,
где нет рам для свободы,
а есть петля,
что за ноги и голову
держит жильца
одной шестой суши,
как паяца,
а он безысходен,
свободен в падении
вольном, все ниже и
ниже,

туда, где подлота,
подляндии жижа —
пространства страны
опустившихся истин.
Свобода для своры
дикой шпаны,

мысли их связаны
только деньгами,
а дебильная масса
машет руками,
приветствуя праздники,
которых без счета.
Подляндская связь,
как секта безумства
ограбленных, сирых
рабов капиталмуда,
безысходности жизни.
Узников совести демократоэпохи
стало так мало,
о них и не слышно
закрывшихся где-то
в местах недоступных.
Как старцы Христа,
закрывшись от мира,
видя безду и
ад разверзнувшийся,
молятся Богу —
другого не нужно.
Мирские зашли так далече,
что самим
не вернутся к истине, свету.
Я жизнь бы отдал
в такие минуты
Творцу за людей.
Церковь без Бога.
И секты, и секты...
Попы, как гапоны...
Но Бог дал возможность
выбора света
в эти дни беспросвета.

28.05.11

***

Под власть упали
всем кагалом,
оставив лавки и мангалы.
На верность первыми бы
присягнуть царю,
но фу! —
царь какой-то не такой —
нет короны золотой,
и ощущение, что сам ее
украл у себя.
А трон, не трон —
фигня! —
сколочен наско로 из досок,
нестроганных
и сырых сосен,
аляповат,
покрашен краской желтой,
под золото, морилкой,
скреплен веревкою
зачем-то.
Свита вертится попсой —
кто в туфлях, а кто
босой.
— Верность! — клятвой на
престол.
— Зуб отдам! — кричит с косой
дама с видом
профи-профуры,
тенью Юльки,
языком и носом дуры.
Но почувствовав победу —
хоть на миг, на час.
И едут.
Отовсюду. Кто на чем.

Поклониться, бить челом,
верность в страхе доказать —
сохранить бы только власть
феодала в личрайоне,
где дома, поместья.
От «Бриони» все в костюмах,
пахнут Францией парфумы,
подогнувшись в ногах.
Ничего, что трон в досках,
ничего, что связь в веревках,
лишь бы слушать
ротословку,
приоткрыв свои хлебала.
Свита тырит, что попало —
то конфетку, то стакан,
и в карман, в карман, в карман.
Царь напыщенно взирает,
дань берет,
дань прижимает
он к груди,
а сердце бьется —
любит царь богатство
тоже.
Свита скачет — пот и слюни,
бабы мокрые,
и нюни распустив
от счастья
приседают.
Мне б смеяться,
а я плачу тихим ливнем —
не за себя —
мне противно.

29.05.11

***

Я знаю, что такое
Любовь Христа,
мне это знакомо.
Я бы и сам любить так стал,
если бы я был Богом:
всех и добрых, и злых,
всех заблудивших и падших,
не делить мир на своих,
чужих и несчастных.
Бог есть любовь!
Закон!
Это Его сущность.
А мы искры костров
горящих, как солнце, утром.
Нам не дано обнять
любовью своей мир черствый,
наша любовь то взад,
то вперед.
На остановке.
благость от Бога взять
и разделить по миру,
но это — себя отдать,
а мы все стремимся к кумиру —
он захватил врасплох
души вкряивь перекошены
и затянул нас вспять.
Там нет любви,
там только «грошики».

29.05.11

***

Я терпеливо и спокойно
буду ждать свою весну.
Она придет, а в ней и ты.
Пока мне редко снятся сны,
где только голос твой,
тебя не видно,
но чувствую своей душой
душу твою.
— Люблю тебя, —
мне говорит она, —
как и тогда.
— Где ты сейчас?
— Я жду свою весну,
весну любви,
хоть жизнь свою
мне уже не повторить...
Но будет новый
смысл,
отрезок, где еще с тобой
я буду жить.
В весне,
весне любви,
есть место мне.

04.06.11

***

Болью искажено твоё лицо.
Открытый рот,
из него
когда-то слышно было крик,
сегодня — тишина,
и только застывшая гримаса
твоего лица.
Взвывали к людям
о спасении не раз,
но мало кто услышал
нас.
Я поостыл, а ты
боролся до конца
за души, что ушли туда,
где нет им места.
Ты стоишь,
кричишь.
Но голос твой закончен.
Нет его.
А только боль лица
написана, застывшая
гримасой,
не дай Бог — навсегда.

04.06.11

***

— Если это ваш праздник,
так какие тогда ваши
будни?
Простите меня, люди,
я не смог вам помочь,
и не спешил.
Я сплетничал, насмехался,
судил.
Я вас, бедных, так
мало любил,
ненавидел,
часто грубил.
Я виноват во многом.
Что мне сейчас?
Только Богу молиться
за вас,
за себя грешного,
упавшего, любившего
свое я,
и тело, что не мое.

04.06.11

***

От тебя к тебе
мой путь в искрящейся
густой траве
лугов, где первозданной красоты
следы,
и оставлю там свои
в блестках росы
ступнями босых ног.
Звезд далеких перелет.
Луна вздыхает,
не прощая мне измену,
но я завороженным
кругом иду,
вижу снова ели-пирамиды
перед твоим домом.
Хочу зайти,
но мы не так
близко знакомы,
я не знаю твое
сегодня имя.
Путник под небесным
сводом.
Ливни
смывают пыль дорог,
и моют деревья,
где сегодня
дом мой.
От тебя лишь отошел
лугами,
первый свет зари
на землю.
Я засыпаю,
и шепчу слова,
умоляя Бога
показать тебя.

***

Сон ушел от меня.
Начало дня.
Рассвет звездой.
Холодно.
Белым инеем
поле все,
как ковром укрыла
ночь безлунная.
Какая тиши!
Но грустно мне.
Сколько видит глаз,
нет следов людских,
будто умер мир.
Я живу один
в этой вечности,
где так много
бесчеловечности.
Эх вы, нервы! Все
в ранах, рваные,
сколько лет глухи,
измотали парня вы.
Поле белое,
лето светлое,
и вчера еще
был в надежде я,
но ушло оно,
как уходит день...
Впереди — зима.
Я один, как зверь.

07.06.11

***

Уходит ветер, что вчера пришел,
запах моря унося с собой,
оставляя нам летний зной.
Солнце в небесах
желтым пламенем,
и в лучах горят
искры алые.
Голубой рекой ты ко мне
придешь,
я же жду тебя
который год.
И глаза мои
затеряются в волосах твоих,
отыграются
тихой радостью сверхлюбви.
Слезы радости —
 капли воды,
 не увидишь ты,
 как всегда.
 спрячу чувства все
 снова я,
 и опять уйду,
 как ушел не раз
 по дороге слез
 по камням.

07.06.11

***

Кумира-короля
творит безумная толпа.
Толпа — не каждый по себе,
толпа — это когда все слились
под какой-то невидимой силой,
и стало общим все внутри.
Толпа как созицатель тьмы.
Кумира ей лелеять и растить,
рассеять ум его,
затем растлить,
носить, кормить, поить.
Создать и секту имени его,
назав апостолом
и еще быть может кем.
Безумная толпа, где так легко,
где все так просто, хорошо.
Тебя уже ведет кумир —
он твой король,
страны или полмира.
Король отдавший ум толпе
за славу,
толпа
несет ее в себе.
По кругу ум,
затем — куда-то вниз,
А слава короля —
лишь мыльный,
временно надутый,
пузырь.

07.06.11

***

Временами в этом мире
деньги, большей частью,
к нашему несчастью,
побеждают любовь к Богу
и ближнему.

Блага тела, что земля,
блага кайфа, что трава,
блага секса, что дрова —
печь огня неистова,
в ней горят нечистые
мыслию, делом.

Блага жизни —
все, что трогать, видеть,
наслаждаться.

Дух, душа —
в какой-то спячке,
пораженные огнем,
что несет мир
грязным дном.

И поделом.

Каждому своя дорога.
Что мораль?
Зачем тревога?

10.06.11

***

Мамо!
Мені так без Вас погано.
Сьогодні то дощ, то сонце —
свято Трійці,
але мені немає місця вдома.
Нема ніде, куди б я не пішов —
скрізь крик чи окрик:
— Хто такий? Чого прийшов?
А я в житті всім
догодити хочу,
всім — то тепло своє, то гроші,
але вони сприймають це
не як мою турботу,
а як обов'язок, роботу.
Прости мене, мій Боже,
можливо б я стерпіти
все це міг,
та я пручаюсь і відповідаю,
мені здається — врозумляю.
Мій вік, мое життя,
і кроки, кроки, кроки...
Моя душа...
Я все стерплю.
Дійду.
Мій Боже, я, грішний,
тільки тебе й люблю.

12.06.11

***

Кричат со всех углов страны:
— Нам нужна «твёрдая рука»,
нам нужен новый
ультрасталин!
Чтоб у него были рога,
и еще хвост,
а на столе, заместо
трубки, папирос «Герцеговина
Флор», лежал топор,
и он рубил опять
всех тех, кто, гад,
против страны.
Чтоб власть срубил,
а пацаны ушли
на труд в Сибирь.
Россия бы не против
сменить мир,
скроить новый Союз,
туда согнать всех, кто
бурчит и вякнет вдруг.
А хвост зачем?
Зачем рога?
Так чтоб бодать из-за
угла,
а хвост метет следы,
где топоры оставят кровь.
Ну вы опять в борьбу!
Что за народ!
Ему не нравился СССР —
построили по Марксу
строй,
теперь — по новой —
все ломать:
дворцы, машины,
баб их буржуазных
раздевать,

снимать с них шубы,
золото, парчу.
Кричит народ с углов:
— Хочу!
А те, что прибыли из
снов,
сами буржуи,
и богатство их такое,
что Мишка в лавке —
просто лох.
Говорят: что хочешь,
то и придет. А в это время
где-то дядька тетку
в кустах мнет,
целует и тащит грудь
ее под лунный свет,
то джинсы рвет, подлец.
Она сопротивляется, пищит,
но не спешит
домой,
будто чего-то ждет.
А дядька — бах! —
и вдруг растет живот.
Ты спросишь: у кого?
Дурак.
У тетки.
Может в этот раз
родится то,
о чем кричат и что хотят
в стране:
с хвостом, рогами
и сильною рукой
поднимется над нами,
как когда-то дядька
с теткой поднимались
в кайфе под кустами.

***

Дождь,
и пламя снова
с неба.

Мне приснилось это лето,
чрез которое бежать вновь
без тебя.

Я лечу к весне,
где вместе снова
встретимся.

Невестой в белом цвете
вишен этих,
что когда-то посадили мы с тобой.

Дождь сливаются ручьями,
лужи темные ночами,
молний рвущих небеса,
грозот грома —
чудеса!

Вижу там твои глаза
сквозь потоки вод
ливневых,
белым светом
к звездам новым.

Твои руки — крылья счастья.
Путь в мир любви
закрыто небесами
черных туч,
воды ручьями.

Я бегу, кричу, мелькая
между мрачными домами
в грохоте разрыва молний
лета, где тебя я помню,
и пытаюсь раз который
вырваться к тебе на волю
сквозь кордоны
ночи темной.

Ты летишь.

Может, не помнишь,
позабыла все на свете,
кроме звезд
и ливня лета.
Я кричу, и крик
мой тает в новом
грохоте окраин,
опустившихся небес
к горизонту, как навес.
Дождь смывает
все из мира,
но не любви нашей
флюиды —
они плавают вокруг
меня.
Твоя тень сверкнула
снова среди разрыва
молний,
рваных линий света
в дождь.
Я бегу сквозь эту
ночь
своим сном к весне,
где снова...
Который год мне
несвобода?..

13.06.11

***

Резвый ветер
вновь хозяин в небе синем,
и от края и до края
облака сгоняя
белым стадом в угол дальний,
ветер с шумом
все играет,
а потом —
из-под невидимых завес
тучи в небо,
черным валом
по земле, ломая ветви
на деревьях.
Птиц не видно.
Ветер, ветер,
молний свет
и грохот грома.
Ветер с силой
рвет и гонит
листья, лепестки цветов,
завывая,
из оков
вырвался на волю, буйный.
Он мне брат —
я тоже с бури.
Бурей жизнь моя
по кругу,
а здесь — гром
и тучи, тучи.
Дождь не летний,
холодный.

Дождь — на землю, нас,
природу.
Дождь из ветра — шум и пенье,
дождь опять водою с неба.
Дождь, дождь, дождь...

22.06.11

***

Этот день змеиным жалом
где-то здесь,
вот где-то рядом,
страхом
поколений от начала,
перешедший к нам,
и жалом —
рядом,
ненароком, пошатнувшись,
можно вновь нарваться.

Зуб тот
полон яда
и маразма двух систем,
двух тех гадов,
что погнали друг на друга
миллионы лучших.

Людям — память.
Не понять многим тех,
кто помнит знак,
знак звезды от сатаны,
и знак свастики
страны, что отдалась
блиц-экстазу.

Мозг, промытый ложью,
гарью от созданий
черту в радость,
что пришел разум ограбить
и ограбил —
сами дали.

А сегодня — шум маразма:
те яичницу варганят
на могиле, где солдат.
Вместо масла — кровь.
Обрат ума.

Другие — спекуляций
маргиналов
для себя родных
из хлама тянут
Стильного с рогами,
тянут Ленина и знамя.
Страха нет змеи шипящей,
страх за зад свой
там сидящий,
где бабло и визг свинячий.
Память их
мозгов чертячьих —
дом абсурда,
нечисть силы.
Память их —
танцы в могилах
на костях тех юных,
ранних, что
отдали жизнь тиранам.
На дороге
званным зверям
путь свободен —
и пришли их эшелоны
хитросделанных на быстро
взять богатство, власть,
и дышло
повернуть в болото серы.
Потанцуют на неделе,
а нам память —
рядом жало,
страх оттуда, где немало
умных, добрых жизней
отдали.
Мы их помним без медали.
Мы их любим тихо, тихо.

В этот день
они нам ближе,
чем по будням.
Мы их помним, не забудем.
А те — пусть воют
и танцуют,
место заняв...
Очнитесь, люди!

22.06.11

***

Страна и страны,
правитель и правители,
как лес и обезьяны,
редко, львы и тигры.
Редко были умные, правдивы,
чаще ложь вела их к трону,
часто врали подданным.
Народам было видно
кто и где,
народам было видно
всех, везде.
Но мало было тигров, львов,
больше — обезьяны
рожи корчили
внутри себя.
Воров немало среди них
клейменных,
остались, как свинья в навозе,
бывшие владельцы тронов
в памяти народной —
летели рейтенти их быстро
вниз,
а свита полиглотов
искала шиз,
которым пробивали
срок,
и правил этот долбень
еще годков пяток.

Но время быстро бьет
свое тик-так —
шестерни, пружины
гонят день во мрак,
и улетает в небытие
народа змей
с проклятием урода
зверь зверей.

28.06.11

***

Двери, двери, двери.
Люди, люди, люди.
Казенный вид,
казенный взгляд,
казенный шаг,
стосы бумаг,
в которых страхи — сказ
о всех делах,
которых маг
спускает с глаз
своих долой,
куда-то вниз,
а кто герой,
тот под полой
берется это воплощать.
Тогда был сказ,
вчера был сказ,
сегодня будет тоже сказ
нараз:
что-то отдать,
что-то забрать,
везде забрать.
Душевный брязг
скотов, что враз
волками стали
и погнали стаю
от важности слетевших
телу тягот благ
ведущих слабых.
Стяг и флаг.
Кому-то цвет,
кому-то речь.
Чиновный глаз
упал, как град.
Суровый гад.

И тихий взгляд
любимых глаз
так много лет назад,
сегодня стервой рвет.
А я не верил в вас...
Наверное, сейчас
вы нож достали
нас вконец доконать.

05.07.11

***

Что-то чисто не очень
на нашем скотном дворе
под осень.
Работник Фрол, пьяный
с утра, шуршит
метлой как-то вяло,
пыль поднимая фонтанчиком
вверх,
она оседает тут же.
Толку от работы такой
поутру — никакой.
Я сколодевший скотину учю
как выжить и прибыль
дать за квартал:
мяса и шерсти,
еще молока.
Скотина задумчива.
Фрол все метет,
но как-то суров
стал его взгляд,
и движенья назад —
грязь со двора
за забор.
— Фрол! —
я кричу: —
Там другие дворы,
там же соседи,
туда не мети!
А вот и доярки с кормами
в дверь —
звон ведер молочных,
и комбикорм
в корыта скотине —
по половине —
дорогой украли
все что смогли,

а что не смогли
в скотный двор
занесли.
Мат слышен.
Сарай весь притих.
Не хватает надоев,
мяса не очень,
шерсть уже стрижена
пять раз в эту осень,
хоть первые дни
от ее начала.
Мат то звучит,
то исчезает.
Я вышел во двор,
а там тот же все Фрол,
но без метлы,
а с дубиной, веревкой.
— Ты что, — говорю, — брось!
А он мне:
— Закройтесь!
Я счас быка главного
трахну дубиной,
и веревкой, как надо,
потом на подмогу кого-то
вскричу.
Кормителей этих заколочу!
Здесь хоть и скот,
но души живые,
Рвануло терпенье.
Ты слышишь, поэт:
и куры завыли,
как волки в метель.

08.07.11

***

Надія знову серце гріє
в моїх рожевих
літніх снах.
І ти стоїш в моїх очах,
в спекоті днів.
Огненним вітром
фарбує літо
твоє тіло.
Волосся
шовк
і шкіри шовк
в краплиночках води.
Спориш —
килимом щастя.
В очі твої
вдивляюсь я.
Така красива
любов моя...
Я, жартома, з вітрами
і сонцем
тебе обіймаю,
Згорає серце,
згорають мрії...
Подих надії —
я знову жду...

08.07.11

***

Ищу я сегодня твой образ
и свет,
но что-то таранит мыслей
разбег.
Эти глаза,
 волосы осени —
побелела трава...
Тело точенное не из земли —
ты вся пришедшая
мне для любви,
и я отдаюсь чувству,
где силы,
сравнимы с полетом
кометы,
ливнем
камней раскаленных.
Дожди. Полуночье.
Я вспоминаю...
Радость клокочет
в душе,
и сердце стучит
неровно уже.
Мысли, сбиваясь,
таранят друг друга.
Безумство любви —
от весны,
проутюжит
мощностью чувства
полета сверхновой
звезды,
когда во Вселенной
бури и стоны
магнитных полей
накрывающих небо.
Весна...

Вдруг и лето
в чувствах таких же,
обжигая
меня молодого
не понимая,
что выпала карта
счастья сторицей.
Что было в мыслях?
Что там творится?
Сегодня,
спустя миг Вселенной,
где ты летишь
Натальей-кометой?
Ты Землю скорее всего
обошла стороной,
чтобы не сжечь
меня снова.
Порой я, терпеливо
толкая секунды,
толкаю минуты, часы,
дни
без скуки.
Мыслями образ
вызываю холодный
из памяти дебрей,
где столько полыни,
песка и дождей
мне прямо в лицо.
Обогрей!
Я кричу тебе в ночь
во Вселенной,
но ты все молчишь —
от обиды, наверное.

15.07.11

***

Уходят эпохи,
сменяя друг друга,
уходят системы,
цари,
и подпруга, в которую
судьбою впрягаем
с рождения —
невольник всегда
и все время.
Подпруга стирается
в кровь трет тело,
и снова сменяется
новой...
Не надоело тянуть
на себе грузы
и речи
часто коварно-гнусавые.
Плечи
втянув,
шею согнув,
метелим судьбою.
Тянет
и воет ветер в степи,
где нет дорог,
но нужно идти,
пыль и растений запах
вдыхая.
Горячее солнце от края до края...
А что эпоха?
Она — неживая,
истории плесень.
Как строй, что чудесен
кажется всем в начале
постройки,
потом, когда строем
спать и в столовки,

дети рождаются для
больших настроений,
все, что живое, —
для строя.
Сомнений быть не должно:
иначе — покойник.
— Страй выше всего! —
Правда, полковник?
Во имя строя,
рожаем живое,
а строй потом
рухнет
карточным домиком,
с воем,
как ветер степной.
Новый вновь строй —
система и строй
по движению.
Только чуть, ночью,
любви для рождений
новых для упряжи
в строе ходячих.
Царь умирает,
новый — незрячий.
Редко судьба баловнет
Бонапартом,
а так — все смельчавшее,
мелкое...
Правда,
полковник не любит
слушать об этом —
он менеджер права,
от слова поправить,
а право и правда
определены
царственной волей —

как шлюхи последние
с эрцазлюбовью,
закрыв глаза,
в придорожной канаве...
Им стыдно пред строем.

15.07.11

***

Болтиглот философии,
доктор права и гностики,
реформатор риформики
в канцелярии дворников
по очистке от хамства
общества хамства.

Кто не предал — предаст.

Кто предал,
тот не раз
еще вступит в артель
ради денег.

Идей много носит портной,
но костюмчики шить
призван кодле блатной.
На тюрьме — блицсалон:
робы, кителем в дом
для хозяев,
и тем,
кто в решетке.

Затем
для покойника форс:
брюки, майка, пиджак,
а при этом слова
улетают туда,
где их сеют и жнут,
в закрома покладут
для таких же прислуг.
Болтиглот бросил гнет,
над которым сапог
милой дамы —
терпеть,
и на ноги смотреть,

все время хотеть
оторваться на верх,
что б и так и не так
дама знала свой страх —
кайф насильной любви:
предал раз — подожди.

15.07.11

***

Ветви с листьями нежными
ветер ласково треплет,
над водой,
полосой, —
вербы в ряд,
и босой я иду по песку
кромки берега,
вдруг
набегает волна
от любви и вина:
шорох милый в душе,
берег в теплой воде,
воздух пьяным вином
наполняет мой дом,
и не спится опять —
мне бы вновь загулять!
Я пойду за тобой
по реке голубой,
ветви с листьями нежными
вербы бросили бережно
на утеху ветрам —
в них бы
спрятаться нам!
В поцелуях ладонь
твоя гладит
мой лоб,
и я вновь, по реке,
отражаясь в воде...

15.07.11

***

В стране непаханных уродов,
где все сбурьянено ими,
народа мало.

Мажоры —
невоспитанность, как горе,
при дипломах академий,
денег краденых,
и мнений
о себе высоких.
Засеять ими б поле
на планете, где вулканы
беспрерывно
дым и пепел.

Им бы урок
там взять
о жизни,
о человечности,
но призмы грез,
через которые
на мир смотреть стали
с рожденья —
скотинство и уродство,
наслажденье,
как звания или ступени
от стояний
вокруг царя, его двора.
Изгнаник уставший...
Уродство,
невоспитанность,
фанфарство...

19.07.11

***

Несчастные,
без рода и племени,
не живут,
а лишь ждут чего-то,
бедные.

Ностальгия
за «сильной рукой»,
в хмуром-то времени!
Когда нужен ум
светлый и не блатной.
Нужен Бог всем, а не идолы.
За «сильной рукой» — ностальгия
невиданная.

Сильная рука —
ей бы пахать весной в поле,
а здесь привели —
долбит головы всем
чужим, и так больно.
Своим можно все,
по положению. Правда
«сильной рукой» еще
больше ломится и становится
призраком, тенью. Над рукой
закулисники водятся.

Им все завидуют, надеясь,
что выскочат тоже
в деньги приличные.

Призрак с улыбкой
прибирает последнее,
вокруг — только нищие.
Не дает покоя сильной руке
противостояние, что невдалеке
с мыслями чистыми
за благо для всех.

Тянет багром,
крюком железным
на дыбу великую
страдания —
в тюрьмы,
судилища им!
Ради каких-то химер,
власти, порядка,
Пример:
свои, куражась, давят людей,
воруют державное —
им можно все,
они под рукой.
Люди остались в дебрях
таких же,
но с «сильной рукой»,
к тому же еще «волосатою лапой» —
им не идти уже,
а только плакать.

20.07.11

***

Ранним утром,
в дождь, под раскаты грома
я позвонил менту крутому,
тихо спросил у него злого:
— Можно ли передачу
мученику Василию Волге?
Мент ответил рявком,
по-злому:
— Он не мученик,
а по закону
борьбы с коррупцией
арестован, дуренок.
Пошел в услужение
к терриконам,
а те брали двадцать лет
кряду,
довели неньку
до упаду —
сейчас тоже берут не слабо,
но народу фишка
от властного брата:
садят в тюрьму
без спросу, но
только тех,
кто чужак —
пошел в услужение
к «силе великой»,
а там холуи
для блатных
безлики.

Есть у Василия
хлеб и до хлеба,
но только в камере.
Чужаку
в роли «болванчика»
быть непотребой.

20.07.11

***

Да здравствует новый,
бутафорно-лапотный, 1937-й!
Да здравствует волосатая лапа,
ставшая сильной рукой!
Да здравствуют все те же менты,
прокуроры, суды,
смывшие честь и совесть страны!
Да здравствует все тот же
народ,
мозги у которого наоборот!
Снова чешет затылки,
а место — не то,
это не место, куда
вставлялись спиртные бутылки
и, реже, вода.
Да здравствует все!
И глобальный прогресс,
климат глобальный,
что знак от небес.
Да здравствуют деньги,
собственность, власть!
Да здравствуют кладбища,
куда всем нам пасть!
Да здравствует то,
что еще есть что
украсть!
Да здравствует лето
и соловьи! —
их скоро стырят
вместе с рынком земли.
Бессонная ночь,
и мысли, мысли дождем:
все о любви,
о вас, подруги мои,
а все остальное —
мне нипочем.

Да здравствует ночь
в ливне и громе
стихий!
Я стал молодым
и снова готов
по Натальям идти!

21.07.11

***

Мои стихи взорвут еще
затхлость, безликость пространства.
Мои стихи — не дешевые
попсовые танцы,
в каждой строчке я оставляю
частичку себя,
в каждой строчке —
борьба.
Я вас всех любил,
мне не хватало сил,
но я шел за шагом шаг,
туда откуда виден
земной шар.
Я вас любил,
но слова вдруг
и мысль: что-то
нужно изменить,
так нельзя жить:
хлеб и пиво —
и можно быть счастливым.
Но затхлость пространства
взывает всех встать,
не для меня,
а для любви,
познания Бога
и смысла судьбы.

21.07.11

***

Снова тюремные,
призраком,
стены,
железом кованые
все те же двери,
окна в решетках
фасадов поблекших.
Сама атмосфера —
ад для умерших.
А как мне живому?
По ходке бессчетной,
авторитет я на зоне, по воле
иссохший.
Снова все снова.
Как в первый ёшь
раз,
сжимается слово
воздухом враз,
и говорить получается
резко,
отрывисто, нервно.
Вот табуретка,
дешевка-кровать,
воздуха мало —
мне здесь лежать
и плакать за мамой.
Ее фотографии вечно со мной,
комком в моем горле
от жизни живой,
за которую плата —
кресты и кресты.
При жизни бродяге
от тюрьмы не уйти.

Лучше бы смерть —
махом, ударом, —
оторвавшись душа
по-живому б забрала
мыслей остатки
и вечную боль,
но мне жить нужно
здесь
ради вишни одной.
Помнишь, Мария, весну?
Каждый год,
твой, что прошел,
и цветы, что горой —
белою вишнею
ты во дворе.
Я, зубы сжав крепко,
снова борюсь
день и ночь.
Белая вишня,
ты мне сможешь помочь.
А я отзовусь, потерплю
чуток.
После новой тюрьмы
к тебе вот пришел
на порог.

22.07.11

***

С фигурой тромбона,
картавый, небритый,
с модной щетиной,
одетый, отмытый
на деньги шахтеров
и металлургов
пьяндыга-гармошник.
Кому это нужно?
Элитаю «терри»
поднятый повыше —
на хлебном подносе
чудовище вышло:
и знак депутатский,
и деньги, и блага...
Шахтеры в горячке
приветствуют
«бгата».

22.07.11

***

Упитанный морда!
Ходит пока на своих двоих,
народу водит —
п-о-б-е-р-е-г-и-сь!
Демонстрация.
Оголтелизация.
Дебилизация.
Кому война, а кому —
мать родна.
Юльку судят!
Юльку унижают!
А тут и митинг против
Юльки,
за деньги люда
серого, потертого.
Калаш какой-то водит —
бузотеры ведь!
А бабенка в митинге,
стенаст все:
ей не платят
так давно,
ей задолженность
по зарплате, блядь!
Демонстрации у нас —
платные,
стало это давно
профессией:
для дурака покуролесить-то.
Покричал под знаменцем,
повизжал и
в карман — дзень-дзень, —
побежал.

Юльку судят,
наклоняют,
а здесь, под дверью,
выблядки заправляют —
водят платные демонстрации.
Мир — дурной мудак,
и в прострации.

22.07.11

***

Кладбище на Красной площади
не дает мне покоя —
я тоже хочу в Киеве такое,
чтобы в нем похоронили
всех от начала
революций на камнях и шпалах.
Перестройкой прозвучало!
Скорбь призыва —
новый мир и новый
строй.
Мы бросились в борьбу гурьбой.
Всех нас туда, горою, в большую яму
на Майдане, могилой братской,
а сверху — баню женскую.
Мы все любили это тело,
эти груди оголтело,
имея много власти —
мы рвали их на части,
сосок себе оставляя в пасти,
а грудь домой, стерве бесшабашной.
Гуляли мы, кутили — нам не кресты,
нам — бани, бабы на нашем кладбище!
Как Сталина лежал бы я под тоннами
бетона,
но без усов, без шапки-кепки
военкома,
а просто так, в могиле «братьев».
Большая баня, как небоскреб, —
в центре столицы,
где деньги греб прораб Емеля —
он тоже ляжет с нами
в это кладбище, рядами.

И так хочу, что не даст покоя,
и призываю всех на
новую борьбу законов:
построить это кладбище,
переплюнуть матушку-Москву,
чтоб мир весь знал,
что мы такое.

27.07.11

***

В Багдаде давно не спокойно,
в Тегеране тоже.
Физик-ядерщик Политеха
для пули оказался помеха:
вышел и не разминулся.
Она шла прямо, не первая —
за последнее время, несколько
физиков-ядерщиков ушли в небо:
того взорвали, того застрелили.
Борется Ближний Восток
с Империей
у ног статуи Свободы
о нераспространении
оружия ядерного.
Почему-то годы
спали и всем разрешили —
полмира владеет игрушками:
гранатами атомными и нейтронными
безделушками.
Тегерану нельзя.
У Тегерана есть враг —
Ближний Восток.
Он не дурак.
Отстреливает физиков
мирных, умных,
талантливых.
С миром что-то давно происходит —
не галантные.
Здесь все по-другому:
от Авеля и Каина дорожка проторена —
убивают легавые.

27.07.11

***

Голова Гонгадзе осталась у вас,
забрав с собой наш страх.
Затем был Майдан, он прошел пополам:
половина наша —
духом в небо, половина ваша —
укравшая деньги и предавшая Человека.
Голова Гонгадзе осталась у вас,
«великие люди»
низкопавшей страны,
вы — отбросы шпаны,
вы даже не шпана,
вы ее низшая каста — пацанва.
Вам жить с этой головой,
передавая ее
по наследству.
Порой — флюиды страха,
испарина на лбу, тлетворности запах...
Кто-то из вас кричит:
«Я найду!», «Я верну!»,
но не вернуть, не отдать,
она всегда будет у вас.
Потомкам вашим тысячелетия хранить ее,
смотреть, лелеять в бесконечности.
Предатели вы всего человеческого.

28.07.11

***

В шахтах трупы.
Гробы в моргах.
Президент дает по мордам
чиновникам за кавардак,
где люди гибнут просто так.
Да и не так,
а за богатство —
олигарх со мной согласен,
ему взрыв этот
не так и приятен.
Но деньги — во главе угла,
вместо икон,
которые сегодня —
так, игра,
всё — ради денег и богатых
прибембеев.
А в Киеве в этот момент регата
по морским просторам —
благо тоже для богатых:
трибуны, музыка, веселье,
гоняют катера каких-то
стран Персидского бассейна.
Международный гром
фигни, гулянки,
а по Луганску —
слезы...
— Гады
люди стали, —
сказал бы кто-то
старый.
И правильно сказал:
пол неньки плачет,
а пол неньки
играет карнавал.

30.07.11

***

Волны моря в берег бьются,
моют камни и песок,
стай чаек вверх
все рвутся —
за тобою,
за тобой.
Небо и море,
соединяясь,
образуют дом мне,
прямо на волне морской.
С нею я — на берег
с шумом,
а потом назад.
Так мечтается безумно!
Дни мои летят
как чайки,
не считая,
сколько лет, куда?
Анна!
На волне катаясь,
все люблю тебя
ветром гретый,
прокаленный
солнцем.
Где ты?
Я всю жизнь тебя ищу.

30.07.11

***

Мне осталось вставать и падать,
падать и вставать,
и только память
кусочком рая —
любовь и мама,
еще цветы...
Не понимая часто
красоты.
Память держит, не давая
упасть, лежать,
и, не вставая,
чего-то ждать.
Химерный смех
рядом, ночью,
жестокий холод
в душе...
Все брошу!
Клялся не раз,
но не дано
уйти черствея,
уйти любя.
Любовь согреет
не меня,
она — на всех
лучами света.

01.08.11

***

*Банкиру-прокурору
и его команде*

За черствость душ богатых,
за черствость власти душ
мы мир опять разрушим,
как было уж не раз.
От сгнивших листьев
с болотною водой
вы будете давиться —
революции едой,
за черствость душ...
В голове у вас
сверкает золототой телец,
а маятник качнулся.
Качнулся? Ну и пусть.

02.08.11

***

Пространство заполнено
домами, машинами,
пространство заполнено
ресторанами, смотринаами,
пространство толпой —
перезаполнено днем —
это все город, в котором
живем.

Я пробираюсь сквозь
это и то,
я прорываюсь
меж тем что есть и что будет.

Срип тормозов,
но поздно —
улов для конторы готов.

Какой?

А той, ритуальной...

Все. Конец
мыслям оборванным.

Вот сорванец,
папашкин сынок!

Я не в упрек.

Мы все уж привыкли —
нас давят колеса,
режут у лифта,
на каждый замок наш
у них есть отмычка.

Мы все уж привыкли —
кроме тех, кто под дождь, —
и не промок,

но не в этом пространстве,
а в «избранных царстве».

Я прорываюсь и бьюсь
одиночеством среди
миллионов.

Я не один так —
здесь все, как
под ломом,
и только кто в двадцать
и в пиве, и в любви —
свободный, счастливый.
Не говори...
И мы летели,
но счастье, метелью, мимо,
сквозь нас —
про запас
не оставишь,
с годами слетает.
И только мгновеньем
я прорываюсь сквозь
джунгли деревни,
города счастья,
армады бетона,
машин прожужжавших
гулом стотонным.

03.08.11

***

Смотрите, оставшиеся сиротами
дедбабы,
смотрите, электоральники без башни,
по городу, как смерч,
несется «майбах».
Надежда ваша — до поры
сбежавший мэр.
Оставил город, осиротела ваша хата,
оставил церковь, пастора
ментам, увез он лишь богатство.
Сбежавший и наведший шорох,
где-то по «верхам».
Откаты шли левым, правым,
откаты шли «регионалам»,
откаты шли от низа вверх —
большие суммы...
Зверь, антихрист вам
его привел?
Нет, вы без головы, калеки —
избрали мэра.
Лихо время!
Сбежавший, вот, вернулся
вновь,
и кружит «майбах» меж
ветров, где небоскребы,
летит куда-то
прямо до утробы,
где сети коммунальные,
где банки.
Летает «майбах» без
баранки,
а в нем лишь мэр
без глаз,
и мантиня на нем,
и керогаз
заместо шапки.

Сзади — вся команда в пляске,
в виде непотребно-голом:
Мильчицкая, Уасс
с бывшим автопромом —
вернулись все для вас,
но уже в открытом виде.
Глаз
не нужен,
чтоб увидеть
нечистых сил возню.
Скоро обещают выборы,
почти войну...

04.08.11

***

Дожди, дожди...
По улицам холодный,
местами нервно спотыкаясь,
ветер
пыль водяную пеленою
сносит где-то,
а где-то, тихо пробираясь
сквозь дома,
то снова вдруг
рванет зубами —
и ветки дерева, ломаясь,
улетают вниз.

— Держись, держись! —
я лету говорю.
Но лето тихо вдруг
засобиралось.

— Еще ведь не конец тебе,
дней теплых
принесешь немало...
Но лето грустно как-то
посмотрев в мое лицо,
шепотом почти что молча:

— Хорошо.
Я не спешу, но время
скоро,
дни отлетают на просторы,
как и твои.

— Но ты вернешься, — говорю, —
а я уйду и нет меня...

— И ты вернешься.

Принесу
тебя
еще не раз
в этот красивый
белый свет.

***

Пустыми словами
мне не забить сваи
нашего общего дома,
нового, доброго,
но незнакомого.

Антихрист —
фантомом в мире:
голова — в банках,
где мировое изобилие —
Уолл-стрит.

Зад — на востоке,
где начались истоки
Антихриста, зла.

Мир не дрогнул и не упал
от страха мрази,
а ликовал:
свобода торговли,
море денег!

Купили всю власть,
за нечего делать,
и слились в тело —
он им бог,
он их церковь
без пасторов,
хоть отдельные лепят
посольства бога,
жен назначают

служить ему день и ночь.

А что народы?

А что народ?
Они пошли за
служками, строем,
служки-олигархи
стали иконой.
Антихрист в доме.
Я не смирюсь.
Я не один.

Изгнан, и пусть.
Бог — наш Господин.
Его силою,
Его словом
дом построим
не из соломы —
дом святости,
дом любви.
Изгоним напасть
из Святой земли!

05.08.11

***

Страна опять вздрогнула.
А что?
Не впервый!
Увез автозак Юлю,
и тысячный, с нею, конвой.
Стены СИЗО стихли,
зэка замолчали вмиг.
Менты — заложники битвы —
за жизнь или за смерть в блин.
Верхи церкви радо
бандитов рядили во власть,
идеологи бусурманов
оставили вновь Христа.
Страна — в антимире,
антиутопия — жизнь.
Абсурд из берегов вышел,
и тиной потянул всех вниз.
Все — ради денег звонких,
все — ради благ.
Комфорт оказался
пирожным от черта,
и от него отказаться никто
не смог.
Грешен я, Боже, грешен...
Старцы святой Руси —
они были аскеты — верой
к тебе, Боже, пришли.
Мы ради денег готовы
на все и в любой час,
продались дьяволу с головами
ради его барыша.
Все смешалось ужасом —
правители и мы,
в змеином клубке сущности —
все без души.

***

Абсурд и много,
но пережить его возможно.
А вот когда война,
сплошным потоком
солдатня,
и все под флагами
унтера,
где музыка и голова с утра
от выступлений одного лица,
скорее рожи,
что хохочет по ночам
испив коньяк
и бабу отмотав,
забылся в снах,
в которых снятся флаги —
вот мудак!
А мне как спать —
война и люди в шлемах
и броне
на весь Крещатик.
— Отдохни! — кричу себе,
но ветер сносит мне
листовки в руки —
жадно их читаю не от скуки.
Во дворе по стенам
надписи:
«Уйди, антихрист,
не буди!»
А тут реформы — в виде
гвалта
ободранной страны
как франта,
пришедшего в окопы.
...Над Юлькой суд,
уже там антимир.
Граница от абсурда —
миг один.

Война несет обрывки фраз,
каких-то долбанных:
откат и Гель-Авив, где мэр.
Это уже неинтересно.
Пусть он — зверь,
пусть там рыдает
у стены плача,
но деньги-то стырены.
Ребята из команды молодой,
богатые рантье за той стеной.
Но это, повторюсь, ничто.
Все антимир
закрыл собой,
и не имеет здесь значения
кто вор,
и сколько спер.
Остатки мира на
кострах горят,
как при чуме
сжигают трупы, яд.
А здесь
все говорят и говорят,
попрятавшись по хатам,
ждут солдат.
И те придут.
Когда?
А кто их знает.
В головах такое, что
вначале трупов ночью
накапают
на кладбищах
для себя,
потом пойдут по хатам
командой упыря.

10.08.11

***

Все в руках Бога,
в воле Его.

Все в руках Бога —
и бытие
наше, свернувшее
на рынок-базар, —
нас повели туда
хитро.

Изгарь чада и ужасов —
вечно купить,
вечно продать,
не продешевить.

И весь смысл святой
жизни — в базаре.

Все в руках Бога,
не забывает

Он
про заблудшую часть
бытия:

сколько нам знаков,
а мы все — туда,
где зависть и поиск
себе все, себе!

Богатство нас гробит,
и мы на игле
коммерческих истин,
законов в пути.

Все — только деньги,
и мы к ним летим.

Большая зараза, похлеще
проказы,
так затянула, невера,
всех сразу,
но выбраться нужно
в единстве любви,

на место, откуда
начинали идти —
каждый своей тропкой
в себе,
потихоньку назад,
чтобы не быть
в контурах
той, выбитой нами,
великой народу беде.

14.08.11

***

Мы люди,
мы вместе.
Я — дерзок, но ответственен.
Я — непокорен,
непокорный властям —
они все зазнались,
испортились там,
все человечное чуждо им
стало,
страданье других
почти что достало,
поэтому прячутся от
несчастий невольных.
Жизнь в красоте,
жизнь в роскоши
бойни,
где кровь комбината
мясного реками.
Но люди — не бык,
не овца,
не отара,
люди хотят ласки,
любви,
люди хотят понимания.
Власти зажрались
в роскоши «неба»
себе с сотворенного
из вещей и излишества хлеба,
роскоши нескольких
на плечах миллионов
вульгарно, копытно,
бездарным налогом.

14.08.11

***

Я повторяюсь.
Я повторяю
слова
и свои
и других, что достали
своим назиданьем
поруганных истин.
Я повторяю,
так уже вышло —
меня беспокоит
и нет мне покоя,
нет места, где спрятаться
от нездоровья.
Духовные цели
сменились на тело,
тело для духа,
но не дух для тела.
Перевернули все вверх ногами,
горсти земли
лелеем и славим,
а то, что внутри, —
основа от Бога,
Вселенной часть, —
Слово.
Все поменяли,
так легче и лучше.
Тело спасаем от
не минутной,
от невозможна несбыточной
цели.
Гости Земли «оффонарели» —
решили остаться здесь
навеки,
славу свою, память,
реки любви — сам на себя.

Эгоизм пекторалью
на шее всегда,
эгоизм повторений
затерянных планов.
Тело красиво.
Ничего здесь не скажешь...

14.08.11

***

Идите вы все «джонсоны»,
чайники специальные
на бутафорском столике
театра «на завалинке»!
Деревню посмешить,
как раньше,
вы не можете.
Распаровали пыл свой
в чайниках
досыта,
теперь стоите вот,
подражая настоящему,
а алчность вместе
с завистью —
подножкою, подножкою.
То ли старику,
то ли бабке старенькой
чайник пищит
в театре «на завалинке».
Мозги все — о деньгах,
о том что мало собрано,
как пустяки ребят
все в ранг возводите.
Слышино треп пустой,
и речь несвязки мутной,
как много вас сейчас
антихристу прислужками.

14.08.11

***

Никогда не найти мне
покоя
в этом мире,
где бег мой по полю,
линии которого
замкнуты мною же в круг.
А мысли летят,
а мысли летят —
их много и все, все назад.
Туда, где любовь
к вам вновь и вновь,
разным, красивым
всю жизнь.
Я ненасытен,
меня не остановить,
я все лечу —
мне бы любить!
Грусть и тоску
залить, и забыть
на время короткое,
миг.
Но никуда не уйти
от этой тоски,
гореть и гореть
мне внутри.
Лето уходит...
Потом листопад.
А мне грустно,
вновь ищу
всплеск, хоть на час —
не любовь, а игру.

15.08.11

***

З великою партією
почали зливатися
малі,
їх у нас під двісті.
Деякі
лідери їхні покинули,
і бігають на радощах
самі,
а партії лишилися малі
та босі
серед зими,
вічної зими Вкраїни.
Сьогодні в перших
«М'язева покраїна» -
іде в екстазі
після «екстазі» та пива
до великої доби.
«А ти?!» -
кричить невидимий плакат.
Іди і ти,
і скоро підуть всі,
крім деяких,
яким уже фінти, кранти,
суди.
Любов політиків:
туди-сюди.
Природно все,
як всі живі.
Але кінець плачевний —
збере їх сила
не сьогоземельна,
і всіх туди,
і назавжди
разом з багатством,
як тоді...

***

Предатель — сын предателя.
Кто мог взрастить
в хлеву хлебателя?
Спаси меня Бог
от осуждения,
но я ищу правду
и мужество в угнетении.
Случайные личности,
взобравшиеся не туда,
а что народ?
Кого избрал?
Народ и узда
вместе тысячелетия,
запряженные волами
для трудолепия.
Злость и стервозность,
как два глаза
лиц осунувшихся
на портретах смазанных —
оттуда света нет,
и проблесков не видно,
до него не дошли.
Никому ни за что
уже не стыдно...

22.08.11

***

За стеклом бронированным
из души окаменевшей
гравированной —
пуленепробиваемый.
Не достучаться, не договориться.
Стекло колпаком над телом
струится.
Люди беснуются и упиваются,
многим жизнь
эта нравится.
Авария!
С нами,
рогами пробились
к солнцу,
оставив братьев за закрытым
оконцем.
Зона!
Всем недалеким,
кто поддерживал
за рюмку водки,
кто шел за двадцатку
Родину продавать,
как тряпку —
брысь!
Здесь все занято!
Стекла бронированные
светом залиты,
отблесками огней
далеких,
сжигающих все
на пути жестоком.

Я смотрю в небо
полжизни —
пролетел бы
хоть один сокол.
Мне бы его увидеть...

23.08.11

***

День незалежності
в Україні ще є?
Так.
Для влади і тічки
її посіпак,
як збовтана з мулом вода.
Покрали все, що було,
tron змайстрували собі
як метро:
темний тунель
кудись нас веде,
ми по вагонах
де світло ще є,
а з трону женуть
той поїзд країни —
куди?
Кажуть, до щастя.
Де жерти будемо все,
що можливо,
пити зранку до вечора
пиво.
Хату матимем,
і в хаті різного
краму —
міль і іржа не поточить...
— Мамо! — кричить
кожен другий вві сні
від брехні, переляку.
А з трону гарапник —
то соб, то цабе, —
по спинах злиденних,
дурних,
що тягнуть на собі
панство нове,
воно для населення —
нові ікони,

хоч нехристів
там досхочу,
та ще як братва
«блатная» гогочуть,
а волики тягнуть,
працюють та гинуть.
День незалежності —
від своїх би
бандитів...

24.08.11

***

Окровавленной рукой
я загоняю пулю в ствол,
последнюю,
для негодяя.
Не разрешил войной вопросы
зла с добром,
не разделил их даже здесь
на маленьком клочке,
где бед, как и по всей земле.
Разорванной своей душой
я поднимаю ствол,
чтоб опустить его
и бросить от себя.
Я не смог в крови,
войною на любви
к добру и правде
победить.
Зло прочно в мир вошло.
Идут колонны чемоданов,
двойное дно, фасад с обманом, напролом,
и я кричу беззвучным
голосом:
— Уйдем!
Я проиграл борьбу,
я потерял страну,
я мир оставил догорать.
Жить мне или умирать —
не мне вопрос этот решать.
Ничтожносильный победивший враг.

26.08.11

***

Можновладці,
могиловладці,
можнокрадці
йдуть, щоб красти.
А країна, Україна?
Їй нелегко,
але дивно
стільки тягнуть з неї
все,
а вона живе, живе.
Іновірці, іноходці,
циркачі
шукають гроші.
І знаходять.
І надходять
кошти в банки,
що в офшорах,
що в столицях різних світу.
А мій Київ?
Піврозкритий,
піврозритий,
пів в будовах
аж до неба —
там бетону, сталі...
Треба все поруйнувати,
треба гроші заробляти,
і до іншої столиці
хутко їх переганяти.
Ще й красуня
синьоока, що чекає
в ліжку боком
можновладця-олігарха
з новою грошовою.
Раком
все стоять,
як в нереалі.

Раком все життя.
Хочуть ще
якісь новшестя
під антихриста пришестя,
щоб вінки йому
та люди
збиті горем,
спиті брудом
по написаному словом
прихлебаїв чорноротих.
Все змішалось
в світі цьому:
розум і грошва,
і громом,
окрики з ідіотодому,
все змішалось
на половину.

31.08.11

***

Де ж нам Юльку, сука,
діти?
Це не я та мої діти,
Юля нам рідня ріднею,
Юля нам надія в домі,
що зоветься Україна.
А це там, де блазеньдім,
там ті блазні
як один,
нищать всю свободу знову.
Юлі — ДОПР, СІЗО
та «дєло».
«Дєло» шиють «нєумело»,
шиють чорним по
блакиті —
брудні руки, брудні нитки.
Прокурори тягнуть
шлеї
служби важкої своєї,
честь і совість
поміняли на
звання, посади.
Юльку «спрятать»
«надальоко»,
а що ж люд, який
кричав:
— Юля! Юля!?
Підкачав,
замовк і жде.
Суд іде...

31.08.11

***

Шел бульдозер по стране —
грохот, дым.
Население набрало
в рот воды.
Бульдозер все крушил
на пути:
то ли детскую машинку,
то ли взрослый самосвал...
Шел бульдозер, не вставал,
а в кабине — ё-моё,
ордой черною нарова —
ого-го!
Между ними выделялись
долбаки,
сыто кормленные, разодетые
быки,
сумки полные припасов
золотых,
и бумаги,
чтоб бульдозер не затих.
Сзади кузов
в нем помельче чинушвá —
флаги, борды,
и в руках у них деньгá,
колбаса.
Ведь дорвались
до тяжелого греха.
Шел бульдозер...
Населению —
все по фиг.
Пока.

31.08.11

***

Калашное рыло
Крещатик мутило,
проплаченной мулькой —
сотни дебилов,
флаги, деньги и пиво.
Речи оратора буйного,
гвардии старой, закалки притона
Мудляндии.
Оп Калаша о судилище
Юлином.
Громом динамиков
взорвали центр, улицу
дикие речи
обработанных масс,
дикие танцы
про всякий запас.
А рядом все тихо.
Юлины братья,
взирают на рожи
идиотов кудрявых
привезенных за деньги.
Знойное лето —
эта их амброгадость
прет как несчастье.
Это деньги
все той же страны у причала,
которой до шторма
немного осталось.
Крик рожи служащей
 власти мерзотной.
Купленный митинг —
на нем черт сам гогочет.

31.08.11

***

Падеж скота,
как и падение власти,
по законам
одной и той же
наглой напасти.
Приходят новые:
подставьте запястья,
так вам лучше и нам спокойнее.
Щелчок замков и — в отстойник,
в лагеря, где блатные, фраера,
где шмон, авторитеты,
переклички и газеты,
в которых все красиво,
свобода, девки, пиво.
А вам здесь есть работа,
на зоне в промзоне,
хозяину забота
каждого обеспечить материалами
на смену:
куй металл, помогай
общему делу.
Падеж скота в который раз —
чума, ящур
или чумка,
и под эту власть
по тем же законам
болезни глубокой
вызванной сломом мышления,
веры, любви и надежды.
Падает власть,
как скоты-невежды.
Приходит новая,
все та же,
перетасованная для них
игра же
словами, обещаниями
царства.

Снова
решетки на окнах,
наручники ладят —
все те же сумерки
завтра.

01.09.11

***

Звільнить скоро пан дачу
державну,
ту що в придачу прихопив
до тих хаток,
що понаставляв
по всій країні,
та й не тільки.
Пан —sovісnіj політик,
та й пані його мила —
в Мілані купує
навіть мило,
хоч пан — вкрайнець
щирий-щирий...
Він совісний,
має мундири,
медалі, ордени
від «батька» свого,
що «синочку»
дав колись Нацбанк.
Пан совісний —
продав ще зранку
всіх любих друзів,
що вели
його до влади —
сидять по тюрмах,
сидять на баланді
нізащо.
А пан кумедний —
здає дачу.
Це жест такий.
Та що там дача,
коли совість лишилась
в колгоспній ще коморі.

02.09.11

***

Что мне здесь ваше «это»,
если ничего нет там?

Я взрываюсь с рассветом,
как уставший металл,
с первых лучей солнца
разломан весь по частям.

Что мне ваше «это»
в радостях наслаждений
бега!

Что мне ваша потеха
в телевизорах фига —
атеисты оттуда светят
под лысиной спрятав
рога.

Философия «гетто»
и без конца игра.

Что мне ваше «это»,
если время — влет,
остаются монеты,
не хватит
на самолет.

Последняя надежда
на нем обогнать хоть миг,
но что дает время,
которое все равно улетит?
И я, зажавшись в угол
придуманных кем-то догм,
ожидаю с испугом —
придет или не придет?

У меня мечтою только
тот мир, что там, не здесь,
где бесконечность
жизни, иначе
нет смысла здесь.
Если земля без неба —
смысла нет в
беге Земли.

04.09.11

***

Газ.

Его запах слышен везде.

Он ядовит,

но заполнил пространство
уже не только в трубе.

Газ!

О нем говорят, говорят, говорят
политики новейшей истории —
газ!

Запах его не очень приятен,
но девушки с радостью
дышат, не плачут.

От него будут шубки,
брильянты, игрушки
с мотором в пятьсот
лошадиных голов.

Газ — бизнесмен, и любая
красотка у ног,
одалиской и Роксоланой султана
готовой на все.

Газ стал основой всего
бытия.

Юльку судят за газ.

А тебя
обыватель еще не задело,
не удушило, не заинdevelo
в доме твоем?

— Газ! — политик кричит
в телевизор с ружьем.

А Россия, как кот,
ухмыляет лицо,
усами топорщится и
хорошо поднимает
цену олигархам страны,
некогда сводной сестры,

теряя доходы
на химик-заводах,
теряя доходы
металлургов в офшорах.
Нет темы другой у
правительств отныне:
газ — это прибыль и
деньги машиной.
Но что для простого
украинца тот газ,
что те российские цены!
— Атас! —
крик правителей
и олигархов.
Удушливым газом
стравились обратно.

08.09.11

***

Бываю дни, когда
лучше молчать,
а мы говорим, говорим,
но нас не слышат
опять.

Потоки слов в предложениях
текстов,
эмоций рвущих
свое же сердце.

Мы говорим
и нам говорят,
не слыша друг друга,
а только накат
звуков из слов
для пустоты,
особенно в дни,
когда те святы.

Не остановит никто
никого
в говорильне без смысла
и слов в ничего,
которые мимо
несутся — в кого?..

Но все возвратится
к тебе и в тебя —
пустые тексты,
но золотые слова,
которые смазаны
грязной слюной,
вернутся к тебе
как к себе домой,
взорвут рано-поздно в тебе,
что должны.

Тексты пустые твои.

***

Жар в груди
от пламени любви
горящего огня
к тебе, в который раз.
Сейчас,
как в первый раз,
никуда мне не сбежать,
не бросить
тебя, родную и красивую.
Под осень
снова, как в весне,
я пламенем горю к тебе
такой мне близкой,
незнакомой.
Я так люблю тебя под осень!
Горящим пламенем
в груди
уносит меня
к тебе навечно,
хоть часто
убегал я от тебя...
Конечно,
мне хотелось чуда,
но в этой осени,
в любви,
мы снова вместе будем.

16.09.11

***

Шиншилла
глазами смешила,
нежными лапками
прыгала живо.
Внезапная смерть
все вдруг остановила.
Открыты глаза,
а тело остыло,
где-то в груди
снова боль иглой острой
и слезы Марии
словами простыми:
— Какой был друг у меня...
повторяя
заученной фразой
десятки раз.
Все так внезапно,
все так жестоко
в мире под солнцем,
где пруды подлецов
с кабаньей ухваткой,
рылом чугунным
топчут нам жизни
и пьют нашу кровь.
А здесь — нежный,
тихий,
безгрешный, невинный
ребенком-животным
на небо ушел,
телом — в земле.
Слезы Марии
по зеленої траве.

16.09.11

***

Мария!

Я возвращу тебя доброй
в любви бесконечной,
в вере, и с Богом,
церковью вечной.

Я возвращу тебя сильной
и умной — сверхмудрость
у Бога я вымолю,
а ты заслужи
делами благими
для Украины,
для людей,
что унижены сотнями лет.

Ложью и ложью,
от рожденья до тризны,
гуляет вся знать,
забыв за народ.

Я возвращу тебя честной,
только ты заслужи
покров свой от неба
и все получи,
чтобы жизнью своей
для страны и людей
святыми делами,
Мария, служить.

А с нами —
ночами,
вдруг вспомни,
поговори...

Я Бога с колен
молить буду долго
за наше родство,
за подарок Его.

Ты друг мой,
Мария!
Великий, навечно.
Помни слова мои
и Его.

16.09.11

***

Солнце, солнце светом
лета
в осени еще нам светит.
Лист горячий, рыжий, желтый
отлетает в море солнца,
птицы подпевают звонко.
Манит лес.
Солнце светит,
не жалея
золотом по облакам.
Пора любви
природы, мира.
Бабье лето
греет лаской,
не жалея
сил.
Бабье лето...
Я его всегда
любил.

18.09.11

***

Траурного цвета стены,
плакаты кричащие
об измене,
Флаги черные сопровождают
синих
на кладбище истории
мutilюю.
Люд нанятый за три копейки
грязных,
а, может, пригнаны рабы
для антуража.
Динамики по много ватт
орут, кричат
голосом калашнорыла
о том, что Юлька
газом свет для них закрыла.
Чтоб посадить ее
на нары вечно,
орут, бушуют,
безупречно
отслуживая деньги на
акции
придуманные на Банковой.
Бациллы
головы всем воспалили,
и мрачный гроб-паром
закрытый черными
плакатами, стеклом
выплыл на Крещатик из преисподней,
и вновь туда, где обязательно утонет.

Чтоб падаль не всплыла,
у капитана
на лбу горит огнем
бело-синим
квадратная ихняя звезда,
которая глаза всем ослепила.
Похоже, навсегда.

18.09.11

***

Мне часто снятся жуткие
сны
в предрассветную мглу.
Я просыпаюсь, и как будто
в бреду
свою память скребу.
Снится много лет
все то же опять:
когда рушилась партия
коммунистов,
и гад-секретарь поручил
мне хранить
гранаты партийные
всю мою жизнь.
Снятся составы железных
дорог, снится вохра,
ночи темные,
вброд мы несем эти ящики
через топи болот,
смазку в бочонках
тянем
и плот,
на котором гранаты
мажем еще
изобилием смазки,
и, дальше, вперед...
Место не помню.
Забыл.
Много лет
да территория СССР —
не перейти, не переехать
за день.

И жду я связного
компартии днем,
ночью мне снится
пришедший вдруг он,
и требует выдать гранат
тысяч пять,
а я место забыл!
Просыпаюсь опять,
память мотаю
так и натах,
но вспомнить все это...
Эх ты, чудак!
Люди брались за золото,
здания, деньги,
а я, бесталанный,
полез в оружейники.
Чем это кончится?
Где их найти,
гранаты коммунистические,
в смазке?
Кранты...

18.09.11

***

Инициатива — форум-саммит,
инициатива — Жмеринка — Бердичев,
по которой скорый поезд
без локомотива
мчится
с отставными, бывшими,
чинами,
еще немного чиновников
из Европы взяли,
да бизнесменов в ряд,
под сотню, а тем — лишь бы
гульнуть.

— Отстойник! —
говорят об Украине громко,
желая ей расцвета звонко,
а сами — деньги стырили
в страны большие,
и, в роскоши купаясь,
совесть свою смыли.
Бедная, а здесь ей обещают
серьги к носу —
двойной стандарт и ложь
зажратых.

— Правда! Правда! — во всем
ты виновата,
если бы была смелее,
сказала бы им все.

Шалея,
они бы слушали тебя
все в страхе.

А так — тебя здесь нет.
Поэтому плодятся подобные
клоаки.

18.09.11

***

Все на крови,
все в крови.
Власть страны и «бизнесуны»
двадцать лет уже на сломе,
а в руках «винты», патроны,
с ними армия, менты,
и бандиты
роют в свиту путь —
поближе к королю и главкорыту.
Бизнесмен — это мужчина,
часто с честью,
а тут — тина.
«Бизнесуны» — это от слова
«несуны», что несли то, что
в глаз попало еще
с советского состава,
из советских предприятий.
«Несуны» привыкли
красть все,
а сегодня это — каста
под прикрытием
депутатства.
Круговой порукой кровь.
Сколько срезанных голов,
сколько стрельнутых
с концами,
ради денег, понимаешь.
И всегда им было
мало:
их расходы не хлеб, не сало —
им дай все деньги Штатов,
евро.
Вновь начнут войну
и в землю лягут
целые отряды.

Им тех денег будет
мало —
триллионов на год-два,
а потом вновь голова
замутит что-то
по-новой.
В Африку полезут скопом,
может быть, в другие страны.
Кровь и деньги.
Вот болваны!
Что им жизнь дана от
Бога?
Что им люди у порога?
С просьбами о боли, горе.
Чувства их
исчезли, им
нас не понять —
им бы бахать и стрелять
ради власти, денег, благ.
В них бандит поднят
на флаг
и несет грудью медали,
что повесили и дали
за нечистую работу —
он герой-орденоносец.
Что морали?
Что взывать к ним?
Все устали слышать вой
об экономике с «трубой»,
от дешевых нам «втираний».
Нет мозгов,
зато есть
деньги, власть и званья.

20.09.11

***

Скоро выборы в стране.
Электорат, конечно, рад,
особенно его та часть,
что голос продадут,
и будут дальше спины гнуть.
А продадут за сломан грош,
продуктов часть возьмет —
пакет кило на пять,
и будет рад.
Электорад!
Его так нужно звать.
Ему все так,
и все равно кого избрать.
Кто избираться не подумал,
он покупает место
в чуме,
там где чума,
но не та, что мор и глад,
она — чума стране,
а им там блажь и власть.
Электорад,
ушедший в деградат.
А были б нация, народ,
избрать бы можно было
и не сброд,
а выбрать лучших сыновей
и дочерей страны,
они бы сеяли цветы,
а так — бурьян и мусорфразы,
произвол и
несуразы.
Много лет борьбы — на ветер.
Электораду нету дела.

20.09.11

***

Фінансова світова криза —
неоідеологія,
неокапіталізму,
пострадянського простору
фізіологізми.

Криза рятує уряди, влади,
на неї надія:
списати всі негаразди,
падіння долара
та його катастрофи —
мрії урядів
неопроформи.

Фінансова криза
стала ідеологією,
важко
народам-колодам —
все на кризу,
все від кризи...

Але ось-ось вийдемо
з неї — чуємо десятиліттями.

Капризи
відкинути геть,
землю орати,
сіяти, жати,
родини спасати.

Дожились, зійшлись,
тупиковий фрондитит,
холецистит,
зуб болить,
але жити треба
безвільному бевзю —
такими нас вважають
в світі
і в нашій печері.

***

— Люлі, люлі, люлі, —
кували зозулі
в лісі і на лузі,
весною та літом
під листям і цвітом.
Років накували,
долю позбирали,
докупи зв'язали.
з тобою земля
українська моя.
— Люлі, люлі, люлі, —
кували зозулі,
мама посміхалась,
радість не ховала,
бо років багато
нам нарахували
під калиною та жоржинами,
червоним між зеленим.
— Люлі, люлі, люлі, —
кували зозулі,
то роки злетіли
як ті хмари білі
небом та за вітром,
червоним намистом
горобини взимку
під снігом пречистим.
— Синку, — каже мама, —
все життя, як сон,
і дні його, як пара.
— Люлі, люлі, люлі, —
кували зозулі,
і під осінь стрімко
під небом розлуки
журавлі у вирій
відлітали в муках.
Їхня доля з нашою,
як сестра з сестрою,

в червонім намисті,
в горобині листі
крізь роки летить.
Скільки ж їх лишилось?
І кують зозулі
десь в далекім лузі,
десь в далекім лісі,
та мені не чути
їх в шаленім місті.

26.09.11

***

В своем отрезке времени
мы все живем
отмеренном нам на пути
вдвоем.
Мы можем здесь лишь
только то, что можем,
а остальное — пустота
винтов гребных.
Но гложет.
Нам хочется большими быть
в больших свершеньях,
но все отмерено:
понять лишь то, что
прежде
мы пропустили загуляв
или зарвавшись.
Одной семьей,
телом одним — народ
без башни,
или же с башней,
как смотреть.
Не о голове я —
о государстве
и его строительства, где
должен, якобы, присутствовать
успех.
Но что успех?
Условности движенья.
Две пары брюк, часы,
любовь до изнеможенья?
Рабочий от станка
сможет ли стул выбить
из-под Эйнштейна?
Дано, что данность,
но принять не может
человек.

В вечной борьбе стихий
его душа,
вовек не знать ему,
что есть где-то покой.
Он рвется в бой
за новый дом, жену,
вдвоем мечтая переплыть
реку, где счастье в берега.
— Ату! Ату! —
кричат им с катеров,
бросают сеть,
и будь здоров...
Нам выбор — два пути,
но главный путь
вдвоем:
Бог твой и ты
всегда пред алтарем.

27.09.11

***

Зад свой разбросав
на мягких сиденьях «мерседеса»
примадонна попсы
укатила к маргинесу,
не на танцы-шманцы —
в руководство России
Великой
прорывается
еще одна зараза.
— Люди! Люди! —
Кричу по лесам
Подмосковья, Владимира,
Пензы —
там одни только
башни, заборы
и испитые бродят, как демоны,
люди...
Я кричу над Уральским
хребтом,
чуть услышали, вышли
с кнутом.
— Вы же русские,
ё вашу так!
Что ж упали так низко?!

Бардак, а вам песни
и сук с питием,
вы же русские, ё-моё!
Загудел по земле
бронзы звон,
есть надежда взлететь
хоть с одним-то
крылом.

29.09.11

***

Сине-белый «кулек»,
сине-белый флаг,
торговый ряд,
незаконный подряд,
уголь из «норы» —
все до поры.

Пятнадцатый век,
снова «чума».

Когда?

Сегодня или вчера?
Сегодня — страшней.

Свобода везде,
демократия на дворе,
вышла по нужде,
сняла вдруг перед
мужиками трусы,
они пляются:

— Ты посмотри,
как хороша!

Но писает и плачет,
наверное, все же больна...

А я к ней пойду,
пьяный с винтов,
я попрошу, рискну —
хороша ведь!..

— Здоров!

И рука на плече.

— Ты за кого,
там, в Печерском суде?

И я, испугавшись холодного цвета,
в генах ведь Колыма,
но не та, дурковатая,
от шансоньета,
а настоящая, снежно-мордатая,

где вертухай и бараки
надежные
с полуметровой улыбкой
с полуживого лица.
Тычу пальцем на черный
гробище, где
музыка от Калаша,
и мне мягко под зад
двинув ногой,
показали место рукой.
А все так красиво
было тогда...
Нет, то не «чума»,
музыка нравилась,
женщины тоже —
я так кайфовал
после парадов:
коньяк,
водка с друзьями,
а везде коммунистов,
как сегодня, рекламы.
И ничего, жизнь удалась,
Брежnev не нравился,
ну, еще брак
гнал на заводе,
а сейчас заклепками
в зад всем вклепали
таблички:
«Свободен...»

03.10.11

***

Роскошь миром
правит давно.

Кино
о трудовых героических буднях
рассчитано на дурака,
но промывает сознание
бурно.

Звезды всех видов,
земные, в телах,
что не едят и не пьют
а только секс им,
с бриллиантами
шик.

Только любовь,
выгибаясь, смешит,
на тех же экранах
компьютерный стон,
лизалых картинок
лиц их мельком
под слоем мазни.

Роскошь над миром,
а мы все одни.

Правительства наши и
их олигархи
в служниках имперских,
где главные банки
фаршем из денег и золота
сбиты.

Над ними сидят
корпорации-свиты
мира владыки.

А все разговоры
о пользе свободы,
о демократии
и экономике
на дурака,
который внизу,

пластом пирамиды
для тех, кто вверху.
Мир разделен.
Дерибанить осталось
всего лишь чуть-чуть.
Уже постарались
давно под присягой
орденов и знамен
покляться с запалом,
что деньги и власть —
навеки, кодлом.
Я в церкви стою,
свеча вот в руке
воском горячим
сплывает и жжет.
Истину, упаковану ложью,
понять никто не дает,
но многие знают
о мироустройстве, что кровь пьет!
При этом кричат
о свободе без толку.

04.10.11

***

Я так спешил,
а он манил,
моей любви
девятый вал.
Я так любил,
а он манил,
и я не знал
огонь любви
в девятый вал.
А я спешил.
И я успел
в девятый вал
к тебе, мой свет,
но я не знал,
а он манил,
и я бежал,
и я спешил
в твою любовь
девятый вал.
Я знал моря,
я в них бывал,
когда корабль
с волны в волну
уже не шел,
а он нырял,
и думал я,
что все, конец,
и я тону.
А здесь нет моря,
корабля,
здесь ты,
красавица моя.
Но ты ведь женщина —
откуда знать,
что в море легче?
Там не так.

Но я вбежал
в твою любовь,
свою взяв тоже,
и с тобой
я здесь тону.
А ты спешишь
меня,
как море корабли,
не отпустить,
и потопить
в себе,
пустить ко дну.
В любви страдать,
сгорать,
и, даже умирая,
обещать тебе любовь и обещать...

05.09.11

***

В полнолуния ночь,
когда нечисть — прочь,
из глубин заточения
сатаною, на время
бешенных плясок,
и в темя
всем, кто живет
лишь собой.
Он герой, так считает
порой
похудевшийся люд,
а он сам?
Нет, не худ,
у него есть жирок,
но он худ на умок.
Он простой ото зла,
что природа дала —
плясок ведьм, вурдалак.
Он не сам,
он мастак
подсобрать для себя
дружбанов для котла,
где кипит серный зной,
черт все шепчет ему:
«Ты герой, ты герой».
И, порой,
отрываясь балдой,
гонит нечисть к себе,
к голове.
И горят всех глаза —
мы команда,
пришла не спасать,
защитить и лелеять,
чтобы жить всем без страха
в стране,
у нас руки не те,

мы — команда душить,
мы — команда рвать кость,
жилы рвать,
чтоб народ
знал порядок,
пот проливал нам и кровь.
Вот и Юля сидит
в «киче» той,
где солдат будет
зорко не спать.
Юля села,
ее голова
в наших «верных» руках,
а народ-то бузит,
но не здесь,
а все там,
где Европа стоит,
где на паперти Хам,
а здесь тихо опять,
страшно всем,
аж мутит.
Но Россия придет,
и услышите крик,
то команду ту рвут,
деньги, собственность
враз отдадут
русским братьям жлобы,
что народ наш избрал.
Русский брат —
это брат для медведя,
ордынский в нем дух:
русские братья
в порох сотрут.

11.10.11

***

Верби рядами,
обійнявшись гілками
вийшли до мене
ще на світанку.
А в лузі туман
від трав,
а в лузі роса срібляста
розлита,
а в лузі сонце
першим золотить промінням,
а в лузі верби-сестри,
листям граючись,
мов ріка водою,
шепочуть:
— Ми з тобою.
Бачу я тебе одною
з них,
ти вербою вийшла в луг
на весні,
я не спав,
всю ніч чекав.
Я так люблю весну!
Та верби
чомусь плачуть.
Промінь сонця
слози сушить,
я стою в росі,
боюсь поворухнутись,
щоб не злякати красу,
шепчу, шепчу:
люблю, люблю, люблю.

11.10.11

***

Мы в городе одном
живем,
быть может, наши унитазы
на одном гектаре.
Людских отребных душ,
крысиных золотых времен
их лучше зоологические
экземпляры —
легион Свинеев и
мадам Полова.
Что у них внутри?
А голова здорова?
Все у них нормально,
по нормам тех стандартов,
что человеку не понять.
Не холодно, не жарко.
Вместо крови течет в
жилах моча,
которой заправляют
это племя такие же скоты,
но лежащие там, где-то сверху,
Ножи точат для палача
в большие праздники
Полова и Свинеев —
их много,
время их.
Откуда-то пришли
они на Землю,
они не от любви-то
родились —
от похоти свиней
явились эти шмоньки.

12.10.11

***

В комірчині
пагорбно-аристократичного суду
душно,
в комірчині тісно,
але суддя та прокурори —
то ж артисти звиклі.
Їм з цього суду жити.
А поруч громом аеропорту
динаміки товчуть мегавати —
бандолюд там зібрався
погуляти —
їм воля та свобода й досі.
В судах виморюють сміливців,
що здумали було протестувати.
Фемідові артисти
тішать панів,
що правлять гнутим людом,
обдертий привслюдно.
Артисти бавляться,
і бавлять змієтих.
Летить товкня з
динаміків по
дуках млявих.

12.10.11

***

Осень, осень
тихо бродит по дорогам
по селам, лугам
и небу.
Не быть уже лету.
Хлебом
пахнет поле.
Стою
с ветрами на просторе,
продуваемый нас kvозь.
Снова дождь.
Все холодное.
И в лесу так же грустно
воет ветер
треск сучьев,
нету птиц.
Так жестоко после лета,
после листьев золотых
осень поменялась вмиг.
Тишина и нет дождя.
Небо в рваных тучах.
Первый солнца лучик,
пробиваясь сквозь деревья.
— Я хочу, — кричу, —
тепла и воли!
Осень, ты невольна,
ты уже согреть
не сможешь.
Зябкие мои ладони
нервно трут одна другую,
плечи мокрые,
впустую день прошел...

Да нет.
Не так.
Я видел осень
в поздний ее час.

12.11.11

***

Міліція встала з колін,
народ з колін піднявся,
а влада на колінах
по церквах.
Ідилія в країні,
просто жах.
А тут в Полтаві випав
нам турнір —
футбол.
Місцеві і від Німеччини —
команда знаменита.
І влада кинулась
полтавчан повчати:
«З трибун ніззя
кричати
«Гітлер капут»
та «Фріц здавайся».
Вчили по радіо,
збирали люд, як колись яйця,
і вчили, вчили, вчили.
Стільки років владі
потрібні все були дебіли,
а тут Німеччина, Європа —
конфуз можливий —
і хутко почали навчати
азам культури,
хоча б тому, чого «ніззя»
кричати.
А люд лупав очима,
слухав.

Про те по телевізору
на всю країну бухав
ведучий як у барабан
горохом.
Футбол пройшов.
Програла,
певно, з переляку «Ворскла»...

14.10.11

***

Нравы спадлючили
время и мир.
Бухгалтер, кассир то бишь,
стал первый банкир,
по рангу.
Прикинь:
лучшие женщины,
власть, —
все к ногам
хилого тела
как самовар,
круглый и тертый,
себе на уме.
А воин весь в шрамах,
что на войне
не прятался где-то,
а шел погибать,
воин не в моде.
Он бедный опять,
как и был до войны,
хоть снова готов
влиться в борьбу.
Да! Мир ублюдно
спадлюченой силой
согнулся,
под брюхо
банкира
прогнулся.

18.10.11

***

Забор из стали олигархов,
льют сегодня,
и жарко так
в тех цехах, на
тех заводах —
сталь ведь деньги,
пароходы.

Сталь и «телки» молодые,
сталь и подломерзость входит
в списки сильных мира.

Забор в два метра
под парламент —
согнули страхом,
непорядок.

И вот забор —защита силы,
что от народа отхватила
страну и все, что было
в ней.

Забор и сталь концлагерей —
теперь
все перешло к тем сильным,
что миром правят
агрессивно,
и так смешно смотреть
из неба,
там нет забора.

А нужно делать.

Закрыться полностью,
как в клеть.

Оттуда руководство —
плеть для подневольных крепостных.
А может, лучше-то
народ в забор закрыть?..

***

Ход цивилизации
вперед, вперед.
Вовсю крутятся ее колеса,
но часто не на благо человека,
а наоборот.
Взять канализацию к примеру:
унитаз
и телевизор в этот ряд.
Что общего спросите вдруг вы?
А общего подумай, посмотри:
унитаз принимает
нечистоты и гонит их
коллекторами.
Ох ты!
А телевизор-то наоборот:
все нечистоты
из себя
да в мозг
того, кто перед ним сидит.
Болтовня политическая
живет
и развивается в стране.
Со всех сторон
прут гурьбой
гурьбу телевизионные —
просто жуть
весь их телепродукт,
но обезумевший народ
сидит и смотрит сменяющимся
картинкочеловечкам прямо в рот.

21.10.11

***

Билборды, билборды, билборды.
Билборды, рожи, морды
эстрадных клоунов,
политиков и
лжебизнесменов —
заставлено все.
Супермены!
Судьба их, как шлюха,
красна, дорога,
вся на расхват,
богата
и балует своих подопечных
ничего не жалея:
шоколад, бабло и себя
к ним в постель.
Шалея,
они поддаются ей
не подумав
откуда такая им пруга,
безумным.
А судьба вся горит
в своей страсти любви,
налево, направо
отдавая себя, проститутку,
даже дешевым легавым,
веря и любя воспитанников
сытой доли.
А чем это кончится?
Где?
И когда?
Ведь все они
связаны в жесткой
неволе.

21.10.11

***

Сірі ворони
кружляють в небі,
де осінь холоду
відкрила двері.
Чорні дерева, віддавши
листя
на гулянки вітру
та букетики дітям,
в сірій млистій фарбі.
У вечір
цей осінній
бачу діброву нашу:
там червоною калиною
журба співає
тихо, сумно,
і інколи їй вітер підвиває.
Осінь в небі,
осінь на землі,
трави полягли.
Сірі ворони летять
в далину далеку,
але вожак їх
знову завертає.
Кричать птахи
в імлі холодній.
Де ти, літо?
Вчора ще цвіло все,
а сьогодні листя золоте
чорніє
від дощів
зі сніgom.

21.10.11

***

Нашей страны
берег левый,
берег правый
в монолит соединяет
партия паяльника и утюга.
Партия великая, и все туда
с наперстками в руках,
как символом труда.
Верблюдом по пустыне,
в поисках еды,
караван помощников
после хандры:
бывшие бухгалтеры —
сегодня культпросвет,
и политологи с ними.
Если делать то,
что советуют,
считай, страны нет.
А вяка вяку гонит,
как щебень лагеря,
спешит страна на танцы,
ее туда ведет звезда.
Танцуем и поем,
радостно-то как!
Паяльник греет место
с утюгом опять.

23.10.11

***

Листья в солнце
по траве,
зелень ее скрыв.
Рай сегодня детворе —
осень их манит
белой, белой вишней.
В парке золотом
радостно Марии
и нам хорошо.
Отлетают годы
листьями с дерев,
снег сменят осень,
а потом,
запев —
новая весна,
год еще один.
И, врываясь в лето, —
Мария!
Я один среди бушующих
страстей
мира необъятного,
затей его, часто суровых,
если совесть есть —
мимо не пройти...
Отгорают годы,
сердце в полпути,
поклонюсь я Богу
за тебя, за жизнь,
правда только в небе —
за него держись,
сила тоже там,
и ее сполна.
Помни в дни несладкие
мои тебе слова.

23.10.11

***

Вы видите себя будущим
страны нашей Президентом,
а я со стороны
вижу вас клиентом.
Нет,
не дурдома,
мы и так в нем все, и считаем
родным нам домом.
Я вижу Вас клиентом
лишь адвокатской конторы.
За что?
За жуть политическую
и шторы,
за которыми вы все
мutilи,
так что страну тошило.
Но время шельму метит.
Придет еще тот час,
когда сорвут кранты
у нас,
как и у вас.
И кто кого?
Я думаю, набело
помоем вас,
помоем семьи ваши.
Глаз
прищуренный глядит
с картины,
товарищ Ленин играется
тротилом
он вас
отметил всех клеймом:
нахал и хам,
жестокий бандюган —
куда чертям!

Таков улов сегодня нам,
партийной массы
дуракам,
а говорили вы — козлам.
Играет солнце
по картине, не той, где вождь,
а той, где попа дивы —
художник
полюбил ее безумно
и рисовал красиво, умно.
Смотрю не на вас,
на эту женщину,
любовь свою вспоминаю.
А вы все в президенты
партийцы-импотенты.

25.10.11

***

Бокал жизни до краев
налит вином страданий,
горечь от питья
не делает меня
шальным и пьяным.
Эх вино, вино...
Искрится вновь
с утра в бокале.
Эх вино, вино...
Я должен пить тебя,
и мне не стать
хотя бы раз
опять шальным и пьяным.
Я трезво созерцаю мир и не страдаю.
Жизнь для меня
никогда не была
всерьез.
Жизнь моя —
игра в игре —
до смеха, слез.
Жизнь — великий дар,
но в нем — конец,
трагедия, судьба, удар,
падение или венец.
Жизнь для меня игра,
и никогда я не приму
ее всерьез.
Мы — Божья детвора,
нам смех
в игре до слез.

Но мой бокал опять
налит вином,
горечи страданий искры в нем.
Я пью до дна
за все, любимая, и за себя.
Судьба...

25.10.11

***

Пришла пора принять
в стране новые законы,
но не только в пользу
правящей партгруппы «терриконы»,
а депутатам всех мастей,
всех уровней властей,
и, наверное, членам их семей,
чтобы они могли
подведомственных бить
людей
и мест не обозначать,
а просто так —
и на работе,
и в ресторане,
чебуречне,
и на флоте.
Чуть что — и в рог.
Служи народ!
А пострадавшие потом,
не шли б на мировую,
и не считали себя мелкой
пешкой
в политической,
едрена мать, борьбе.
Так плешикой
их по голове!
Давить автомобилями
везде.
Скрип тормозов,
мелькание столбов,
крик боли...
Умирающего, что ли?..
Назад свой реверс,
и погнал палить бензин.
Да, что б не забыл:
вызвать скорую
водитель тут обязан.

А если труп,
то как когда-то Емеля,
что мэром был,
согласно прейскуранта,
оплатить последний путь.
По-скромному —
пять тысяч гривен
сиротам на грудь.
Закон назрел,
чтоб общество заткнуло пасть.
А то вдруг парень девку
в ресторане — хрясь.
Пищат на завтра все,
орут,
в ДОПР молодого депутатишку
везут.
А нахера
тратить столько сил впуста?
Трындежи, крик — все отстой.
Девица мирится,
а депутат то, блин, в СИЗО,
считай, простой
в работе не за фиг.
Ну бил, лупил,
так, наверное же, неспроста,
он же в этот миг
мог ее любить,
а она взяла и не дала.
Ну, поднял бык бабу
на рога,
потом пошла ненужная молва.
Закон назрел.
Пора принять.
Давай отмашку
Махайло — «смотрящий» депутат.

31.10.11

***

Построила бункер власть,
глубокий,
где-то в зоне,
где Чернобыль.
Все под землю,
как метро,
глубоко, глубоко.
И не будет там заборов,
митингов не будет тоже —
не найти нам власть
никак,
только в телевизоре
их гвалт.
Революционеры
по городам
ищут власть
и тут и там —
есть только ЖЭКи
и на улицах менты.
Нет власти!
В бункер все ушли.
Митинги в столице.
Закипает кровь,
толпы людские
крушить хотят
хотя б забор
И стоят пустые здания правительства
без окон и дверей,
заборы снесены в металлом.
А власть по телевизору
все говорит и говорит.
Страна функционирует,
но некого свалить,
сменить.

Митинги взрывают осень
жаром слов.
Как найти их
в секретных бункерах?
Да поломать хотя бы их забор?!

05.11.11

***

Ліс зелено-димлястою стіною
сосни виросли, а були
колись урівень зі мною.
Ліс виріс, а я і не бачив.
Іду стежкою, пісок біліє,
шелестять крони,
поскрипує гілля.
Радіє ліс мені,
а деякі дерева плачуть,
смолово-живицею.
Мої сестри,
мої брати —
ліси.
Стежка переливається
в дорогу, петляє
вправо, вліво,
віз кору обдирає,
здригається сосна
та терпить наругу —
при дорозі стоїть.
Темнішає в лісі,
вечір землю вкриває.
Додому, надовго...
Мій ліс в серці
Кожним деревом і кущем
проростає.

05.11.11

***

Праздник по улицам
завтра с утра.
День революции —
седьмое ноября.
Детки с флагками цвета крови,
тех, что когда-то
за свободу легли
под Мавзолеем
и по всея Руси.
По городам старики, старики
все с транспарантами:
«Здравствуй, Октябрь»,
знаменами красными
в ряд.
Снова в ряд.
Я натянул резиновый шланг
чуть выше вены опять,
и дозу чистейшего зелья —
в себя.
Кайф не задержался,
въехал в меня.
Вот он, праздник
сегодняшних дней.
Я стал
завукрнаркототдел.
Баба с проверкой
зашла в кабинет,
из налоговой, стерва,
сует мне билет.
Легла на диван
и сразу дала
мочу из кармана —
пузырь.
Вот дела!

В пакете — хвосты от
селедки дунайской,
хлеба кусок
и поплавские бычьи яйца.
Я выпил пузырь,
крякнул, заел,
поставил ей знаки
на теле так, как хотел,
подписал акт проверки
и вышел сбежать.
Но по дороге
киоск «Союзпечать»,
я взял газету
черную всю,
белые буквы
залипаны пищей,
газета из прошлого —
год, как вышла.
Дальше зашел
в гастрономчик в подвале,
купил там консервы
«Бараны в сарае»,
водки поллитра
и флаг замминистра
в синих тонах,
на удочке флаг.
С ним и пошел
на площадь я к красным,
где памятник Ленину,
и где ихний самый главный.
Но по дороге
я встретил любовь —
девочку-мальчика
под водосточной трубой,
там она мылась
вся в чистой красе,
и я объяснился
ей в неглиже.

На площадь пришли
мы дня через три,
праздник закончился,
остались цветы.
Я взял корзинку,
и девчонке к ногам,
а тут менты,
под белые рученьки
в светлое будущее
тотчас увели.

05.11.11

***

Выходят на сцену
красивые когда-то,
Сегодня — крашенные:
седина-собака.
Седина в висок,
а бес в ребро,
и тянет поющего
в кусты.
— Ого! —
говорит фанатка
фантиков зеленых:
— А ты еще молодой, здоровый.
Рад поющий. И песни о любви —
залу.
Его оценили, любят.
И сразу
в овациях
публика
дам бальзаковских,
потных, красивых.
Идеал прекрасный
он для них
одних —
так кажется каждой,
телом отважной
к земным наслаждениям,
райским видениям.
Музыка громко
рвет пространство,
вибрирует потолок, стены,
убранство дам.
Поющий бальзам
для тела страдающего
в зал слетающего,
а, может, увидит,
заметит и скажет?

Но он здесь чисто
за денежкой.
Скажет всем слова
любви,
а любовь его ждет, спешит.
Она фанатка
фантиков американских,
можно и евро,
чуть подупавших...
Время лечит,
и еще поднимется народ.
Нет, любимый.
Я о тебе...
Ты мужчина.
Я чувствую все кожей тонкой —
еще обнимешь
так неловко...

12.11.11

***

Слово гений душу греет,
слово гений душегреит.
За спиной я вижу крылья
белые, как снег,
тонких линий и красивых.
Может мне слетать, увидеть
мир под солнцем,
удивить всех?
Слово гений.
Кружит что-то
в голове моей,
и хочет
сердце верить в счастье,
что пришло мне вдруг
с ненастью.
Брошенный женой, страною,
слово гений надо мною
в грязной комнате
без ванны,
кривых окон почивальни,
тишина ночи в тревоге.
Гений, гений! По дороге...
Может, так, а. может, нет.
Мир фантазий
ночью грез.
Может, только показалось,
как каприз к себе
и жалость,
может, да...
Но грело душу
одиночества
О, ужас...

12.11.11

***

Блудным оком
стан твой спелый
вижу в прищур
в день чуть серый.
В повечерье лета
жара
грудь мне снова показала,
и в проем двери — волною.
Часть волны
теперь со мною.
Навсегда.
Буду видеть дни и ночи:
я с тобой,
такой мне милой,
но преграды, все преграды —
ты замужем,
а я — разный:
то горящий страстью темной,
то в огне любви
весь томный.
Без тебя
я столько лет...
Выгорая я горю,
выгорая я сгорю
и в грехах всей жизни
страстью над землей
взорвусь снарядом
той волны, что окатила
ты меня,
заворожила.
Жизнь в желаниях
к тебе.
Сколько можно?

Но сдержался
от бесстыдства
страсти черной,
что как вихрем
через жизнь
почти к могиле.
Сила страсти?
Силам, что земные.
Сила!

12.11.11

***

На картине цветы весны —
нарциссы.
Белым цветом лепестки —
их мне слышно
с той весны, что была
с тобою.
С той весны все залито
любовью,
ты рядом, всегда желанная.
Ум тонкий,
глаза...
Чуть странная...
Но лето, всегда лето.
Я оставил, бросил
тебя где-то.
Через жизнь —
с фантомной болью,
всю жизнь —
с рваной по сердцу любовью.
И не уйти от
картин, портретов —
тебя везде вижу я
уже поэтом.
Петь бы мне
жалостью с солью,
но я поэт-воин
и спорю
с миром
о силе стоика.
Я поэт —
только тебя достоин.
Волосы по плечам,
пахнут травами,
губы красные
как целовал я!

Помнишь кровь?
От любви горения
ты ушла в никуда,
в безвременье,
я остался не ныть, а плакать.
Я превращаюсь в меч
и плаху
жизни своей
с фантомной болью.
Ты была реальной,
живой,
но пока ушедшей
ненадолго любовью.

12.11.11

***

Ангел в небе след оставил —
белых лилий пруд,
и скалы.
Мне по скалам
путь нелегкий,
где опасность,
где и Бога просишь.
Путь за счастьем
в мир, где вечность.
Ангел в небе
след оставил —
белых лилий пруд и скалы.
Мне так хочется к пруду!
В летний зной
опять иду.
Я оставил путь на скалах,
белых лилий дым
и сладость
под прохладою воды
Ты где-то рядом.
Белой лилией тебя
знаю я.
Ангел в небе след оставил —
белых лилий пруд
и скалы, скалы.
Время отдыхать ушло
так быстро,
жизнь катилась,
как не жил я...
И остались скалы, скалы...

Камни старые устали,
скольких путников держали,
камни многим помогали.
И, оставив все в пруду,
вновь по скалам я иду,
пока не встречу там звезду.

12.11.11

***

Какая дрянь
мне ваш бедлам.
Вам праздник для души,
а нам?
И блюда ваши —
политические каши,
а сами — мясо,
вяленное, из-под седла —
орда.
Мухлюете вы сверху вниз,
наоборот нельзя.
Простить не сможете
вы смельчака.
На шею веревку,
и к коню, к хвосту.
По полю, перелескам
погоню.
Старшой, так даже
не мычит.
По роже видно:
замочить ему —
как плетку дать коню,
а кухня все дымит, коптит,
страх гонят из нее,
не спит и там
собачий лай.
А что тот страх
для нас?
Считай, вся жизнь тюрьма,
нам все равно-то где.
Зона та — такая же,
ну, чуть жестковата.

А так — что тут, что там,
что даже у вас
возле котлов кипящих
рядом с троном:
суп готов,
но все дрожат,
и с ложек капает
то на штаны, то на пиджак.
Там больше страх:
есть что терять —
не только телогрейка
и кровать.
Эх паханы, едрена мать!
А где менты?
А охранять вас будет кто?
Менты — на страже.
— Будь готов! —
в них вечный клич.
Менты под паханами
в зоне.
Даже для сатаны будет
потом сюрприз.

13.11.11

***

Ротозеево —
наш край
непуганных ворон.
Здесь хлеб растет
и топором мы каменным
его берем.
Здесь лом, кайло, отбойный молоток
из металла, современные,
под уголек.
Мы рубим по двадцать
с лишним лет,
чтоб заработать
на тот хлеб, которого хватает
лишь чуть-чуть.
«Мы кормим полстраны!» —
шипит утюг,
паяльник подпевает
спьяну тоже.
Мы кормим полстраны,
но не людей,
нехристей-вельможек.
У них хватает
и излишки есть,
не только хлеб.
А мы довольны
в Ротозееве всегда.
У нас здесь флаг есть
и тринда,
что с мегафона
орёт по площадям,

и так легко
становится на сердце нам
от голоса приятного
повсюду.
Мы слушаем и слушаем,
веря, что он не паскуда.

17.11.11

***

День свободы
наш, как горе,
а Майдан в сплошных заборах —
День свободы
за забором
от народа.
Знать, боятся
нас уроды.
Мы не слышим до конца
страха их.
Спроси мента,
что выходит в шлеме-каске,
с палкой автоматом —
он боится.
Власть служивых
так труслива.
Да, боятся нас —
и как!
Только выйдет
горсть на митинг,
сразу власть в ружье.
Милиций
много было,
но трусливо только
Сталину служили.
А здесь тоже видно
жмут,
и менты себя трясут
отслужиться за забором.
День свободы
снова скоро,
время подлетит, уйдет
и пар крышки
оторвет.

Пьяным будет вновь
народ
от свободы.
Воздух тот
людей напоит,
а заборы
будут власти той оградкой —
хором революционным отпояют
и огородят
всех подряд,
кто не народен.

22.11.11

***

В серости осени
поздней, непрощенной,
ты вдруг — георгинами
красными, синими,
желтыми солнцами
в сердце осколками
вновь мне, любовью,
с разными взглядами
на мир под луною,
на море штурмящее...
Но я попробую
с тобой до рассвета,
с губами солеными
в лодке над волнами —
ты этого стоишь.
Мою жизнь наполня
цветами из лета,
прекрасная женщина,
моя...
В эту ночь до рассвета.

23.11.11

***

Онучи Марійч

Марічко!
Твої рочки —
мої роки...
А ти жалілася мені,
що Бог не дав нам крила,
щоб ми, як тії журавлі,
в небо полетіли.
Ти янгол...
Мої душі
вже легко полетіти
туди, де хмари білі,
небо синє.
А ти жалілася мені:
нема в нас крил...
Маріє,
ти янгол...
Ми з тобою
до весни
через сніги
полетимо.
Чекай...
Я люблю життя, як Бога.
А ти жалілася мені,
що в нас немає крил...

30.11.11

***

Анна!

Глаз свет лунный,
отчаянный,
в ночи осенней
баловнем
судьбы, что стелет
мягко мне
опавший рыжий лист,
и шорох под ногами,
и стоны поцелуев Анны,
и свет луны...

К утру я не усну.

А там декабрь,
и Анна снова,
в поцелуях ласк...

Анна!

Не беги.

Анна!

Не суди.

Я не охотник

острых ощущений в свете,
когда все в серебре,
и нет той стойкости
красивых женщин.

Анна!

Я не любовник,

и не злодей.

Анна!

Я затерявшийся
в дороге без людей.

И твой веселый свет

луной

мне светит вслед,

и я иду, как от

тебя к тебе...

Анна!
Я скорее добрый,
верный зверь,
который любит жизнь
и отвергает смерть.

30.11.11

***

В масках проти
вірусів грипу,
в білих халатах
в накидку,
мов кавалеристи в бурках
в громадянську,
втративши коней,
карбують кроки спозаранку,
лікар головний,
ще й у білій
на голові пілотці, з обходом —
свита по боках,
коридорами,
твердою хodoю,
прикривши очі
проходять уздовж
дверей палат відкритих,
де горе у людей,
де діти —
у них питань, волань
про допомогу!
Пробіг начальник коридором,
затихло все...

07.12.11

***

ФашизOIDная взращенная элита,
обсела тело родины —
москиты,
кровь пьющие безнаказанно,
сердито,
без сердца, совести,
открыто.
А что народ?
А он, как в катакомбах,
без света мечется
туда-сюда,
а рядом с каждым —
бомба —
неверный шаг и
безымянная могила.
Народ еще не вызрел
для зубила,
которым бить стену
навстречу свету,
самим и побыстрей
А то — помеха —
одна, другая —
соединится с кем-то,
чтоб кто-то
поделился раем:
Европа или русская машина,
где все в поломках
и пробиты шины.
Самим им как-то выползать,
а мы надеемся на них,
как то дитя на мать.

Года идут, ржавеет плуг,
цветы почти что не цветут,
катафалки все ползут.
Фашизм — взращенный нами
спрут.

08.12.11

***

Внучке Марии

Жизнь снова разлучает нас,
и первый снег летит,
и глаз почти что со слезой
и мой и твой.

Зима не только
время года,
зима в душе людей
как непогода.

А хочется любви вокруг,
чтоб кто-то
улыбнулся вдруг
тебе,
и просто так,
не за «лэвэ».

Зима
пришла сегодня вновь.

А та, что у людей?
Полом тот старый,
до Христа.

Две тысячи лет
письмо святое
Сына и Отца
и Дух Святой туда,
где есть любовь.

Но люди
холода зимы
хотели днём,
а ночью стонут,
в снах кошмарных
младенцы плачут,
сознавая,
что ждет их —

подрастая, вступить
придется в снег
зимы, что навсегда
у всех.
Как растопить
тот лед
ковавший мир, народ?
В руках моих листки
весны
от белой вишни,
иссушены на сердце
теплом.
Я храню их,
вынимая, когда
зима опять достала,
и грею душу,
как в огне.
Мария, в свете
оставайся
верною себе.

08.12.11

***

Нелучшие дни
нелучшей недели.
Средний вновь век в стране
канителей.
Орлы давно улетели,
немного их было,
осталось здесь править лишь быдло.
Жить стало стыдно,
все так устали
от антимира,
от той половины,
что нелюдей мира
согрела корытом,
и шелком оббиты
их нежные ложа.
Высшая каста —
украинский вельможа —
безнаказанно наглый,
с душой из нереалий,
пришелец из далеких
ордынских игралей
реинкарнацией на наши
удачи, которых
имели мы много.
Иначе все стало
с отлетом орлов,
захиревшие земли
дедов, отцов,
и прищур хитрющий
на наших хлебах.
— Мы самые умные! —
так мы сказали.
Но хитрость и ум —
два антипода,
как эгоизм и любовь.

Но все к концу года
взрывает и рвет
реки, плотины,
а впереди еще лед,
что б мы проскользили
мимо своих хат
и припасов,
чтоб нас унесло куда-то загадой
взорвавшихся рек
и плотин прохудившихся,
быдлом излившимся
на наше сознание.
Юлю вновь судит
в тюрьме с зажиганием
в болезни тяжелой
судья антимира
пес манюковича
с манией под Цезаря
и нутром торбочвата.
Мечты рассосались,
как рубцы Кашпировского —
туфта безнадежная.
Охлужам земноводная
жизнь уготовлена.
Охлуй, охламон, дебил
и холуй —
новый подвид
пород нелюдских
на уровнях всех:
нищий и босый,
депутат и министр,
генерал и безносый,
нос потерявший
в подхалимаже —
протерся нос в заднице —
тоже охлужа
высшего гада.

Мечты улетели,
как птицы,
что пели
со страны-канители
надолго.
И ели скоро поставят
на праздник с душком.
Недобрый все тянет
по стране запашком,
но есть респиратор
и противогаз,
мы терпеливы,
и выдержим газ,
а, может, дыхание
из гнилых ртов.
Мы выдержим все —
вернуть бы орлов.

08.12.11

***

Тебя ломает в повороте.
Как ось железная
трещат мозги,
а губы шепчут:
— Водки, водки... —
и ты бежишь искать любви.
Там зал заполнен перегаром,
с дешевой снедью никотин,
спиртным залиты все
угаром.
Дешевой музыки финты,
и танцы, танцы дребедени —
мир отдыхает так у вас.
А вы танцуете, пьяны,
и губы жадно ищут
ласки,
той прорызанной любви
тяжелый пот,
едкий, нечистый.
А вы все льете в себя
водку, забыв о жизни.
Лишишь бы как
пройти тот путь,
что вам начертан,
спьяну, в могилу, навсегда.
В небе светят звезды
для вас редко,
и вам их не увидеть никогда.

11.12.11

***

Толковый словарь
в голове листаю.
У меня свой, небольшой.
Понимаю,
что многим это покажется
странным.
А я и не скрываю
свои оригиналы.
Читаю слово:
«бизнес».
В переводе с английского —
дело.
На русском звучит
смело:
«пойти на дело» —
это значит — украдь,
обхитрить, убить,
объегорить.
Так у нас поставлено
слово.
Дело есть у ментов,
и тоже —
пришить, прижучить,
спугнуть умело,
убрать вот, как Юлю,
с дороги длинной
без биты, пистолета, —
а сильно!
Бумажек нашить
и наклеить в дело.
Прокуроры, менты
умело
делают бизнес тоже
свой так,
как у нас.

Бизнес — дело.
Молоко, мясо, хлеб —
все поддело, подделано,
для населения.
Вот мой словарь.
Я его прикрываю,
пойду, погуляю.

12.12.11

***

Движеньем мимо пустоты
в памяти моей осталась ты.
Холодный ветер декабря,
и дождь который день —
всё на меня.
В небе темном —
реки воды,
и там памятью всплываешь
ты,
надеждой и любовью
грез.
Ты молода была,
и шла вперед,
а дождь сливается
в низины,
под ногами лужи, льдины,
их сырость с холодом
не греют.
Декабрь вновь
щиплет, истончая нервы.

19.12.11

***

Звездою падающей вниз,
огнем метеорита —
жизнь твоя горящая —
поймать бы на лету!
Трезвый разум говорил:
— Сгоришь.
Иду в ночи сквозь
сон тревожный,
и вижу лето
глаз твоих зеленых,
а трезвый ум
увел тогда туда,
где никогда не слышно
песен,
а трезвый ум оставил
догорать огонь.
Я воином мог быть,
а не столбом.
Время вдали угнало
серость,
время вдали угнало
пресность
и появилось то,
о чем мечтала ты.
Сегодня я пришел
к тебе сквозь сны,
не отпустить,
и не оставить где-то.
Сила побеждает,
а поэты
духом стоики,
и цель достигнут.

Лето глаз твоих
через столько лет
во сне,
мечтая,
рад был я увидеть.

19.12.11

***

В стране канализации
неправды вонь,
где серый волк
жарит баранов
каждый день
и про запас —
столько не съесть.
Волков этих у нас —
спецзоопарк,
а может, спецзоосад.
И все матерые,
с зубами первый класс,
из лучших клиник —
клац, все клац, —
и не смыкает челюсть гад,
а шерсть сменили
кожей змей,
не волк, а страх зверей.
Бараны падают
еще за километр,
рвут сердце сами
и сдают билет
утром ранним,
чтоб в выборы
его спустили в урну,
а сам баран давно
в садах культурных
удабривает розы для мадам,
что для любви волкам.
А запах добрый слышно, слышно...
Чрез эту вонь,
чего б не вышло.
Менты, как «фентэзи»
одеты,
быют инвалидов, стариков.

Болваны дают
команды дурам-курам —
это «спецы межглаз».
А те стараются,
чтоб запахом,
в натуре,
не вычистило вонь.
А запах слышно
повсеместно,
как бриз морской,
приятным ветром.
Вольнолюбивый еще люд.
Есть человек,
и труден путь,
сожрать его волкам
не по зубам.
Революционный дух
клубится по сердцам.

20.12.11

***

— Нет!
Так не выйти.
Здесь не пройти.
Стойте! —
кричу всем, кто на
верном пути.
Слышите музыка —
сводный оркестр
из воров, подлецов.
Сводный оркестр
из врунов, интриганов.
Сводный оркестр,
как пилорама — выброс
опилок прямо в глаза.
Здесь все танцуют,
а нам к ним нельзя.
Музыка зверства
и людоедства.
Души людские едят
все в оркестре,
танцующих это никак
не коробит.
Они сами
кусают друг друга
и водят танец
из мерзости пошлых объедков,
танец, что к вечности
не ведет человеков.
Что-то куется
на нашей крови,
немало потеряно
ее на пути.
Мы рвем себя сами,
вскрывая сердца,
наш путь
вечных странников —
такая сущьба.

Выйти отсюда,
подальше от музыки,
и — новыми тропами
с чистыми звуками.
Что-то куется на
нашей крови,
нас стало мало,
но мы все-таки вышли
из этой тюрьмы,
оставив решетки и
стены сырье.
Мы зовем с собой
тех, кто вверил кривые
ноги свои
музыкантами оркестра
и топчется в танце
чумного балета.
Мы всех вас зовем,
вы же — все еще люди.
Уйдите оттуда
в страну, где
нет выюги,
из слов, что неправда,
из слов, что все ложь.
Оставьте оркестр
играть
день и ночь,
в вечном огне —
после чистой весны
их снесет туда
ветром
из нашей страны.
Мы вышли
из тюрьмы
и вас всех зовем.

Но из танца
никто не пошел
в новый наш дом —
там все очарованы
или в страхе смердящем,
как под ружьем
перед напастью.

23.12.11

***

Свобода — под стволами
камер оптических,
новейшими средствами
электроники напичканными.
Свобода — под щитами
ментовско-бандитскими.
Свобода — спать под мороз
на листьях подгнивших.
Свобода — в мусорном баке
обедать.
Свобода — твой
телефон слушают,
бегают следом.
Свобода с часовым
на вышке с винчестером.
Свобода — ночью
под покрывалом в спальне
бывший мужчина
и бывшая женщина
ненавидят друг друга,
но все еще вместе.
Свобода — выживать,
бесноваться,
за каждой копейкой
в поту кувыркаться,
чтоб все, как у людей.
А где еще люди?
В этой тюрьме
с вохрой и
болезненной скукой.

23.12.11

***

Я пишу о том мире,
который я вижу.
Я никого не ненавижу:
ни лист с дерева падающий,
ни человека мне не товарища,
ни траву после снега
умершую,
ни зверочеловека
обезумевшего.
Я сожалею о дне ушедшем.
Я жалею того,
кто без сердца.
Я не праведник
и не святой.
Я поэт, а значит,
грешник,
и не простой.
Я люблю жизнь
больше жизни.
Я страстный и не обижен
любовью женщин
и любовью Бога.
Я смешал все
и мне так сложно —
я пишу о мире людском,
как море бушующем,
я пишу о том, что
болит мне нешуточно.
Мир людской
и мир природы Божественной...
Два разных мира.
Человек всегда безответственен.

23.12.11

***

Болтун, врун —
пустой, как трюм,
украденных им кораблей.
Приспособленец,
приживала,
предатель, иноверец
храма,
который строил сам в себе
для идола, что в голове
всю жизнь.
Вещает ныне мысль
о том, что хорошо в стране.
Рюмашку выпил,
закусил вполне,
вещая, врет, как врал всегда.
Седой, бесстыжий,
голова
должна быть мудрости полна
и совести — душа.
Там — пустота.
Зима
в природе и внутри его.
Холодный лед,
трусливое хамло,
прислужка всем, кто
шел после него,
на хилый трон,
с лозы копье.
Такая грязь
после дождя...
Идет в стране зима.

31.12.11

***

Юлю погнали по этапу.
Прикрыв свою большую
сраку,
компашка упырей
зажгла свечу,
А как причастие?
Молчу!
Им сгладят все,
прощая все, простят.
— А небо как? —
мой палец вопрошаet.
«Все нищак!» —
в ответ безмолвием рекла.
Нет!
«Нищак» вам
не упадет больше никогда.
Пробьют куранты
на Кремле,
и шлюха, которая
ведет вас по дыре,
придет опять,
чтоб взять вас
всех в новом году.
И снится в снах
чумных
ревком,
ревтребунал,
завком,
профком,
встающий рыцарь
Феликс, Феникс,
а может,
даже дед, который Ленин;
а тот Мороз, что
тоже дед,
сорвется в бурый в крови
снег;

шахтер погибший
под ногами,
затоптанный бандитовами...
А мне — лишь свет
в постель
во сне.
А мне — любовь людей
в тюрьме.
Я с Юлей вместе
навсегда.
Одна на всех давно
тюрьма.
А Юлька учится войне,
читая мысли,
что во мне
и те, что плахой
на листе.
Слова не сбить,
не посадить,
им все равно,
что здесь, в тюрьме,
что там, на небе,
в вышине.
Слова мои,
мне Бог их дал.
Свечу задуйте,
не то пожар
от пламени ее
пойдет,
за веру, что
смяли в рог,
за ложь,
что на кресте висит.
От вас ее венок,
не принял, вижу,
Бог.

***

Коротким днем
и длинной ночью
в разгар зимы в календаре
на улице тепло
и дождик
из туч свинцовых
на горе.
Вершины плачут согреваясь,
сдавая лед водой траве.
А завтра Новый год
ворвется
условным днем
отсчета лет.
День первый вот-вот начнется,
обычный день,
но смех в душе
и радость детских глаз
у елки,
конфеты, конфетти,
и — свет.
Танцуют люди,
песни,
радость...
Ушедший год добавил лет,
кому достался тихим,
ровным,
кому — печалью под рассвет,
кто-то закончил путь
блаженный,
ушел, оставил все и всех...
А нам сегодня светит
солнце
и елка во дворце,
концерт...

31.12.11

***

На білім полі
білий сніг.
Біжить моя дорога
в білий світ.
На небі голубому
білі хмари, неначе
білий дим
свічок, що сяють
звідусіль.
Дорога до Різдва Христа
веде мене,
як і вела,
і нас усіх веде
до ночі,
в якій сія зоря,
що славить білий світ,
дитя,
Христа.
Біжу через сніги,
полем життя.
Багатство неба,
і слова —
церковним дзвоном,
до Христа.
Любов Христа
для всіх іде,
як завжди йшла.

31.12.11

***

Он — лошадь Батыя,
седло Чингиз-хана,
кнут из Орды.
Я — о их главном,
согласно преданьям
индусов-буддистов,
в случае данном
о реинкарнации регионалистов.
Мне не мечта вся их контора.
Я лишь о царе, что
избран народом.
— Красивый мужчина! —
бабы стонали. —
Этот возьмет свое,
и в избе и в сарае.
И дуры давали
буллетни в урну.
Царь воцарился,
и вывернул думно.
Всем кто стенал,
слюнявил, мокрился,
всем показал,
а сам подменился.
Контора пошла
клептоманиТЬ все в нитку,
а он, царь козлов,
скакать и вприпрыжку
по пням спозаранку,
а дура-народ
скрутился в баранку,
и стоны бабья
как-то притихли
уже не слюня
органы жизни,
а только язык
и зубы вострены.

Ждут, чтоб царя
раздели в уборной,
и «Голый король!» —
челядь орала.
Махаев Махайло
рукой отрубил,
и новый всем царь,
баба на танке,
без стонов бабья из толпы
раздавала баранки —
подходи и бери.

31.12.11

***

Мне повторить?
Я повторю,
и вновь пропущу через себя
свою судьбу.
Все, как тогда,
как в первый раз,
сжигая все, как и сейчас —
как в темной той ночи,
будут гореть мосты,
вместо свечи.
Годами я без сна.
Ночь тянется,
и мыслей, мыслей — тьма,
а вперемешку — страх
ломает все в тебе подряд,
каждая секунда жизни — в час.
Горят мосты...
Что мне мосты?
Сегодня — только Бог
и ближний — весь земной народ.
Несет меня река,
и камни, камни,
течение спешит и тянет
туда, где водопад.
Всем нам не встать.
Кто-то хочет жить и плачет,
а кто-то ищет смерть,
бросая вызов ей
бравадой,
находит, но уже
не рад ей.
Горят мосты...
Эх, женщины моей мечты!
Кто верен из вас был
до конца?

Да только мама,
и та ушла,
один лишь раз оставив...
Но помнит в снах,
приходит, гладит
мои глаза без слез.
Горят мосты...
Любовь и дружба,
ты прости
измены и усталость зла.
Дружба была,
но жизнь-то шла,
и кто-то с нею уходил,
кто-то спешил,
кто-то остался, но остыл.
Горят мосты, горят мосты...
Моя судьба, меня прости...

01.01.12

***

Дош, дош, дош
ріками з небес.
І чую в краплях, що стукають
у вікно
священні слова:
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Воскресну і я.
Музика дощу...
В музиці слова
як знову ця весна
і все в ній
воскреса.
Зазеленіє світ
і буйно зацвіте.
Дош з небес
зі співом янголят:
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Христос воскрес!
Воскресну і я.
Воскреснуть християни і
церква моя.

01.01.12

***

Построим новый град Киреев,
высокой башней в небеса,
а сверху дуля
флагом реет
для Правды, что ушла.
Стоит тот град бетоном в силе
рядом с другими же такими,
там всем построены могилы
на память в тыщи лет.
Мечте предавшись,
в кабинетах
мужчины, тетки в эполетах,
лампасах,
касках,
и балета
от жизни ждут
себе и всем.
Там Мельникович, Ганя, Коля,
там Дима, Лева.
там много их,
под миллион,
и, главное, что золотой —
сверкает орденом, деньгой.
В великой роскоши
вруны и аферисты —
сатаны
родная ветвь.
Город всем —
под Чернобылем.
— Привет! —
кричит злодей из вертолета,
их главный шлеппер.
— Ура! —
кричит быдлота,
и врет ему до вертолета,

дорогой
в каменных ступенях
вранье их костнеет.
Чем выше чин,
вранье тем выше,
больше
та ступень,
что к главному,
на вертолет.
А он летит,
тошня народ.
Сам тоже настрадался
в страхе.
Пропеллеры журчат.
Задача —
как удержаться дальше
в том вертолете-жабе,
что символом беды
болтает пространство,
а он боится, но летает.
Для всех беда...
Да, господа!
Помойте ноги, лапы,
не как всегда,
перед собой хотя бы.
Да, время ваше,
на лету,
там в вертолете, наверху,
не удержать,
не вставить в рост,
во фронт, в тюрьму.
Не ваш там Бог.
Не вымолить, не отстоять.
Время подходит
к вам,
чтобы забрать.

***

Мне хочется рукой пробить окно,
сжав ладонь в кулак,
пройти тяжелое и толстое стекло
в один момент.

Двойной стеклопакет
изранил руку в кровь,
в безмерную, дикую, боль,
чтоб заглушить другую,
что внутри меня
печет огнем.

Посеянные злаки лжи и зла,
проросшие колючками
в темя.

Обиды?

Перетерплю.

Но мимо искарежено-несчастных
я иду,
и не могу их, безутешных,
обойти.

А как помочь?

Обглоданным, больным —
шуты их обобрали,
обокрали,
оставив умирать
в конце спирали
короткой жизни в никуда.

Здесь столько зла,
проклятий, нелюбви —
в стороны врунов,
что впереди!

Мне руку изрезать в кровь,
но это не любовь.

Может, в глаз и в бровь
мне правдой
пригвоздить к позорному
столбу
уродов нации,
из-за которых не живу.
И речь не обо мне.
Я воин,
всегда готов к войне,
страданиям и редкой тишине.
Но вопли ближнего
ко мне
горят огнем в груди,
как вбитый ржавый гвоздь.

19.01.12

***

Столько дураков, болванов
подмяли города и страны.
Не видел раньше,
а может потому, что
я тогда не жил.
А потом время мое
пришло,
но я так молод был.
Сегодня страшно
посмотреть вокруг —
откуда-то их столько
вдруг?
Они были всегда.
Но то всплывали
иногда,
то прятались в
норе, где ад.
Их не палил пожар,
их берегли:
товар,
и ценный, для тех сил,
которые здесь часто
побеждают мир.
Князь тьмы.
Они — его братья.
А всем, кто к Богу
тянет руки,
их нужно претерпеть,
не победить.
Скуки
не бывает на земле,
идет борьба
за каждый день.

Во мне так много
накопилось темноты...
Борьба.
Борьба за жизнь,
которая потом всегда...

20.01.12

***

У нас нет рынка —
зато есть капитализм.
У нас нет свободы —
зато есть бандитизм.
У нас нет счастья —
зато много водки.
У нас нет будущего —
вместо него
придет вождь
во френче и пилотке.
У нас нет правды —
зато есть телевизионные сериалы.
У нас нет цели —
зато есть реформы в постели.
У нас нет прошлого —
зато есть современный музей
скота подошедшего.
У нас нет
нормальной экологии —
зато есть охотники
на заповедной территории.
У нас нет нормальной еды —
зато пальмовое масло
течет из сосны.
У нас нет любви —
зато борделей —
иди и бери.
С нас смеются уже,
аж плачут —
зато мы впереди
планеты всей
по политикам удачным.
Что ждет нас впереди?
А ты туда не ходи,
здесь живи...

***

Сніг.
Третій день
без зупину
сумним тягарем
на спину.
Бреду лісом,
шукаю притулку.
Сніг важкий.
Тріщать гілки
ламаються,
падають донизу.
Звірі сковались.
А я, пробиваючи шлях
в незайманій дорозі,
славлю Бога.
Скільки років я був
сиротою,
тепер в мене родина
з Небесним Отцем,
моїм Богом.
Завжди зі мною
молитва.
Потрісканими від холоду
губами
шепчу її
за гріх,
який за нами
жалюгідним сміттям
тягнеться ззаду,
деколи
і наперед вилітає.
Я його бачу роками.

Тягар життя —
це гріхобуття.
Іду по чистому снігу
вже не тільки я.
Ми славимо
Бога, Сина,
Духа Святого, Отця.

25.01.12

***

Как не президент,
так за ним виселица плачет.
Как ни партия власти,
так козлы —
как за капустой в огород,
за долларом скачут,
но не в плане
подъема или падения,
а в плане грабежа
и накопления.
Что-то не сложилось к удаче
на нашей территории,
не потому что климат
или природа —
«Что-то с духом», — говорил
один «умник» часто
нации.
Какая нация,
если все, сверху донизу,
в прострации?!
Планета вращается,
вращается вокруг солнца,
везде хорошо,
или нормально,
а у нас — в решетке оконце —
сами клепаем
из арматуры украденной,
рвемся потом на волю,
тоже как кем-то
замазанной.
Воля замазана грязью,
как картина.

Некоторые буйствуют,
что ее не видно.
Но мы привыкли,
что нам воля?
У нас землю забирают,
а мы остаемся
на футбольном поле.

25.01.12

***

Мы повторяемся
в листьях весенней поры.
Мы повторяемся
в зарослях над речкой травы.
Мы в деревьях в саду —
все в цветах.
Мы в белых, бегущих
куда-то всегда облаках.
Мы в лучах, что на Землю
пришли.
Мы в ливнях июньской грозы.
Мы в звездах, что в небе любви,
и шепчем: «Иди и не жди».
Жизнь на миг здесь
вселенской красы —
люби всех, не только себя,
не грусти!
Мы — снегом с морозом
на лица прохожих,
на горки для санок
летящих ребят —
смех их
наградой
за добрые наши дела,
что рушат преграды
небытия.

31.01.12

***

— Юлі свободу!

— Ні! —

вищать зі своїх нір, мов пацюки,
заплічних справ майстри.

— Свободу всім дали —

і хто хотів той

до пори все встиг,
дорвавшись до гроши.

Мить! —

і влада можновладна,
сидиш під небом
так поважно.

Служаки церкви — ієрархи,
забувши правила моральні
їм правлять служби
день і ніч.

Молитви їх немовби в вись,
але їх не чути там —

там ангели

відгонять срам,
до Бога те не йде.

— Юлі свободу! —

жде Європа,

терпеливо жде,

і дрота гріє в кузні
всім суддям-вождякам —

вони як шпанюки

зовсім

десь розум розгубили.

Негоже так бандитам в ділі.

Страх прикрили,

але він є

і жме.

Під ранок, ще вночі,

холодний піт,

волоссячко стирчить...

— Юлі свободу!
Бам!
Закрився в хаті хам,
радіє, що вона в тюрмі.
— Юлі свободу!
— Ні!
Від влади нісенітниці,
брехня.
Народ чекає, що з того
вийде:
Юля на волю,
чи, як завжди, фігня.

01.02.12

***

Новости в пристрастии,
журналист в предвзятости,
я сижу в прострации —
смертьястки по голове,
не излечиться мне
в этой большой
измученной стране.
Державные мужи
вьются, как ужи:
политика, технологии,
политикоглотологи
варят супчик мне.
Головы свинные,
бутылочки пивные,
морковочка в сортире,
тыква на плите —
в ней вода.
Водичка перемешана
с жуками, пауками,
раздавлены в ней
косточки
малярийных комаров.
И мухи, мухи
плавают в глазах,
и перегной...
Политика подельников,
камерных тузов,
рожицы наклеены
чертячий
сверх голов.
И я сижу страдаю
у телика
в ночи,
слушаю «спасателей» —
нелюдей
загаженной страны.

15.02.12.

***

Похоронная команда,
погребальный взвод —
в оппозиции и власти
есть народ.
Запроданцы, тумананцы,
штукари
пудрят мозг народу
от зари до зари.
Их задача — отвести и увести,
ямы рыть,
потом в кусты,
отдышаться, отдохнуть,
сосчитать шальную мзду,
цвета черного верхнал
спрятать, ныкнуть
под чулан,
а потом опять
штукарить и вертеть
нацией уставшей
под вертеп.
Похоронная команда,
погребальный взвод,
вертолетные площадки
и народ.
Слов вранья курганы
и горбы,
увести народ от правды
в никуды.
Запроданцы Украины —
холуи,
рати президентской
гробаки.

15.02.12.

***

Мир громыхает баллонами
чадного газа,
люди таскают их за собой,
как будто бы так и надо.
Устал, возбудился —
вдохнул,
и снова охлуй
может лететь из дома,
дорогой в асфальте
сбивая подобных,
за удалю денежной,
за упаковкой.

Полосы в краске бумаг,
чтобы снова купить можно газ,
и угорать, угорать, угорать...
А дороги, сплетений хитрых
этажи и под землю вошли,
мчатся ими
ночью и днем,
а на спине баллоны —
модные, разные с виду,
фирмы известные,
бренды и марки.

Мир весь в баллонах,
и газ дорожает,
мало угля, леса —
на всех не хватает.
— Дайте глоток! —
тянет нищий руку
прохожим.

Кто-то изжалился
и трубку баллона
подносит,
нищий склоняется низко
от счастья,
он благодарен вам,

а охлуй
проносятся в закольцованной
паутине дорог,
вроде бы дальше,
все дальше...

16.02.12.

***

Тусклым светом
цвет угрюмый
красок блеклых
на картину:
здесь отрезок в пол-аршина,
а в нем жизнь — наполовину.
Снег мелкой просыпью в тумане.
Оттепель, февраль над нами.
Грозный окрик конвоира —
гвоздь как будто вбили в спину
на полметра через все.
Тело сжалось. И пальто —
драп потертый, нити видно...
Страх с утра.
И не обидно —
жизнь...
Радость взяли вместе с нами
в сумки, связки, чемоданы
и закрыли лет на много.
Но мне снег здесь по дороге,
в радость с дымкою-туманом,
солнце в глубине.
Обмана нет.
Жизнь живу я на земле.
Волю дайте!
И не мне —
всем, кто в зонах жизни,
томится душой,
волю дайте!
И пустите в этот снег
нас, свободных.
Но сверху тихо.
Конвоиров мат, и звон
карабинов за спиной
заменяет колокольный.

Церковь в каждом из нас,
подпольно,
Бог так близок в подневольне.
Я иду снежной дорогой,
рядом тоже люд такой же,
лай собак, чьи выше доли
наших, собранных
и сданных.
Сами по себе
вошли с окраин
разума, что спит столетья,
через урну
с прахом света,
чрез участок,
не ментовский.
— Да что ты! —
снова крик вохры и палка
больно по плечам.
Не жалко...

21.02.12.

***

Куда-то снег ушел водою,
туманом ночью...
За тобою готов бежать я,
мой белый снег, весне навстречу.
Теперь лишь ты во сне
мне в память встречи.
Что-то птица одинокая вслед
прокричала,
и я махнул ей
радостно рукой.
С утра, да спозаранья,
по лужам я гуляю,
но не весна еще,
а та граница,
когда любовь в глубинах
сердца
вновьискрится
к тебе, моей единственной,
к тебе,
такой же белой, мягкой,
как ушедший снег...
Но ты со мной.
И не уйти тебе
туманом и водой.
Ты со мной, бегущая
по жизни рядом
любовь.
И память не дает забыть
 тот день счастливый,
когда тебя я полюбил, Наталья.
Моя, моя, моя
цветеньем вечно полыхающего
мая.

26.02.12.

***

Генетики в Тайване
из украинских коммунистов
вывели вид новый активистов —
коммунобуржуазнокрис.
Такой же как и все на вид,
лишь неприятное, несимпатичное
лицо и хвост крысиный,
вот падло! —
потолще будет, чем у крыс,
меж ягодиц висит, торчит,
и деньги делает такой подвид,
куда там Гейтсу, Соросу —
артист!
Работает врачом или в министрах,
на авто ездит
тысяч за триста, или чуть меньше —
двести, сто, —
но все равно зеленых,
и пальто,
особое, из тонкой шерсти,
цена пальто — квартира пролетария
в Нью-Джерси.
Коммунобуржуазнокрис
готовит почву под
гибрид:
объединить капиталистов
и «старців» для жизни
долгой,
а самим — в актив.
Капиталисты — «за!»,
двумя ногами,
а бедные — в раздумьях.

Дамы, что тоже
коммунобуржуазнокрис,
красивые на вид,
лишь клешни там,
где место для пис-пис,
горячие в любви, в работе,
агитацию ведут в цейтноте —
увековечить нам
союз орала-капитала,
чтобы страна на этом
тыщу лет стояла.
Законы все под «это» и под «то».
народ-то думает, что это
для него, чтобы иметь
такое же пальто.
А это, люди,
знайте, как я знаю, —
все эти штучки их —
хвосты и клешни,
а то, что вам обещано:
мол, будет так,
как было при Совете,
ложь. Не будет так,
а будет хуже,
или так, как есть.
Тайванские генетики
вчера в конюшне депутатской
собирали шерсть...

26.02.12.

***

Бог — це безмежна любов.
Бог — це радість, в якої
немає кінця.
Бог — це правда і захист
для всіх, хто бажає
Отця.
Я повен сердечного щастя,
в дорозі туди,
де Божий вічний дім.
Буває, падаю, іду на манівці,
впадаю в гріх...
Та плачу і прошу:
— Отець!
Ще не кінець моїх шляхів,
я виправлюсь...
І за братів радію,
що поряд йдуть,
Бог — мій захист
від злих із жадобою
вбивць.
Бог втішитель мій.
Бог терпеливо жде,
а ми ідемо тяжко,
гуртом і поодинці,
идемо
до самого кінця,
і чашу гіркоти, по вінця,
вип'єм з радістю
для Отця.

26.02.12.

***

Роксолани, Роксолани,
по Європах полетіли
ублажати яничарів,
за доляри.
В рабстві сексу —
жрецоїні.
Може, так вони хотіли?
Може, це їх сенс життя?
Розпуста на конвеєрі
буття.

27.02.12

***

Железная дорога серьезно,
как думают они,
занялась покупкой
антиквариата.

Пятнадцать лет гоняют
деньги дураки,
скупая бронзовых коней
из Китая.

Наехало КРУ, нашло
действительно счета —
скупали антик-цацки
без конца.

Но, получив в подарок
коней, слонов из бронзы,
изваянных
месяц назад
у нас, здесь на Подоле,
купились, акт составили
нормально,
и снова гонят деньги,
хлам покупая,
столбов от власти
поздравляя.

Столбы и рады
шаре от искусства,
которое подделали
им вкусно.

Но снова вонь от
журналистов,
да и стучит кто-то
на железнодорожных коммунистов —
вот шум и вяка.

Но это временно.

Потом опять пойдут в
салоны их «дилераки».
Такой вот новый строй
построили в трудах:
любовь к искусству —
надурняк.

27.02.12

КОНВЕЙЕР ЗАСТЕНКА

После того, как правители мира, эти темные сущности из банков и корпораций, превратили мужчину из воина в добытчика денег, домов, земельных участков, автомобилей и другого имущества, поставив его на конвейер, потому что заводских и фабричных потогонных конвейеров на всех не хватало, мужчина перестал быть мужчиной. Он вышел из людской сущности. Не все, безусловно, а лишь те, кто поддался. А поддалось много.

Вы скажете: нет, богатый мужчина — это настоящий мужчина.

Это человек, который состоялся. А что значит состоялся? Где эти рамки, таблицы и книги, в которых есть расчеты и формулы
с-о-с-т-о-я-в-ш-е-г-о-с-я?

Богатый мужчина перестал быть **МУЖЧИНОЙ!**

Это — самовлюбленное, чванливо, жестокое, самодовольное, проедающее жизнь существо. Многие — тоже не мужчины, потому что стали на конвейер, но не «состоялись», по какому-то темному закону мира, но продолжают вертеться в этом конвейере завидя и ненавидя «состоявшихся проедателей». Воины вышли из этой толпы и пошли в своем, указанном им свыше направлении, никого не презирая и не ненавидя, испытывая лишь жалость и резкое чувство презгливости как от прикасания к земноводному.

Конвейер мира закручен в зону, в застенок. Эпоха превращений нормальной жизни людей в хотяющееся им падение...

Содержание

«Поет-прозорливець врятував вчесть нашого часу...»	3
<i>Євген Пашковський</i>	
“я пламенем в небо...”	12
“Красными буквами...”	13
“Свет из окон домов...”	14
“Снег заметает крыши домов...”	16
“Бывший директор...”	18
“Густой снег кружится...”	20
“В траве зеленої...”	21
“Через стекло окна...”	22
“Дома архитектуры старой...”	24
“Я вас понимаю...”	26
“Площадь взрывается шквалом эмоций...”	28
“Мне не обнять тебя...”	30
“Белый иней серебром...”	32
“У каждого своя беда, свое горе...”	34
“Лес на километры...”	41
“День особенный...”	43
“День рождения отпразновать...”	45
“Живет человек...”	47
“Скоро выборы в стране...”	49
“Часы уносят меня в зиму...”	52
“Раньше вор...”	54
“Когда нет в любви...”	56
“Великий город...”	58
“Типа премьер-министра, Бездаров...”	59
“Вгрызаясь грызу...”	61
“Постоянная больница...”	63
“Промывая мозги гражданам...”	65
“Очерствевшие люди...”	66
“Глобальні псевдоперетворення...”	68
“В парламенте...”	70
“Люда простого осталось в стране...”	72
““Близ есмъ при дверях...”	75
“Стой! Руки к стене...”	77
“Бюрократія, олігархія...”	78
“Не всі з пантелику збиті...”	80
“По холодной траве...”	81
“В цветах и травах луговых...”	82
“Ты ищешь любовь и страсть...”	84
“Білим цвітом...”	86
“Спадає вечір в ніч ідучи...”	87
“До схід сонця.....”	88
“Почти как в той далекой-далекой...”	90
“В далекий звездный туман...”	92
“Локомотив по рельсам...”	94

“Мир плыл в какой-то...”	96
“Предрассвет...”	99
“Скільки людського непотрібу, хламу...”	100
“Тихая улица в липах, каштанах...”	102
“У Всеукраїнському Розбрраті...”	106
“Вопросы, вопросы, вопросы...”	108
“Народ запрягают...”	110
“Красоты выпиты...”	112
“Судьба и жизнь мои...”	113
“Коммунистическая партия России...”	114
“Ліберали-словоплисти...”	116
“Святой и бес...”	118
“Миром правят почти что дураки...”	120
“Трамвай стучит по рельсам...”	122
“Если ты ненавидишь...”	123
“Прошмигей та прорвавіsti...”	125
“Камни, камни, камни...”	126
“Облака туманом белым...”	128
“Маша-зайчик!“	129
“Годами, шагами, дорогами...”	130
““Трактиръ...”, “таверна”, “хотдогня...”	132
“Стога сена летом...”	133
“Я Бога боюсь...”	135
“Женщины прекрасные...”	136
“Не бахвался Луг...”	139
“Крик ночной...”	140
“Невидимый фронт...”	141
“И плачет зима сама за собою...”	143
“Головиха мадам Крикунова...”	145
“Стильный бимер на дороге...”	147
“Сколько эмоций, горений...”	149
“Поле ржи...”	150
“Скотско-плотская любовь двоих...”	151
“Дождь и зонты...”	152
“Давай начнем сначала...”	153
“Первые ростки “ ...”	154
“Мне нужна любовь...”	156
“Айсбергом в морях северных...”	157
“Под цвет травы...”	158
“Не хочу жить...”	159
“Я слышу твои шаги...”	160
“Сколько убито за двадцать лет...”	161
“Попухли люди...”	162
“Я строю плачевню...”	163
“Слава и ее земные лучи...”	165
“Время уводит все дальше...”	166
“Социалисты-утописты...”	167
“Хижинцы и дворцы...”	169
“Вранішня тиша...”	170
“Згори додолу...”	171
“Цензура, цензоры, политтехнологии...”	172
“Революция...”	173
“Вырваны годы из контекста...”	175
“Я пишу большой ценой...”	176
“Рабы мы...”	177

“Весна, весна...”	178
“Мировой уровень...”	179
“Мамо! Як давно Вас нема...”	180
“Я не хочу, чтобы меня хоронили...”	181
“Белые сады...”	182
“Море цветов...”	183
“Шаг, шаг, шаг...”	184
“Ветер силу набирает.....	186
“Проходи ты свой путь...”	189
“Порт...”	190
“Посмотри на небеса...”	191
“Я выпит до дна сегодня трудами...”	192
“Безвременья нет...”	194
“Красных губ...”	196
“Кто-то умирает, вызывая...”	198
“Куча мусора...”	199
“Узники совести эпохи...”	200
“Под власть упали...”	202
“Я знаю, что такое...”	204
“Я терпеливо и спокойно...”	205
“Болью искажено твое лицо...”	206
“Если это ваш праздник...”	207
“От тебя к тебе...”	208
“Сон ушел от меня...”	209
“Уходит ветер, что вчера пришел...”	210
“Кумира-короля...”	211
“Временами в этом мире...”	212
“Мамо! Мені так без Вас погано...”	213
“Кричат со всех углов страны...”	214
“Дождь...”	216
“Резвый ветер...”	218
“Этот день змеиным жалом...”	220
“Страна и страны...”	223
“Двери, двери, двери...”	225
“Что-то чисто не очень...”	227
“Надія знову серце гріє...”	229
“Ішу я сьогодні твой образ...”	230
“Уходят эпохи...”	232
“Болтиглот философии...”	235
“Ветви с листьями нежными...”	237
“В стране непаханных уродов...”	238
“Несчастные...”	239
“Ранним утром...”	241
“Да здравствует новый...”	243
“Мои стихи взорвут еще...”	245
“Снова тюремные...”	246
“С фигурой тромбона...”	248
“Упитанный морда...”	249
“Кладбище на Красной площади...”	251
“В Багдаде давно не спокойно...”	253
“Голова Гонгадзе осталась у вас...”	254
“В шахтах трупы...”	255
“Волны моря в берег бьются...”	256
“Мне осталось вставать и падать...”	257
“За черствость душ богатых...”	258

“Пространство заполнено...”	259
“Смотрите, оставшиеся сиротами...”	261
“Дожди, дожди...”	263
“Пустыми словами...”	264
“Страна опять вздрогнула...”	266
“Абсурд и много...”	267
“Все в руках Бога...”	269
“Мы люди...”	271
“Я повторяюсь...”	272
“Идите вы все “джонсоны”...”	274
“Никогда не найти мне...”	275
“З великою партією...”	276
“Предатель — сын предателя...”	277
“За стеклом бронированным...”	278
“День незалежності...”	280
“Можновладці...”	283
“Де ж нам Юльку, сука...”	285
“Шел бульдозер по стране	286
“Калашное рыло...”	287
“Падеж скота...”	288
“Звільнить скоро пан дачу...”	290
“Что мне здесь ваше “это” ...”	291
“Газ...”	293
“Бывают дни, когда...”	295
“Жар в груди...”	296
“Шиншилла...”	297
“Мария...”	298
“Солнце, солнце светом...”	300
“Траурного цвета стены...”	301
“Мне часто снятся жуткие...”	303
“Инициатива — форум-саммит...”	305
“Все на крови...”	306
“Фінансова світова криза	309
“Люлі, люлі, люлі, ...	310
“В своем отрезке времени...”	312
“Зад свой разбросав...”	314
“Сине-белый “кулек” ...”	315
“Роскошь миром...”	317
“Я так спешил...”	319
“В полнолуния ночь...”	321
“Верби рядами...”	323
“Мы в городе одном...”	324
“В комірчині...”	325
“Осень, осень...”	326
“Міліція встала з колін...”	328
“Забор из стали олигархов...”	331
“Ход цивилизации...”	332
“Билборды, билборды, билборды...”	333
“Сірі ворони...”	334
“Нашей страны...”	335
“Листья в солнце...”	336
“Вы видите себя будущим...”	337
“Бокал жизни до краев...”	339
“Пришла пора принять...”	341
“Построила бункер власть...”	343

“Ліс зелено-димлястою стіною...”	345
“Праздник по улицам...”	346
“Выходит на сцену...”	349
“Слово гений душу греет...”	351
“Блудным оком...”	352
“На картине цветы весны	354
“Ангел в небе след оставил	356
“Какая дрянь...”	358
“Ротозеево	360
“День свободы...”	362
“В серости осени...”	364
“Марічко...”	365
“Анна...”	366
“В масках проти...”	368
“Фашизмная взращенная элита...”	369
“Жизнь снова разлучает нас...”	371
“Нелучшие дни...”	373
“Тебя ломает в повороте...”	376
“Толковый словарь...”	377
“Движеньем мимо пустоты...”	379
“Звездою падающей вниз...”	380
“В стране канализации...”	382
“Нет! Так не выйти...”	384
“Свобода — под стволами...”	387
“Я пишу о том мире...”	388
“Болтун, врун...”	389
“Юлю погнали по этапу...”	390
“На білім полі...”	393
“Он — лошадь Батыя...”	394
“Мне повторить?...”	396
“Дощ, дощ, дощ...”	398
“Построим новый град Киреев...”	399
“Мне хочется рукой пробить окно...”	401
“Столько дураков, болванов...”	403
“У нас нет рынка...”	405
“Сніг...”	406
“Как не президент...”	408
“Мы повторяемся...”	410
“Юлі свободу!..”	411
“Новости в пристрастии...”	413
“Похоронная команда...”	414
“Мир громыхает баллонами...”	415
“Тусклым светом...”	417
“Куда-то снег ушел водою...”	419
“Генетики в Тайване...”	420
“Бог — це безмежна любов...”	422
“Роксолани, Роксолани...”	423
“Железная дорога серьезно...”	424
Конвойер застенка	426

Літературно-художнє видання

Можаровский А.И.

**M75   Эпоха в застенке.— К.: ИПЦ «Киевский университет»,
2012. — 432 с.
ISBN 978-966-439-226-3**

**УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5**

*Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК*

*Ком'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО*

*Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ*

Здано до виробництва та підписано до друку 14.03.2012
Формат 60x100 1/16
Фіз.друк.арк. 27,0. Ум.друк арк. 29,96.

Видавничо-поліграфічний центр «Киевский университет»
01601 м Київ, буд. Т.Шевченка, 14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002

Анатолій Можаровський виріс як поет без багатьох літературних умовностей; зовнішніх удавань правди; його правда – правда відземлення; правда відлюблення всього і так надмірного; правда відходу – ради наближення до Боголюбі і її небесних радостей; не хлібом з глинянників, а хлібом Божественного Слова вчився він годувати дух: здоровіти, милосердніти – і прикладом у малому слові подавати приклад іншим. Не всім така їжа до смаку; може декому такий наїдок і прісний – але в ньому те служіння, те призначення, яке і закладав Бог у слові, – відділяти добро від зла, небеснолюбов від земнолюбія, вічне від смертного, – і, відділяючи кайданне, помагати духові вознести до Нього.

“Ви врятували честь нашого часу”, приблизно так, в одному з листів, сказав Шаламов Пастернакові. Приблизне можна сказати й про Можаровського, що рятував честь свого часу перед Богом.

Євген Пашковський